КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

ТОМЪ LXXX.

1903 г.

ЯНВАРЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.
1903.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 4 января 1903 года.

Въ истекшемъ учебномъ 1901—1902 году Правленіемъ Общества имени Т. Г. Шевченка выдано учащимся въ Петербургѣ уроженцамъ Южной Россіи болѣе трехъ тысячъ рублей пособія, тогда какъ въ два предшествующіе года потребовалось пособій на 1800 руб. Такая усиленная выдача пособій въ истекшемъ году истощила совершенно кассовыя средства Общества.

При всѣхъ принятыхъ Правленіемъ мѣрахъ къ пополненію денежныхъ средствъ приливъ поступленій далеко не отвѣчаетъ назрѣвшей нуждѣ въ пособіяхъ, и въ начавшемся новомъ учебномъ году Правленіе могло выдать въ пособіе всего 400 руб. Между тѣмъ вновь поступило уже просьбъ о пособіяхъ почти на 1000 руб.

Поставленное въ затруднительное положеніе неимѣніемъ въ кассѣ средствъ Правленіе рѣшило обратиться ко всѣмъ, кому должны быть дороги и близки успѣхъ ученія и здоровье южно-русскаго юношества съ просьбой помочь Правленію по сбору средствъ путемъ поступленія въ члены Общества, пожертвованіями и вообще тѣми мѣрами, какія кому доступны. Правленіе проситъ поспѣшить посильными взносами, дабы не оставить учащихся безъ пособій и не подвергнуть нуждающихся въ пособіяхъ удаленію изъ учебныхъ заведеній, такъ какъ преобладающіе мотивы просьбъ—пособія для взноса за право слушанія лекцій.

Вмѣстѣ съ этимъ Правленіе обращается къ членамъ Общества, еще не внесшимъ взносъ за текущій 1902 годъ, поспѣшить внесеніемъ денегъ.

Въ Петербургѣ деньги принимаетъ ежедневно съ 10 ч. до 4 ч. казначей Петръ Петровичъ Катериничъ (Невскій, 70), ему же можно высылать и почтою. Кромѣ того въ Кіевѣ принимаются взносы уполномоченнымъ членомъ Общества В. П. Науменкомъ (Маріин.-Благов., 59), а также въ Редакціи «Кіевской Старины» (Маріин.-Благов., 60) ежедневно отъ 2 до 4 часовъ.

Іосифъ Максимовичъ Бодянскій и его заслуги для изученія Малороссіи.

6 сентября 1902 года исполнилось 25 лѣтъ со дня смерти извѣстнаго слависта I. М. Бодянскаго.

Уроженецъ полтавской губерніи, О. М. Бодянскій всю свою жизнь сохранялъ живыя симпатіи къ своей родинѣ, къ изученію ея быта, ея прошлаго. Эти симпатіи, руководили его литературной, научной и издательской дѣятельностью. Въ исторіи изученія Малороссіи онъ оставилъ крупный слѣдъ преимущественно своей издательскою дѣятельностью, какъ редакторъ «Чтеній въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ». За все время своего редактированія онъ выпустилъ въ свѣтъ *сто* книжекъ «Чтеній», въ которыхъ, между прочимъ, помѣщено много чрезвычайно важныхъ источниковъ для малорусской исторіи и быта малорусскаго народа.

Для интересующихся исторіей духовнаго развитія малорусскаго народа не менѣе важна и литературная дѣятельность О. М. Бодянскаго, его литературные опыты на малорусскомъ языкѣ. Съ нихъ началъ свою литературную дѣятельность Бодянскій. Они показываютъ намъ его глубокія симпатіи къ родинѣ, къ ея языку, желаніе самому содѣйствовать развитію родного языка и родной литератур.ы

Въ связи съ этимъ стоитъ собираніе О. М. Бодянскимъ памятниковъ народнаго творчества. Къ сожалѣнію, Бодянскій дер-

жался въ этомъ отношеніи своеобразнаго, хотя врядъ-ли правильнаго взгляда—собрать сначала какъ можно больше этихъ памятниковъ, составить возможно полный сборникъ ихъ и тогда уже его напечатать. Этому принципу Бодянскій слѣдовалъ всю свою жизнь, всю свою жизнь собиралъ памятники народнаго творчества, не печаталъ ихъ, ожидая большей полноты, а когда умеръ—матеріалы исчезли: по крайней мѣрѣ, нѣтъ указанія на то, чтобы они сохранились.

Научно-критическія статьи Бодянскаго, появившіяся въ 1830-хъ годахъ до поѣздки его за границу, и его магистерская диссертація «*О народной поэзіи славянскихъ племенъ*» не мало способствовали возбужденію интереса къ изученію малорусской народности, а также интереса къ литературнымъ произведеніямъ на малорусскомъ языкѣ.

Мы не говоримъ уже о заслугахъ О. М. Бодянскаго въ области изученія славянскихъ нарѣчій, славянскихъ литературъ и исторіи славянъ вообще. Заслуги эти высоко цѣнятся спеціалистами. Благодаря этому, онѣ какъ бы поглощаютъ всего Бодянскаго. Въ публикѣ знаютъ обыкновеннаго *слависта* Бодянскаго, понимая подъ словомъ *славистъ*—спеціалиста, посвятившаго себя изученію языка и литературъ западныхъ славянъ. Заслуги О. М. Бодянскаго для изученія своего родного малорусскаго народа, заслуги при томъ чрезвычайно крупныя, остаются обыкновенно въ тѣни.

Мы не скажемъ, чтобы онѣ оставались безъ вниманія въ научной литературѣ. Довольно, напр., обстоятельную оцѣнку литературной дѣятельности О. М. Бодянскаго на малорусскомъ языкѣ далъ проф. Н. И. Петровъ въ своихъ «*Очеркахъ исторіи украинской литературы XIX столѣтія*» [1]). Проф. Н. П. Дашкевичъ въ своемъ «*Отзывѣ о сочиненіи г. Петрова*» [2]), являющемся, въ сущности, самостоятельнымъ научно-критическимъ обзоромъ исторіи малорусской литературы, въ разныхъ мѣстахъ отмѣчаетъ заслуги О. М. Бодянскаго. А. Н. Пыпинъ въ

---

[1]) Кіевъ, 1884 г., стр. 177—188.

[2]) Отчетъ о 29 присужденіи наградъ графа Уварова. Спб. 1888, стр. 37—301.

3-мъ томѣ «*Исторіи русской этнографіи*», заключающемъ въ себѣ, какъ извѣстно, этнографію малорусскую, достаточно полно выяснилъ роль и значеніе О. М. Бодянскаго въ исторіи изученія малорусской народности [1]). Но всѣ эти труды, по своему характеру и основной своей задачѣ, не могли заняться всесторонней оцѣнкой дѣятельности О. М. Бодянскаго въ исторіи изученія родного ему края. Они характеризуютъ ее только въ общихъ чертахъ въ связи съ другими однородными ей явленіями. Между тѣмъ заслуги О. М. Бодянскаго въ дѣлѣ изученія Малороссіи на столько велики, что нуждаются въ болѣе детальномъ обзорѣ.

Мы, поэтому, намѣрены нѣсколько подробнѣе остановиться на этой именно сторонѣ вопроса. Но дѣлать обзоръ заслугъ О. М. Бодянскаго для изученія Малороссіи, не коснувшись его біографіи, его литературныхъ и общественныхъ отношеній—нельзя. Наука составляла содержаніе жизни О. М. Бодянскаго и выдѣлить, поэтому, его научную дѣятельность изъ житейской и общественной обстановки, въ которой она проходила, намъ не представляется возможнымъ. Вотъ почему мы довольно долго останавливаемся на біографіи О. М. Бодянскаго. Къ этому же располагаетъ и накопившійся за послѣднее время матеріалъ, еще никѣмъ, кажется, не использованный.

Благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ, большая часть бумагъ О. М. Бодянскаго попала въ руки А. А. Титова и, такимъ образомъ, сохранена отъ погибели и сбережена для потомства. А. А. Титовъ многое уже напечаталъ въ «Чтеніяхъ въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ», въ «Русскомъ Архивѣ», въ «Кіевской Старинѣ». Личность О. М. Бодянскаго начинаетъ мало-по-малу выясняться.

О. М. Бодянскій не игралъ, правда, въ русской жизни, такой центральной роли, какую игралъ, напр., М. П. Погодинъ. Но все же О. М. Бодянскій дѣйствовалъ на научномъ поприщѣ почти сорокъ пять лѣтъ, при чемъ 25 лѣтъ онъ былъ профессоромъ славяновѣдѣ-

---

[1]) Т. III, стр. 104—113.

нія въ московскомъ университетѣ. Онъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ самыми разнообразными представителями науки какъ въ Россіи, такъ и среди славянъ, велъ съ ними по разнымъ поводамъ обширную переписку, посвящая иногда цѣлыя обширныя письма разсмотрѣнію или разрѣшенію тѣхъ или иныхъ научныхъ вопросовъ. О. М. Бодянскій, наконецъ, былъ свидѣтелемъ многихъ явленій нашей общественной жизни, принимая въ нихъ то или другое участіе, такъ или иначе на нихъ отзывался. Вотъ почему біографія О. М. Бодянскаго имѣетъ научное значеніе, имѣетъ затѣмъ общественный интересъ, и можно только самымъ искреннимъ образомъ пожелать, чтобы она поскорѣй нашла себѣ изслѣдователя.

Мы не задаемся цѣлью написать болѣе или менѣе полную біографію О. М. Бодянскаго. Задача наша болѣе скромная. Помимо обзора дѣятельности О. М. Бодянскаго для изученія родной ему Малороссіи, мы старались только сгруппировать въ извѣстной системѣ біографическіе факты, сдѣлавшіеся извѣстными въ печати. Съ этой точки зрѣнія, наша работа можетъ быть не безполезной, какъ матеріалъ, для того, кто бы захотѣлъ полно, всесторонне и вполнѣ научно изучить и освѣтить личность О. М. Бодянскаго, оцѣнить его труды для науки вообще. До сихъ поръ это не сдѣлано. Личность основателя славяновѣдѣнія въ Россіи рисуется въ какомъ-то туманѣ, а его научные труды находятъ себѣ оцѣнку только въ самыхъ общихъ чертахъ.

Излагая біографію О. М. Бодянскаго, мы съ особеннымъ вниманіемъ останавливаемся на его литературной дѣятельности до поѣздки его за границу. Большинство литературныхъ работъ О. М. Бодянскаго теперь забыто, такъ какъ онѣ затерялись въ старыхъ журналахъ, составляющихъ библіографическую рѣдкость, а между тѣмъ работы эти объясняютъ намъ многое въ дѣятельности О. М. Бодянскаго. Въ Кіевѣ въ разныхъ библіотекахъ (журн. «Кіев. Стар.», университета св. Владиміра, духовной академіи, коллегіи Павла Галагана, фундуклеевской гимназіи) намъ удалось разыскать всѣ тѣ журналы, въ которыхъ помѣщены были раннія статьи О. М. Бодянскаго. Въ виду ихъ рѣдкости, мы и нашли нужнымъ на-

и болѣе подробно изложить ихъ содержаніе. Этимъ же объясняется и то обстоятельство, почему мы цѣликомъ перепечатываемъ малороссійскія вирши О. М. Бодянскаго, затерявшіяся въ «Молвѣ» 1833 г. и очень, очень немногимъ теперь извѣстныя.

Отыскать статьи О. М. Бодянскаго стоило не малаго труда, и мы искренно благодаримъ тѣхъ лицъ, которыя помогали намъ въ этомъ. Безъ ихъ помощи мы врядъ-ли могли бы обойтись.

I.

Родина О. М. Бодянскаго. Его происхожденіе. Свѣдѣнія о первоначальномъ его воспитаніи. Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ. Значеніе для О. М. Бодянскаго переяславской семинаріи.

Родиной Осипа Максимовича Бодянскаго было мѣстечко Варва лохвицкаго уѣзда полтавской губерніи. Отецъ его Максимъ Гавриловичъ былъ священникомъ и одно время благочиннымъ въ этомъ мѣстечкѣ [1]). Мать его, можетъ быть, происходила изъ дворянъ, такъ какъ за нею числилось нѣсколько душъ крѣпостныхъ крестьянъ [2]).

У отца Максима было нѣсколько дѣтей; изъ нихъ Осипъ Максимовичъ былъ старшимъ. Родился онъ 31 октября 1808 г. [3]).

---

[1]) Предисловіе А. А. Титова къ письмамъ О. М. Бодянскаго къ отцу. Чт. въ Общ. ист. и древн. 1893 г. кн. III.

[2]) *А. А. Кочубинскій.* Графъ С. Г. Строгановъ. Изъ исторіи нашихъ университетовъ 30-хъ годовъ. Вѣстн. Европы, августъ, 1896 г., стр. 478.

[3]) Въ оффиціальной біографіи, помѣщенной въ «Біографическомъ Словарѣ профессоровъ московскаго университета» (М., 1855. т. I), днемъ рожденія О. М. Бодянскаго названо 3 ноября. Этому указанію слѣдуютъ и позднѣйшіе біографы. Между тѣмъ, документы, сообщенные Н. А. Поповымъ (Рус. Ст. 1879 г., кн. II, стр. 461) показываютъ, что рожденіе О. М. Бодянскаго въ метрическія книги почему-то не было записано; слѣдствіе же, произведенное чрезъ опросъ родственниковъ (отецъ въ то время былъ еще живъ) при поступленіи О. М. Бодянскаго въ университетъ, показало, что днемъ рожденія знаменитаго слависта было 31 октября: 3-го ноября онъ былъ крещенъ.

О дѣтствѣ О. М. Бодянскаго нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Одинъ изъ родственниковъ его, В. И. Константиновичъ, со словъ своего отца, въ письмѣ къ профессору А. И. Маркевичу сообщаетъ слѣдующее: «лежитъ, бывало, Осипъ ночью подъ стѣнкой, вмѣстѣ съ отцомъ, на одной постели и подъ покрываломъ все бредитъ или плачетъ, умоляя отца отвезти его учиться. Но *отецъ Мáксымъ,* постоянно отвлекаемый дѣлами, только послѣ продолжительныхъ настояній сына нашелъ возможнымъ отправить его въ Переяславль (южный), въ бурсу. Взрослый мальчикъ, Осипъ, въ бурсѣ, конечно, не бросилъ своей страсти къ книгамъ, учился много и, наконецъ, объявилъ о своемъ желаніи куда-то ѣхать, держать экзаменъ, чтобы поступить въ какое-то учебное заведеніе. Но куда, въ какое припомнить теперь не могу [1]). На Мáксыма, т. е. на отца, надежда была плоха; но мой отецъ предложилъ себя—отправилъ Осипа на свой счетъ и не скупо снабдилъ его деньгами, за что впослѣдствіи Бодянскій при всякомъ случаѣ высказывалъ свою признательность моему отцу, высылая ему всякое свое сочиненіе, изданіе, карты. Такимъ образомъ, попали въ наши амбары, а потомъ сгнили всѣ изданія Общества исторіи и древностей россійскихъ» [2]).

Въ этихъ воспоминаніяхъ, записанныхъ много лѣтъ спустя, когда О. М. Бодянскій пріобрѣлъ уже извѣстность, несомнѣнно, есть извѣстная доля преувеличенія относительно жажды учиться у мальчика. Вѣрнѣе, будемъ думать что О. М. Бодянскій попалъ сначала въ переяславское духовное училище [3]), а затѣмъ въ семинарію не потому, что онъ самъ настаивалъ на этомъ, а просто онъ былъ опредѣленъ туда, какъ обыкновенно опредѣлялись и опредѣляются сыновья священниковъ. Съ нимъ вмѣстѣ учился и младшій братъ его Федоръ Максимовичъ.

---

[1]) Рѣчь идетъ, вѣроятно, о намѣреніи О. М. Бодянскаго поступить въ Педагогическій Институтъ.

[2]) *А. А. Кочубинскій.* Гр. С. Г. Строгановъ. Вѣст. Евр. 1896 г. августъ, стр. 478.

[3]) Чтенія въ Общ. Ист. и древн. 1893 г., кн. III. Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 5.

Переяславская семинарія основана была въ 1738 году епископомъ переяславскимъ и бориспольскимъ Арсеніемъ Берло и въ теченіе почти столѣтія сложилась въ довольно оригинальное учебное заведеніе. Культурная роль полтавской семинаріи, къ сожалѣнію, совершенно еще не выяснена. Но она на югѣ Россіи, въ особенности въ полтавской губерніи, была, несомнѣнно, очень значительна. Количество учениковъ въ переяславской семинаріи было всегда довольно велико, и въ ней получали образованіе не одни только духовные, но и свѣтскіе люди [1]). Въ числѣ преподавателей семинаріи мы находимъ лицъ, извѣстныхъ въ исторіи: Варлаама Шишацкаго, впослѣдствіи могилевскаго архіепископа, кіевскаго протоіерея и извѣстнаго проповѣдника Ивана Васильевича Леванду, затѣмъ знаменитаго украинскаго философа Григорія Саввича Сковороду [2]). Одинъ изъ воспитанниковъ семинаріи Егоръ Федоровичъ Тимковскій, учившійся тамъ въ самомъ началѣ XIX ст., говоритъ, что пребываніе въ Переяславской семинаріи въ теченіе трехъ лѣтъ не прошло для него даромъ: свѣдѣнія его расширялись все болѣе и болѣе. «Тамъ, говоритъ онъ, читалъ я съ истиннымъ благоговѣніемъ «Письма русскаго путешественника», «Аониды», «Мои бездѣлки», «И мои бездѣлки» и разныя другія произведенія славнѣйшихъ авторовъ. Постигая уже вполнѣ смыслъ всякой книги, я осмѣливался подражать, или скажу прямѣе—уносить какія-нибудь разительныя слова и счастливые обороты слога Карамзина или Дмитріева и пересаживалъ ихъ на тощую почву своихъ маленькихъ сочиненій по заданной темѣ... Учитель былъ доволенъ, и часто надписывалъ по нѣсколько строчекъ похвалы, все въ превосходной степени, на моихъ сочиненіяхъ прозаическихъ и стихотворныхъ»...). Такимъ образомъ, переяславская се-

---

1) *И. Л—ій.* Къ исторіи украинской семинаріи въ Переяславлѣ Кіев. Стар. 1888 г. т. XX. Документы, изслѣдованія и замѣтки, стр. 35—36. *Памфилъ Левицкій.* Прошлое переяславской духовной семинаріи Кіев. Ст., т. 24, стр. 427 и слѣд.

2) *Памфилъ Левицкій.* Прошлое переяславской духовной семинаріи. Кіев. Ст., 1889, т. 24, стр. 433.

3) Воспоминанія Егора Федоровича Тимковскаго, Кіев. Стар. 1894 г., т. 44, стр. 377—378.

минарія въ началѣ XIX ст. далеко не чужда была новыхъ свѣтскихъ вліяній. Правда, въ 1817 г. она была преобразована, и это преобразованіе послужило ей далеко не въ пользу[1]); но въ первое время послѣ преобразованія, когда учился О. М. Бодянскій, переяславская семинарія не могла такъ скоро порвать со старыми традиціями. О пребываніи О. М. Бодянскаго въ переяславскомъ духовномъ училищѣ, а затѣмъ въ семинаріи мы, къ сожалѣнію, имѣетъ чрезвычайно скудныя свѣдѣнія. Письма его къ отцу за это время[2]) почти совсѣмъ не касаются сущности ученія въ семинаріи, можетъ быть, мало и интересовавшаго отца Максима. Гораздо позже, въ сентябрѣ 1876 года, когда О. М. Бодянскій былъ уже старикомъ, въ Москвѣ праздновался пятидесятилѣтній юбилей службы протоіерея Ивана Николаевича Рождественскаго, одного изъ учителей О. М. Бодянскаго по переяславской семинаріи. О. М. Бодянскій сказалъ на этомъ юбилеѣ рѣчь, въ которой слегка, такъ сказать, намекомъ только коснулся того, что дала ему семинарія. Два года учился О. М. Бодянскій у И. Н. Рождественскаго (1827--1829). «Вами, говорилъ онъ на юбилеѣ своему бывшему учителю, открылась для сей семинаріи новая эра ученой дѣятельности: съ предшественникомъ кончилось господство Баумейстера, столько до того времени сильное въ духовныхъ училищахъ. Я слушалъ васъ, какъ профессора философіи, уже не по немъ, но по вашему собственному изложенію, хотя и по латыни, впрочемъ, чрезвычайно чистой и понятной. Записки, выдававшіяся вами слушателямъ, берегу какъ дорогой памятникъ дорогого наставника. Благодаря вамъ, я сталъ давать отчетъ въ своемъ мышленіи, вникать въ мышленное, упорядочать и освѣщать его. Я былъ, можно сказать, однимъ изъ первымъ слушателей вашихъ по времени и, благодаря вашимъ наставленіемъ, первымъ, по успѣхамъ... Вы съ отеческимъ вниманіемъ слѣдили за мной и въ дальнѣйшемъ ученіи моемъ, и когда,

---

[1]) *Памфилъ Левицкій.* Прошлое переяслав. дух. семинаріи. Кіев. Ст., 1889 г., т. 24, стр. 443

[2]) Чтенія въ Общ. ист. и древ. 1893 г., кн. III.

по заключеніи его, пришлось бросить мнѣ жребій между академіей и университетомъ, вы благородно поддержали мое намѣреніе отправиться въ послѣдній». Кончилъ О. М. Бодянскій свою рѣчь юбиляру «безконечной благодарностью» «за все то доброе, что юбиляръ сдѣлалъ для него въ его первоначальной жизни, въ направленіи ея на *пути правы, на пути живота*, словомъ, «познати на земли путь свой» [1]).

Рѣчь О. М. Бодянскаго съ одной стороны подтверждаетъ то, что сказано нами по поводу записокъ Е. Ф. Ѳимковскаго, съ другой—она говоритъ и о томъ, что переяславская семинарія не прошла и для О. М. Бодянскаго безслѣдно: она по собственному его признанію, пріучила его мыслить. Она же, несомнѣнно, зародила въ немъ и любовь къ родинѣ и, извѣстный интересъ къ наукѣ. Послѣднимъ, пожалуй, можно объяснить и то обстоятельство, что О. М. Бодянскій пошелъ въ университетъ, а не въ духовную академію.

Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ за время его пребыванія въ семинаріи (1821—1831) даетъ сравнительно мало матеріала для характеристики школьныхъ лѣтъ перваго русскаго слависта и его развитія въ это время. Письма на первыхъ порахъ коротки, отрывочны и полны разныхъ мелкихъ хозяйственныхъ сообщеній, соображеній, замѣтокъ, расчетовъ, касающихся присылки провіанта изъ деревни въ Переяславъ, квартиры, содержанія, одежды и т. д. [2]). Изрѣдка въ нихъ сообщаются новости.

---

[1]) Московск. Епарх. Вѣд. 1876 г. № 38 стр. 320 *Н. Барсуковъ*. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. IV, стр. 424—425.

[2]) Вотъ одно изъ такихъ писемъ: «Дражайшіе родители батюшка и матушка! я пріѣхалъ благополучно въ Переяславъ 5 числа сего мѣсяца по утру и нашелъ квартиру у Іуліяны Холодной, которую уговорилъ на 18 руб. съ порядочнымъ гостинцемъ на рубль; инспекторъ же Ефимъ Ивановичъ Стеблинскій, котораго тоже уговорилъ на 16 руб. и 40 коп. О чемъ увѣдомивъ васъ, остаюсь вашъ покорный сынъ и слуга Іосифъ Бодянскій Ч. 1824 г. Г. Переяславъ.

P. S. Кланяйтесь Г. Григорьев., Ив. Кириловичу и прочимъ. Матушку утѣшайте, чтобы не печалилась. Положеніе 1824 года: борошна

которыя, по мнѣнію сына, могли имѣть интересъ для его отца, деревенскаго священника. Новости эти касаются преимущественно полтавского епископа Георгія, его поѣздокъ по епархіи, архіерейскаго маршрута и пр. Мало-по-малу письма, впрочемъ, дѣлаются интереснѣе и содержательнѣе, новости любопытнѣе. Видно, что интересы семинариста Бодянскаго расширяются, наблюдательность увеличивается, онъ начинаетъ пріобрѣтать самостоятельное мнѣніе и высказывать его въ томъ или другомъ случаѣ. Въ послѣдніе годы своего пребыванія въ семинаріи Бодянскій начинаетъ уже интересоваться и политическими новостями, вычитываетъ ихъ изъ газетъ и дѣлится ими съ отцомъ. Уловить въ письмахъ къ отцу какое-нибудь болѣе или менѣе опредѣленное, складывающееся міровоззрѣніе у О.М.Бодянскаго нельзя. Они слишкомъ малосодержательны для этого. Мы не знаемъ уровня умственнаго развитія и духовныхъ интересовъ отца Максима. Судя по тому впечатлѣнію, какое выносишь изъ чтенія писемъ къ нему сына Іосифа Максимовича, можно думать, что отецъ Максимъ былъ добрый, любящій отецъ, не отказывавшій дѣтямъ ни въ чемъ, на сколько позволяли его средства, не стѣснившій свободы дѣтей и въ извѣстныхъ случаяхъ позволявшій имъ дѣйствовать вполнѣ самостоятельно. По крайней мѣрѣ, когда Іосифъ Максимовичъ рѣшилъ не оставаться въ духовномъ званіи, а идти въ свѣтское, отецъ Максимъ не противился этому, а всецѣло подчинился же-

---

ржаного 8 м., пшеничнаго 5 м., гречанаго 5 м., пшена 3 пуда или 2 мѣры, сала 20 ф., соли 20 ф., мяса 20 ф. или денегъ, олѣи 2 кв., свѣчей 3 ф., масла 8 ф., денегъ харчевыхъ 6 р. Теперь же доставлено ржанаго 5 м., гречанаго 2 м., пшеничнаго 2 м., пшена 1 м., сала 10 ф.

На риторику же инспектора еще не нанялъ, а послѣ, нанявши увѣдомлю васъ чрезъ оказію или чрезъ почту. Федоръ Бодянскій.—

Сейчасъ слышу, что архіерей выѣзжаетъ сегодня съ города, а на мѣсто его ожидаютъ Кирила, ректора Московской Академіи или Георгія, ректора С.-Петербургской Академіи; впрочемъ, нельзя утвердительно сказать; что слышу, то и пишу вамъ.

Сказываютъ, что сатана (?) уже въ Зиньковскомъ повѣтѣ, мѣстечкѣ Опошнѣ» (Переписка съ отцомъ, стр. 4—5).

ланію сына; не противился отецъ Максимъ и тогда, когда сынъ его задумалъ поступить въ педагогическій институтъ, затѣмъ въ университетъ. Одного только хотѣлось отцу Максиму, чтобы сынъ устроилъ свою судьбу наилучшимъ образомъ. Это хорошо зналъ Іосифъ Максимовичъ, а потому, задумавъ поступить въ педагогическій институтъ, онъ самыми розовыми красками рисовалъ отцу, какъ хорошо онъ устроится въ служебномъ и матеріальномъ отношеніяхъ, если окончитъ педагогическій институтъ. И отецъ дѣлалъ все, что требовалъ сынъ, лишь бы ему попасть въ число избранныхъ трехъ кандидатовъ [1]). О духовныхъ интересахъ при этомъ не говорилось ни слова; а между тѣмъ это было какъ разъ то время, когда О. М. Бодянскій мечталъ о покупкѣ «Исторіи философскихъ системъ», «Опыта науки изящнаго и «французской христоматіи» и просилъ на это у отца ни болѣе ни менѣе, какъ 15 рублей денегъ. У О. М. Бодянскаго духовные интересы, значитъ, были; не говорилъ онъ только объ нихъ съ отцомъ потому, вѣроятно, что отца они занимали слишкомъ мало, а можетъ быть, и совсѣмъ не занимали. Что касается матери, то она, должно быть, была простая женщина, для которой любовь къ дѣтямъ поглощала все. О. М. Бодянскій, несомнѣнно, горячо любилъ ее. Въ письмахъ своихъ онъ заботится объ ея здоровьи, спокойствіи [2]); когда онъ рѣшается выйти изъ духовнаго званія и поступить въ педагогическій институтъ и пишетъ объ этомъ отцу, отъ матери онъ не ждетъ совѣта, а проситъ даже не говорить ей, «какъ можно это отъ нея скрывать, ибо симъ можно ихъ будетъ сильно огорчить и напугать» [3]).

---

[1]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 28 и слѣд. (Чтенія 1893, III).

[2]) Въ одномъ изъ писемъ (7 окт. 1829 г.) онъ, напр., пишетъ отцу: «Матушку прошу нижайше васъ беречь и сколько можно ходить за нею исправно, ибо сего требуетъ какъ ваше, такъ и наше благосостояніе и пресѣченіе дней ея может скоро и насъ свесть во гробъ» (Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 37—38).

[3]) Чтенія 1893 г. кн. III, стр. 29 (Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ).

Въ другой разъ задумалъ О. М. Бодянскій на рождественскихъ праздникахъ поѣхать въ Кіевъ, а затѣмъ къ дядѣ въ Васильковъ, и опять просилъ отца: «о сей нашей поѣздкѣ не сказывайте матушкѣ, дабы она не безпокоилась» [1]... На столько мать мало имѣла значенія въ жизни Бодянскаго, на столько она мало могла понять. оцѣнить его интересы! Подобныя отношенія между О. М. Бодянскимъ и родителями, которыхъ онъ, повторяемъ, несомнѣнно, горячо любилъ, вполнѣ опредѣляютъ намъ характеръ переписки между ними, характеръ чисто хозяйственный, дѣловой. Новости, которыя сообщаетъ О. М. Бодянскій въ своихъ письмахъ домой, это не тѣ новости, которыя могли интересовать его одного, могли быть характерными для его личности—нѣтъ, это тѣ новости, которыя такъ или иначе интересовали всѣхъ, слѣдовательно, и отца Максима; мнѣнія, которыя высказывалъ О. М. Бодянскій по тому или другому поводу, напр., по поводу польскаго возстанія, это не его собственныя, личныя мнѣнія, а обыкновенныя, ходячія въ тогдашнемъ обществѣ, которыя, на нашъ взглядъ ужъ никакимъ образомъ не могутъ быть характерными для міровоззрѣнія Бодянскаго. Вотъ почему переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ такъ скудна для біографа.

Какъ священника, отца Максима интересовали, конечно, новости изъ духовнаго міра, и сынъ сообщалъ ихъ ему, тѣмъ болѣе, что въ Переяславѣ жилъ въ то время архіерей, слѣдовательно, новостей, интересныхъ для духовенства, было изрядное количество. Однажды разнесся было слухъ, что всѣхъ лицъ духовнаго званія, не исключая и женщинъ думаютъ нарядить въ особую форму. Слухъ этотъ казался тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что въ 1830-хъ годахъ въ Россіи почему-то явилось стремленіе перемѣнять, измѣнять старыя, изобрѣтать новыя формы для людей разныхъ вѣдомствъ, точно въ этомъ былъ высшій государственный смыслъ жизни. «Настигаетъ уже, писалъ 20 іюня 1826 года О. М. Бодянскій своему отцу, бѣда попамъ, поповичамъ и попадьямъ. Въ Синодѣ составляется уже докладъ государю объ оде-

---

[1]) Тамъ же, стр. 38.

ждѣ священно- и церковно-служителей. Священникамъ носить шляпу круглую съ большими полями, рясы темнаго цвѣту, косы завязывать въ пучекъ, а во время служенія только распускать; женамъ ихъ тоже носить платье, большею частію, изъ темныхъ цвѣтовъ; а сыновьямъ ихъ, обучающимся въ семинаріи, семинаристамъ и богословамъ ходить съ небритыми бородами, съ нестриженіемъ волосъ, въ сюртукахъ длинныхъ. Въ случаѣ же невыполненія онаго поступается какъ съ ослушниками. Вотъ горькая участь семинаристовъ»! [1]) Въ другой разъ Бодянскій сообщаетъ отцу не менѣе важную новость о томъ, что полученъ указъ, запрещающій самымъ строгимъ образомъ не посвящать въ священники и дьяконы неученыхъ; а лица, замѣченныя въ предосудительномъ поведеніи будутъ лишены сана и годные отданы въ солдаты, а не годные разосланы по другимъ мѣстамъ [2]). Это былъ знаменитый своей суровостью указъ, вызвавшій послѣдній, такъ называемый «разборъ» духовенства, указъ, разорившій и въ конецъ исковеркавшій жизнь многихъ изъ лицъ духовнаго званія. Въ слѣдующемъ письмѣ (10 мая 1830 г.) О. М. Бодянскій сообщаетъ отцу и списокъ тѣхъ изъ священниковъ, отъ которыхъ потребованы были отвѣты «въ различныхъ ихъ проказахъ и худыхъ дѣлахъ» [3]). Больнымъ мѣстомъ для духовенства всегда являлась консисторія, гдѣ взяточничество было явленіемъ чересчуръ обыкновеннымъ; и она играетъ немалую роль въ перепискѣ Бодянскихъ отца съ сыномъ. «Нынѣшній владыко нашъ, пишетъ напр., 12 ноября 1830 года О. М. Бодянскій,—человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ безпримѣрный, единственный. Консисторскимъ же живодерамъ особеннымъ предписаніемъ далъ знать, чтобы ни одинъ изъ нихъ ни въ какомъ случаѣ не отваживался бы требовать пошлинной отъ духовныхъ и прочихъ просителей подъ опасеніемъ поступленія съ таковымъ во всей строгости по законамъ» [4]). Въ другой разъ онъ пишетъ: «Вотъ вамъ еще одна

---

1) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 13—14.

2) Тамъ-же, стр. 39—40.

3) Переписка Бодянскаго съ отцомъ, стр. 41.

4) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 47.

занимательная и пріятная новость. 30 прошлаго мѣсяца (января 1831 г.) секретарь консисторіи волею Божіею успе для оной, ко благу всѣхъ здравомыслящихъ людей и нашего духовенства, т. е. нашелъ принужденнымъ подать прошеніе объ увольненіи себя отъ консисторіи по нездоровью брать и драть... Словомъ, большая готовится во всемъ перемѣна. Всѣ кровопійцы изженутся» [1]). То же самое сообщалъ Бодянскій и дядѣ своему Ильѣ Гавриловичу, выражая надежду, что мѣста въ консисторіи будутъ поручены инымъ людямъ, болѣе честнымъ и безкорыстнымъ [2]). Таковы «новости», которыя сообщалъ О. М. Бодянскій домой. Онѣ показываютъ, что въ семинаріи Бодянскій присматривался уже къ жизни, изучалъ, такъ сказать, ее, и она не проходила для него безслѣдно, давая ему довольно поучительные уроки.

Переяславская семинарія не была вполнѣ закрытымъ учебнымъ заведеніемъ. Не всѣ воспитанники жили въ интернатѣ, въ бурсѣ. Тотъ, кто могъ нанять себѣ квартиру, жилъ самостоятельно. Нанималъ себѣ, съ разрѣшенія инспектора квартиру и О. М. Бодянскій вмѣстѣ съ братомъ своимъ Федоромъ Максимовичемъ. Нужно вообще сказать, что съ самаго своего поступленія сначала въ духовное училище, затѣмъ въ семинарію О. М. Бодянскій жилъ вполнѣ самостоятельно и пользовался полной свободой: самъ нанималъ себѣ квартиру, репетиторовъ, самъ заказывалъ себѣ платье, покупалъ книги, ѣздилъ когда угодно и куда угодно, даже въ Кіевъ и Васильковъ, не спрашивая напередъ разрѣшенія на это отца [3]). Съ бурсой О. М. Бодянскій соприкасался, повидимому, только за обѣдомъ, все остальное время онъ жилъ на свободѣ. Обѣдали, какъ кажется, въ бурсѣ всѣ семинаристы за общимъ столомъ, при чемъ одни—на казенный счетъ, другіе обязаны были доставлять извѣстное количество провіанта деньгами и натурой, по особому расписанію. Доставлялъ провіантъ и отецъ Максимъ,

---

[1]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 51.

[2]) Тамъ-же, стр. 52.

[3]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ въ разныхъ мѣстахъ

и эта такъ называемая «харчевая складка», ея уплата и доставка занимаютъ не мало мѣста въ перепискѣ отца съ сыномъ [1]).

Жизнь на свободѣ, а не въ бурсѣ должна была, думаемъ, только благотворно отражаться на душевномъ развитіи О. М. Бодянскаго. Онъ, поневолѣ, жилъ обычными житейскими интересами, сталкивался съ различными людьми, зналъ и понималъ очень многое, многимъ интересовался изъ того, что происходило кругомъ; ко многому долженъ былъ стать въ то или другое самостоятельное отношеніе. Свободу, извѣстную независимость въ жизни О. М. Бодянскій, поэтому, всегда высоко цѣнилъ. Ниже мы увидимъ, какъ онъ благодарилъ судьбу за то, что не попалъ въ педагогическій институтъ, на столько тамошнее подавленіе личности и свободы было ему чуждо, непонятно, противорѣчило всему его характеру, какъ онъ развивался въ семинаріи [2]).

Мы видѣли выше, что интересы духовнаго сословія не были чужды ему; онъ многое зналъ хорошо изъ того, что говорилось среди духовенства, и о многомъ судилъ чрезвычайно вѣрно. Но было бы ошибочно, конечно, думать, что этимъ кончалось все. Изъ отдѣльныхъ, случайно брошенныхъ замѣчаній въ письмахъ мы знаемъ, что О. М. Бодянскій читалъ газеты и, судя по всему, довольно таки исправно. Въ письмахъ своихъ онъ сообщаетъ отцу новости преимущественно политическаго характера. Онѣ, конечно, больше всего могли интересовать отца Максима: о заключеніи мира съ Турціею въ 1829-мъ году, о пожалованіи Дибичу Георгія І-й степени [3]); о покореніи французами Алжира, о смерти англійскаго короля Георга IV, о вступленіи на его мѣсто герцога Кларанскаго и т. д. [4]).

Польское возстаніе 1831 г., какъ извѣстно, сильно взволновало русское общество. Понять это явленіе, отнестись къ нему болѣе объективно и хладнокровно современники, за очень небольшими исклю-

---

[1]) Тоже.

[2]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 36—37.

[3]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 38.

[4]) Тамъ-же, стр. 43.

ченіями, не могли. Польша въ глазахъ большинства русскаго общества, являлась только неблагодарной измѣнницей, которая за все добро, которое сдѣлала ей Россія, отплатила черной, коварной измѣной. За это она должна понести суровую кару. Воинственные инстинкты русскаго общества были сильно возбуждены событіями 1831 года; патріотическое воодушевленіе, отчасти искусственно подогрѣваемое, выливалось въ кровожадное желаніе истребить Польшу и всѣхъ поляковъ. Наиболѣе яркимъ выраженіемъ такого общественнаго настроенія явилось извѣстное стихотвореніе Пушкина «Клеветникамъ Россіи», нашедшее себѣ осужденіе только въ небольшомъ кругѣ современниковъ, другими же принятое чрезвычайно восторженно.

Изъ столицъ подобное настроеніе передавалось и въ провинцію, въ глухой Переяславъ. «Слыхали вы о несчастіи, вновь постигшемъ наше отечество, именно о возникшемъ бунтѣ въ вѣроломной Польшѣ?—спрашивалъ О. М. Бодянскій отца въ самомъ концѣ 1830 года и излагалъ ему, на основаніи газетныхъ извѣстій, начало и ходъ польскаго возстанія... «О! Бѣда будетъ ляхамъ! Съ русскими нечего шутить! Слышно также и о войнѣ съ австрійцами. Быть великому кровопролитію въ слѣдующемъ годѣ! Что-то вездѣ замѣчается необыкновенное движеніе. Когда бы хоть наша Малороссія осталась чуждою всякихъ переворотовъ и бѣдствій. Но намъ ли, сынамъ Россіи, страшиться войнъ и жалѣть принесть въ даръ своему отечеству все, что ни имѣемъ. Мы всегда торжествовали и будемъ торжествовать. Богъ и государь видитъ насъ и не оставитъ безъ покровительства и помощи» [1]). Сообщая затѣмъ, нѣсколько времени спустя, слухъ о наборѣ милиціи и объ объявленіи Франціею войны Пруссіи, «слѣдственно всей Германіи, Австріи и Россіи», Бодянскій приходитъ прямо таки въ кровожадное патріотическое одушевленіе: «побачимо, що зъ того пыва буде за квасъ, пишетъ онъ. Подляковъ же (sic) сильно наши колотятъ; скоро, скоро падетъ съ шумомъ Варшава и на вѣки! Самое имя *полякъ* истребится и по дѣломъ. Котузи по заслузи»! [1]).

---

[1]) Переписка Бодянскаго съ отцомъ, стр. 49—50.

Свое патріотически-воинственное настроеніе того времени Бодянскій, какъ увидимъ ниже, выразилъ даже въ особой виршѣ, напечатанной нѣсколько позже въ «Молвѣ» Надеждина за 1833 годъ [1]).

6-го мая 1831 года послѣдовалъ высочайшій рескриптъ на имя малороссійскаго военнаго губернатора о сформированіи изъ малороссійскихъ козаковъ 8-ми кавалерійскихъ полковъ [2]). Это и дало поводъ Бодянскому написать на малорусскомъ языкѣ только что упомянутую виршу. Отцу онъ писалъ въ это время: «я думаю вы уже знаете о милости государя къ Малороссіи: козаки, по прежнему, на всегда будутъ существовать: 5 съ нашей губерніи (полтавской) и 3—съ черниговской, только служить по 8 лѣтъ. Недоимки съ козаковъ по сей годъ всѣ прощаются, а впредь подати съ нихъ по 4 рубля въ годъ, кромѣ земскихъ повинностей» [3]).

Въ это время у Бодянскаго вообще начинаетъ обнаруживаться интересъ къ еего родинѣ—Малороссіи. Онъ, мы видѣли сейчасъ, пишетъ вирши на малорусскомъ языкѣ. *Наша* Малороссія, *нашъ* хохландецъ—такъ выражается онъ въ своихъ письмахъ къ отцу; ему хочется, чтобы въ Малороссіи все было спокойно, не было тамъ никакихъ бунтовъ; его интересуютъ милости, оказанныя Малороссіи сохраненіемъ въ ней козачества, и онъ этой новостью дѣлится со своимъ отцомъ. Умираетъ Дибичъ, назначается преемникомъ ему по усмиренію польскаго возстанія Паскевичъ, и Бодянскій сообщаетъ отцу, что это—«*нашъ* хохландецъ» [4]); всѣ встревожены холерой—Бодянскій спѣшитъ успокоить отца, что «въ *нашей* Малороссіи, слава Богу, совершенно благополучно» [5]).

Откуда могъ явиться въ семинаристѣ О. М. Бодянскомъ этотъ интересъ къ своей родинѣ, Малороссіи? Письма его къ отцу

---

[1]) Молва 1833 г. № 99 стр. 393—394.

[2]) 2-е П. С. Зак. № 4536.

[3]) Переписка Бодянскаго съ отцомъ, стр 56.

[4]) Переписка Бодянскаго съ отцомъ, стр. 57.

[5]) Тамъ-же, стр. 48.

не говорятъ намъ объ этомъ. Другихъ свѣдѣній у насъ также нѣтъ. Но мы врядъ ли много погрѣшимъ противъ истины, если выскажемъ предположеніе, что интересъ къ Малороссіи могъ культивироваться въ переяславской семинаріи, которая въ тѣ годы, да и въ позднѣйшіе, сохраняла свой національный малорусскій отпечатокъ [1]). Несомнѣнно, что изъ переяславской семинаріи О.

---

[1]) П. И. Житецкій, учившійся въ переяславской семинаріи, лѣтъ 20 спустя послѣ О. М. Бодянскаго, который былъ товарищемъ отца П. И. Житецкаго по семинаріи и всегда поддерживалъ съ нимъ отношенія,—разсказывалъ намъ про переяславскую семинарію слѣдующее. Учились тамъ только дѣти духовныхъ; въ его время (1850-е годы) изъ свѣтскихъ никого не было. Малорусскій сельскій священникъ, первой половины XIX в. не говоря уже о дьячкахъ и пономаряхъ, былъ человѣкъ бѣдный; по происхожденію, плебей, онъ былъ въ душѣ демократъ, и близко стоялъ къ народу, съ нимъ онъ жилъ, съ нимъ водилъ знакомство, его языкомъ только и говорилъ. До поступленія въ училище дѣти духовныхъ жили и росли среди деревенскихъ дѣтей, ни на какомъ другомъ языкѣ, кромѣ малорусскаго, они не говорили. Немудрено, поэтому, что и въ духовныхъ училищахъ, и въ переяславской семинаріи среди воспитанниковъ преобладала малорусская рѣчь. Русскій языкъ изучали по книгамъ; нѣкоторые пытались и говорить на немъ, но все-таки выходила рѣчь наполовину малорусская. Хотя преподаваніе въ семинаріи велось оффиціально на русскомъ языкѣ, но на самомъ дѣлѣ при преподаваніи употреблялось какое-то особое русско-малорусское нарѣчіе. Этому способствовало и то обстоятельство, что тогда преподаватели семинарій не назначались, какъ теперь, св. Синодомъ, и при ихъ назначеніи не преслѣдовались обрусительныя цѣли, благодаря чему преподаватели постоянно перетасовываются: малороссы назначаются, преимущественно, въ великорусскія семинаріи, а великороссы—въ малорусскія. Въ то время, когда учился въ семинаріи П. И. Житецкій, преподавателей семинаріи назначали правленія Академій. Поэтому, очень часто случалось, что семинаристъ, окончившій переяславскую семинарію, пройдя Кіевскую духовную академію, возвращался преподавателемъ въ Переяславъ. Благодаря этому переяславская семинарія не лишалась чисто малорусскаго характера. Семинаристъ сохранялъ интересъ къ малорусскому языку, какъ къ своему родному, охотно говорилъ на немъ, пѣлъ родныя малорусскія пѣсни и, возвращаясь, по окончаніи семинаріи, въ деревню въ санѣ

М. Бодянскій вынесъ первые зародыши той любви къ родинѣ, которая служила характернымъ признакомъ его личности, руководила имъ всю его жизнь, въ значительной степени направляя его литературную, научную и издательскую дѣятельность[1]). Въ переяславской семинаріи зародилась у О. М. Бодянскаго и любовь къ книгѣ.

Отецъ О. М. Бодянскаго былъ человѣкъ бѣдный. Содержаніе сыновей въ семинаріи стоило ему недешево. Онъ имъ, правда, ни въ чемъ необходимомъ, повидимому, не отказывалъ, но во всякомъ случаѣ каждая копѣйка у него была на счету и доставалась ему, вѣроятно, нелегко, а потому и расходовалась съ большой осторожностью. Изъ переписки О. М. Бодянскаго съ отцомъ мы видимъ, что невсегда аккуратно высылались деньги въ «харчевую складку» или за квартиру; костюмъ О. М. Бодянскаго, сапоги его иногда сильно изнашивались. Братья Бодянскіе хорошо, конечно, знали стѣснительное положеніе родителей, а потому въ письмахъ своихъ старались оправдать каждую копѣйку своего расхода. Денегъ у нихъ на рукахъ бывало немного, и тѣ они старались тратить на предметы самые необходимые[2]). Въ одномъ только случаѣ О. М. Бодянскій поступалъ не всегда осто-

---

священника, съ народомъ разговаривалъ не иначе, какъ на его же родномъ языкѣ. П. И. Житецкій съ особенной теплотой вспоминаетъ А. О. Козачковскаго, который въ его время былъ докторомъ при переяславской семинаріи. А. О. Козачковскій съ семинаристами иначе не говорилъ, какъ по—малорусски. Благодаря ему П. И. Житецкій и другіе семинаристы знали уже въ рукописяхъ многія стихотворенія Т. Г. Шевченка. А. О. Козачковскому, какъ извѣстно, Т. Г. Шевченко посвятилъ одно изъ лучшихъ своихъ стихотвореній (Кобзарь, изд. 1899 г. стр. 306—310).

[1]) *Проф. Н. Ф. Сумцовъ.* Біографія О. М. Бодянскаго въ Критико-біографическомъ словарѣ С. А. Венгерова. т. V, стр. 65.

[2]) 20 ноября 1825 г. О. М. Бодянскій пишетъ отцу: «Денегъ у Феди я не отбиралъ потому, что онъ и самъ ихъ ни на что лишнее не употребляетъ; и если что-либо хочетъ купить, то всегда меня спрашивается» (Переписка съ отцемъ, стр. 9).

рожно и не всегда принималъ во вниманіе скудость средствъ, это—въ отношеніи пріобрѣтенія книгъ. Онъ пріобрѣталъ не только тѣ книги, безъ которыхъ невозможно было обойтись при ученіи, но тратилъ деньги на пріобрѣтеніе книгъ, которыя не были настоятельно необходимы или вовсе не были нужны. Въ этомъ виденъ зародышъ будущаго коллекціонера. Еще въ первыхъ письмахъ по поступленію своемъ въ семинарію О. М. Бодянскій просилъ у отца присылки довольно значительной суммы денегъ 10 руб. 50 коп. на покупку латинско-русскаго лексикона, который, по его словамъ, могъ ему пригодиться и въ семинаріи [1]). Въ другой разъ 5 марта 1826 года онъ пишетъ отцу такого рода характерное оправдательное письмо: «послѣднихъ чиселъ прошлаго мѣсяца приноситъ ко мнѣ одинъ мой соученикъ три книги: первая—Виргилій на латинскомъ языкѣ; 2) Овидій тоже; 3) Цицеронъ на латинскомъ же языкѣ и проситъ у меня за нихъ 3 р. Я, видя ихъ и зная достоинство ихъ, съ радостью обѣщалъ ихъ купить у него, почему тотчасъ же и далъ ему въ задатокъ, сколько у меня было, 1 р. денегъ, а остальныя я вызычилъ изъ харчевой складки. Я ихъ показывалъ многимъ изъ богослововъ, прибавляетъ онъ какъ бы оправданіе, и всѣ они удивлялись мнѣ, что я столь дешево купилъ ихъ. Всѣ говорятъ, что каждая изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, стоитъ 3 рубля». Бодянскій проситъ прислать 2 рубля, чтобы заплатить въ харчевую складку, да 1 р. 50 коп. на бумагу. Оказалось, онъ всѣ деньги истратилъ на покупку книгъ, бумаги у него нѣтъ и, чтобы написать отцу письмо, онъ долженъ былъ занять у одного изъ товарищей 16 коп. [2]) И это, повидимому, не единственный случай. Лишнія книги Бодянскій отсылалъ обыкновенно домой къ отцу. 9 января 1826 года онъ послалъ, напр. 11 книгъ, изъ нихъ 5 было русскихъ. Среди нихъ мы встрѣчаемъ: 1) псалтырь; 2) о должностяхъ человѣка и гражданина; 3) способъ гаданія; 4) сокращенное описаніе гарлемскихъ капель; 5)

---

[1]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ стр. 3 и 5.

[2]) Чтенія 1893, кн. III, письма Бодянскаго къ отцу, стр. 11.

сказка о Добрынѣ Никитичѣ. Латинскихъ книгъ было четыре: 1) латинская грамматика; 2) Корнелій Непотъ; 3) первоначаліе латинскаго языка и 4) лементоръ латинскій; греческая книга была одна—клависъ (ключъ) греч. языка; одна нѣмецко-русская: артикулъ воинскій. Кромѣ этихъ книгъ Бодянскій послалъ еще койкакія бумаги и IV часть «Улья», ежемѣсячнаго изданія за 1811 годъ [1]). Если нѣкоторыя изъ этихъ книгъ были учебныя, то другія, какъ напр., о должностяхъ человѣка и гражданина, очевидно, сочиненіе Пуффендорфа, артикулъ воинскій, книжка «Улья»--были пріобрѣтены Бодянскимъ, несомнѣнно, изъ любви къ книгѣ. 27 апр. 1826 г. Бодянскій снова передаетъ отцу въ сундучкѣ 8 книгъ, на этотъ разъ, большею частью, учебниковъ: французскую старую грамматику; на латинскомъ языкѣ сочиненія Лактанція; начальныя основанія теоретической и практической геометріи; лѣчебникъ простыми средствами; чувствованія христіанина; краткую россійскую исторію; Іоанна Равизія латинскія письма и еврейскую псалтырку [2]). Въ этомъ стремленіи не сжечь, а сохранить даже учебныя книги видны несомнѣнное уваженіе и любовь къ книгѣ. Изъ другихъ писемъ О. М. Бодянскаго мы знаемъ, что онъ пріобрѣлъ три большія книги проповѣдей извѣстнаго Леванды, одинъ переплетъ которыхъ стоилъ ему 1 р. 50 коп. [3]) Въ 1828 г. онъ настойчиво просилъ отца прислать ему 15 рублей на покупку Исторіи философскихъ системъ, стоющей 7 руб., Опыта науки изящнаго—5 руб. и французской хрестоматіи—3 руб. «Онѣ весьма нужны для ученія, прибавляетъ онъ, и совершенно необходимы» [4]). Сомнѣваемся только, чтобы онѣ были обязательны, особенно въ виду высокой цѣны, недоступной для большинства семинаристовъ. Очевидно, здѣсь главную роль играло желаніе имѣть у себя подъ рукою книги, которыя, можетъ быть, рекомендовалъ именно тотъ профессоръ философіи, о преподаваніи котораго подъ старость,

---

[1]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцемъ стр. 10.

[2]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцемъ, стр. 12.

[3]) Тамъ-же, стр. 9.

[4]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцемъ стр. 27.

на юбилеѣ его, съ такой благодарностью вспоминалъ О. М. Бодянскій. Какъ бы тамъ ни было, одно несомнѣнно: книгу О. М. Бодянскій полюбилъ еще въ семинаріи и, вѣроятно, благодаря семинаріи: а любовь къ книгѣ уже въ значительной степени гарантировала стремленіе къ знанію, къ наукѣ...

II.

Попытка О. М. Бодянскаго поступить въ Главный Педагогическій Институтъ. Окончаніе О. М. Бодянскимъ семинаріи и поступленіе въ московскій университетъ. Московскій университетъ въ началѣ 1830-хъ годовъ. Проф. М. Т. Каченовскій и его вліяніе на О. М. Бодянскаго. Кандидатская диссертація О. М. Бодянскаго «О мнѣніяхъ касательно происхожденія Руси». Знакомство О. М. Бодянскаго съ М. А. Максимовичемъ и М. П. Погодинымъ. Значеніе Погодина въ жизни О. М. Бодянскаго.

Прямой путь по окончаніи семинаріи былъ для О. М. Бодянскаго—въ ближайшую къ Переяславу кіевскую духовную академію. Но онъ предпочелъ академіи университетъ и поступилъ въ Москву.

Мысль о выходѣ изъ духовнаго званія и о поступленіи въ свѣтское учебное заведеніе зародилась у О. М. Бодянскаго, очевидно, давно и, очень можетъ быть, не безъ вліянія его тогдашнихъ семинарскихъ наставниковъ. Еще въ 1829 году въ одномъ изъ писемъ своихъ къ отцу О. М. Бодянскій говоритъ, что отцу хорошо извѣстно объ его намѣреніи уйти изъ духовнаго званія и о томъ, что онъ больше всего избѣгаетъ посылки въ кіевскую духовную академію [1]). Въ рѣчи же, сказанной на юбилеѣ протоіерея І. Н. Рождественскаго, самъ О. М. Бодянскій признается,

[1]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ (Чтенія 1893, III), стр. 28.

что этотъ наставникъ «благородно» поддержалъ его намѣреніе поступить въ университетъ [1]).

На выборѣ университета О. М. Бодянскій остановился не сразу.

Въ 1828 году былъ основанъ или, лучше сказать, возобновленъ Главный Педагогическій Институтъ въ С.-Петербургѣ для приготовленія профессоровъ въ университеты и преподавателей въ гимназіи, пансіоны и институты. Въ связи съ этимъ было сдѣлано распоряженіе о присылкѣ въ Институтъ воспитанниковъ изъ семинарій, по нѣсколько человѣкъ отъ каждой. Изъ переяславской семинаріи было назначено три человѣка изъ средняго отдѣленія. Посовѣтовалъ ли кто О. М. Бодянскому или онъ самъ до этого додумался, но только онъ сталъ настойчиво добиваться, чтобы попасть въ число этихъ трехъ кандидатовъ. Хлопоты его по этому поводу на столько интересны для того времени и настолько характерны для самого О. М. Бодянскаго, что на нихъ стоитъ остановиться нѣсколько подробнѣе. Они показываютъ намъ несомнѣнную практичность О. М. Бодянскаго, черту характерную для него, не только какъ семинариста [2]).

Прежде всего для О. М. Бодянскаго важно было расположить въ пользу своего рѣшенія отца. Онъ хорошо зналъ, на какихъ струнахъ онъ долженъ былъ играть, чтобы достигнуть своего. И вотъ О. М. Бодянскій пишетъ отцу письмо, въ которомъ рисуетъ ему самыми розовыми красками тѣ матеріальныя перспективы, которыя открываются, если онъ, О. М. Бодянскій, окончитъ Педагогическій Институтъ. «Въ семъ заведеніи—говоритъ онъ, должно обучаться будетъ 4 года; по окончаніи же курса выпускаютъ профессоромъ съ чиномъ 9 класса; если же особенно отличался, то и 8 класса. Кромѣ того, по выслугѣ положенныхъ 8 лѣтъ при профессорской

---

1) Москов. епарх. вѣдомости 1876 г. № 38. *А. Барсуковъ* Жизнь и труды М. П. Погодина, т. IV, стр. 125. Ср. *Дм. Языкова* Іосифъ Максимовичъ Бодянскій въ Древней и Новой Россіи. 1878 г., т. I, стр. 93.

2) Соч. А. А. Котляревскаго, т. II, стр. 443.

должности, отпустятъ навсегда по смерть большую пенсію, не менѣе 1500 руб.; при отправленіи же должности полагается жалованья по столько же». Въ духовную академію онъ давно уже рѣшилъ не поступать; да для него, человѣка больного, это и не безопасно: многіе люди съ большими дарованіями и здоровьемъ теряли свою жизнь, будучи не въ силахъ одолѣть академической премудрости: такихъ примѣровъ можно привести около ста; къ тому же окончившіе академіи часто сидятъ безъ мѣста; «по сему многіе, истощая свои силы и здоровье, остаются не при чемъ»; О. М. Бодянскій не хочетъ очутиться въ ихъ положеніи, потому и рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ и поступить въ Педагогическій Институтъ [1]).

Но какъ попасть въ число трехъ кандидатовъ, назначенныхъ отъ переяславской семинаріи? Все зависѣло отъ инспектора семинаріи, какъ онъ доложитъ епархіальному архіерею; послѣдній же утверждалъ кандидатовъ. Нужно было подѣйствовать, значитъ, на инспектора: а инспекторомъ въ то время былъ профессоръ семинаріи Яковъ Емельяновичъ Беккаревичъ, человѣкъ, очевидно, небезупречный и не брезгавшій «гостинцами», т. е. другими словами, бравшій взятки. На него то и обращаетъ все свое вниманіе О. М. Бодянскій. Прилагая образецъ письма къ нему, О. М. Бодянскій проситъ отца написать такое письмо Беккаревичу. Въ письмѣ заключалась просьба объ опредѣленіи О. М. Бодянскаго въ число кандидатовъ отъ переяславской семинаріи въ Педагогическій Институтъ. О. М. Бодянскій былъ увѣренъ, что письмо будетъ имѣть успѣхъ, особенно если при письмѣ будетъ посланъ инспектору и «гостинецъ». «Въ письмо, батюшка, прибавляетъ онъ, для лучшаго успѣха въ семъ дѣлѣ можете, не пожалѣвъ, приложить 15 руб. бумажками, ибо кто маже́тъ, тотъ ѣдетъ скорѣе. Письмо сіе по написаніи вы не запечатывайте и не пишите, что вы ему посылаете сей гостинецъ, ибо этимъ можно его будетъ нѣсколько пристыдить. Я здѣсь его, запечатавъ и прило-

---

[1]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 28.

живъ еще отъ себя нѣсколько денежекъ, поспѣшу доставить, какъ можно скорѣе, ему» [1])

Расчетъ О. М. Бодянскаго былъ вѣренъ. Отецъ не противился его намѣренію, написалъ письмо Беккаревичу и вмѣстѣ со своимъ родительскимъ благословеніемъ, 25 рублями бумажкою и 5 рублями серебромъ черезъ одного изъ козаковъ, ѣхавшихъ въ Переяславъ, переслалъ его сыну [2]). О. М. Бодянскій сталъ надѣяться, что онъ попадетъ въ число кандидатовъ. «Я надѣюсь и твердо увѣренъ, писалъ онъ отцу, въ помѣщеніи себя въ сіе число, ибо уже мнѣ нѣкоторые изъ профессоровъ говорили о семъ, и всѣ единогласно одобряютъ и хвалятъ мое намѣреніе; будущую жизнь мою расписываютъ самыми яркими, а вмѣстѣ и прелестными красками. Выгоды, говорятъ они, тамъ мною полученныя, будутъ несравненно выше выгодъ семинарскихъ профессоровъ. Жалованья втрое больше, чѣмъ они здѣсь получаютъ» [3]).

Дѣло о назначеніи О. М. Бодянскаго кандидатомъ въ Институтъ, должно было разрѣшиться скоро, а между тѣмъ оно затянулось. О. М. Бодянскій пустилъ въ ходъ какую то Параскеву Максимовну; та побывала у архіерея, и онъ обѣщалъ ей помѣстить Бодянскаго въ число кандидатовъ [4]). Но это нисколько не ускорило дѣла. Тогда снова было обращено вниманіе на Беккаревича. «Не худо было бы—пишетъ Бодянскій отцу 7 апрѣля 1829 г.,—если бы вы написали маленькое благодарственное письмецо къ Беккаревичу, а туда вложили ровное число моимъ деньгамъ. Онъ тогда болѣе бы еще приложилъ старанія за меня» [5]). Семинаристовъ, наконецъ, освидѣтельствовалъ врачъ, и О. М. Бодянскій былъ признанъ годнымъ. Опять воскресла надежда на скорое окончаніе дѣла, и для О. М. Бодянскаго не было теперь уже никакого сомнѣнія, что послѣ экзаменовъ онъ отправится въ

[1]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 29.

[2]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 30.

[3]) Тамъ-же, стр. 30.

[4]) Тамъ-же, стр. 31.

[5]) Тамъ-же, стр. 31.

Питеръ [1]). Успѣхъ этотъ Бодянскій всецѣло приписывалъ Беккаревичу, а потому просилъ отца написать Беккаревичу благодарственное письмо и приложить еще 25 рублей [2]). Словомъ все, казалось, складывалось благопріятно, какъ вдругъ въ одно прекрасное время всѣ планы рушились. Архіерей замѣтилъ у О. М. Бодянскаго «одинъ недостатокъ, праваго глаза косость и нѣчто изволилъ объ этомъ говорить съ инспекторомъ семинаріи». Нужно было снова задобрить послѣдняго, и задобрить скоро, безотлагательно. О. М. Бодянскій опять настойчиво просилъ отца прислать 25 рублей Беккаревичу, какъ можно скорѣй, чтобы «заблаговременно еще успѣть задобрить его» [3]). «Не жалѣйте, батюшка денегъ, пишетъ онъ, на подарокъ г. Беккаревичу; за то онъ сдѣлаетъ то, что мы желаемъ и сдѣлаетъ самымъ удовлетворительнымъ образомъ» [4]). Вмѣстѣ съ этимъ О. М. Бодянскій сталъ усиленно готовиться къ поѣздкѣ въ Петербургъ, на столько онъ былъ увѣренъ въ рѣшительномъ своемъ успѣхѣ [5]).

Вышло, однако наоборотъ. Несмотря на изрядное число «гостинцевъ», попавшихъ въ руки Беккаревича, дѣло О. М. Бодянскаго не выгорѣло; онъ не попалъ въ число кандидатовъ въ Педагогическій Институтъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого отецъ Максимъ прочиталъ въ письмѣ сына такого рода строки: «недавно, писалъ О. М. Бодянскій въ утѣшеніе отцу, получилъ я письмо изъ Петербурга отъ прежняго своего соученика, находящагося теперь въ Педагогическомъ Институтѣ. Онъ называетъ

---

[1]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 32.

[2]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 32—33.

[3]) Тамъ-же стр. 34.

[4]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 35.

[5]) Въ одномъ изъ писемъ О. М. Бодянскій проситъ у отца 10 р. «для пошитья холстинныхъ русскихъ рубахъ на дорогу, ибо тамъ нѣтъ обыкновенія ходить въ бѣлыхъ». (Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 31). Въ другомъ же проситъ 6 сбѣлыхъ тонкихъ рубашекъ «сшить на образецъ русской или же, если не знаютъ у насъ, то на малороссійской, только чопорно». (Тамъ-же 34--35).

меня трикраты счастливымъ тѣмъ, что мнѣ не удалось быть въ семъ заведеніи. Ибо (пишетъ) строгость въ ономъ непомѣрная: нельзя никакимъ образомъ никуда пойти безъ вѣдома директора, человѣка самаго скупого и самаго строгаго, даже съ родными запрещены свиданія, исключая въ недѣлю и то въ присутствіи старшаго надзирателя, бывшаго офицера, который съ педагогиками поступаетъ, какъ съ солдатами. Кушанье составляютъ: щи, соусъ, каша, обѣдаютъ въ 3 часа пополудни; во весь же день сидятъ за столиками и учатся; прогулки вовсе запрещены, только послѣ обѣда могутъ проходиться въ залѣ. Слечь на столикъ, не встать и не поклониться, махать, идя рукою—суть величайшія преступленія: за сіе запишутъ во всѣхъ институтскихъ журналахъ и сдѣлаютъ строгій и жестокій выговоръ въ виду директора и всѣхъ присутствующихъ. Если по окончаніи двухъ годовъ кто не оказался годнымъ къ продолженію впредь ученія (курсъ положенъ 6 лѣтъ), выпускаютъ безъ чина учителемъ въ уѣздныя училища; окончившихъ курсъ ученія выпускаютъ въ 9 классѣ старшимъ учителемъ въ гимназію. Но 6 лѣтъ такой жизни. Боже сохрани! Нѣтъ еще мѣсяца, а въ больницѣ считается до 40 человѣкъ больныхъ (всѣхъ ихъ въ институтѣ положено быть 100 ч.); девятерыхъ же уже увольнили за болѣзнь. Замѣченыхъ же въ худой нравственности нигдѣ не принимаютъ, ни въ какую службу. Послѣ выпуска служить обязываютъ еще въ мин. нар. просвѣщенія 8 лѣтъ. Вотъ куда было я, несчастный, сунулся! Теперь сто кратъ благодарю Всевышняго о сохраненіи меня отъ сего заведенія. Можно гораздо лучше жить безъ онаго, лишь бы здоровье, да благословеніе Божіе. Переписка имъ, прибавляетъ въ заключеніе О. М. Бодянскій, вовсе запрещена съ кѣмъ бы то ни было. Сіе же письмо послано тайкомъ чрезъ медиковъ, приходившихъ посѣтить ихъ» [1]).

Въ изображеніи порядковъ Педагогическаго Института краски не были умышленно сгущены [2]). Отцу Максиму оставалось ско-

---

[1]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 36—37.

[2]) Ср. Соч. *Добролюбова*, т. I (изд. 1885 г.) стр. 179 и слѣд.

рѣй радоваться, что сынъ его избѣжалъ такой большой опасности, чѣмъ сѣтовать на его неудачу.

Въ сентябрѣ 1831 г. О. М. Бодянскій окончилъ семинарію[1]). Курсъ нѣсколько затянулся, потому что, по случаю господствовавшей тогда холеры, занятія въ семинаріи были пріостановлены[2]). Вопросъ о поступленіи въ московскій университетъ былъ у О. М. Бодянскаго рѣшенъ теперь безповоротно, и онъ еще во время экзаменовъ сталъ подумывать о томъ, какъ бы ему переправиться въ Москву. Серпуховскій житель Иларіонъ Никитинъ, торговецъ бакалейной лавки, брался свезти О. М. Бодянскаго въ Москву за 200 рублей. Но онъ находилъ это не по карману и просилъ отца поторговаться, не возьмется ли Никитинъ свезти его за 150—160 рубл.? Если бы тотъ не согласился на эти условія, то О. М. Бодянскій просилъ подыскать кого-нибудь изъ москвичей, пріѣзжающихъ за фруктами, который могъ бы взять его съ собой. Въ противномъ случаѣ пришлось бы ѣхать на почтовыхъ. Правда, дорога стала бы дешевле, всего 83 р. 37½ коп., но за то было бы «тѣлу много работы и безпокойства»[3]). Какъ переправился О. М. Бодянскій въ Москву—мы не знаемъ, но только во всякомъ случаѣ, не пѣшкомъ[4]). Нужно думать, что при отправкѣ въ Москву у него были деньги: иначе онъ не сталъ бы избирать болѣе дорогой путь и заботиться о томъ, чтобы тѣлу его не было безпокойства и большой работы въ дорогѣ.

Какими же средствами располагалъ О. М. Бодянскій, отправляясь въ Москву? Родственникъ О. М. Бодянскаго В. П. Константиновичъ въ письмѣ своемъ къ проф. А. И. Маркевичу говоритъ, что О. М. Бодянскаго, при отправленіи въ Москву, снабдилъ «нескупо» деньгами отецъ его, В. И. Константиновича, священникъ того же мѣстечка Варвы, во второмъ приходѣ котораго

---

[1]) Переписка съ отцомъ, стр. 56.

[2]) Тамъ-же, стр. 54.

[3]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 57.

[4]) Рус. Филол. Вѣстникъ. 1880 г., кн. IV, стр. 152.

священствовалъ и отецъ Максимъ Бодянскій [1]). Но проф. А. А. Кочубинскій. одинъ изъ послѣднихъ учениковъ О. М. Бодянскаго, сомнѣвается въ этомъ. Въ его памяти прочно сохранился разсказъ Бодянскаго, что онъ съ большими лишеніями прибылъ изъ полтавскаго захолустья въ Москву: а это было бы невозможно, если бы у него были «обильныя средства» со стороны. О бѣдности своей Бодянскій припоминаетъ и въ письмѣ къ Погодину изъ-за границы въ 1841 г., собираясь было совсѣмъ умирать: «они (т. е. родные) дали мнѣ воспитаніе не по своему карману» говоритъ онъ [2]). Намъ думается, свидѣтельство В. И. Константиновича не противорѣчитъ воспоминаніямъ проф. А. А. Кочубинскаго. Отецъ В. И. Константиновича могъ «не скупо» снабдить О. М. Бодянскаго деньгами, и тѣмъ не менѣе онъ могъ съ большими лишеніями пріѣхать въ Москву, такъ какъ одна дорога обходилась ему до 150 рублей. Да и что значило «не скупо» на языкѣ сельскаго священника, человѣка бѣднаго? Развѣ подъ этимъ словомъ можно разумѣть большую цифру? Скорѣй наоборотъ. Деньги эти, вѣроятно, были взяты взаймы отцемъ О. М. Бодянскаго у отца В. И. Константиновича. Не можемъ же мы думать, что отецъ Константиновичъ захотѣлъ лично, отъ себя, оказать денежную помощь О. М. Бодянскому. Не таковы были между ними отношенія: впослѣдствіи отецъ Константиновичъ сдѣлался даже врагомъ отца Максима Бодянскаго и выжилъ его изъ прихода [3]). Сверхъ суммы, занятой у Константиновича, у О. М. Бодянскаго могли быть и свои небольшія сбереженія. Въ послѣдніе годы своего пребыванія въ семинаріи онъ имѣлъ довольно хорошіе уроки [4]). Какъ бы тамъ ни было, а весьма вѣроятно, что О. М. Бодянскій испытывалъ немалую нужду. особенно на первыхъ по-

---

[1]) А. А. Кочубинскій. Графъ С. Г. Строгановъ. Вѣст. Евр., августъ, стр. 477—478.

[2]) Тамъ-же стр. 479.

[3]) Предисловіе А. А. Титова къ письмамъ О. М. Бодянскаго къ отцу. стр. IV.

[4]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 36.

рахъ. Чѣмъ онъ жилъ въ Москвѣ въ свои студенческіе годы, имѣлъ ли онъ какой-нибудь заработокъ или же помогалъ ему отецъ изъ своихъ скудныхъ средствъ—мы не знаемъ. Въ перепискѣ О. М. Бодянскаго съ отцомъ недостаетъ какъ разъ писемъ, относящихся къ его университетскимъ годамъ [1]).

Въ Москву О. М. Бодянскій прибылъ въ концѣ 1831 года, успѣшно выдержалъ вступительный экзаменъ, который являлся простой формальностью [2]), и 28 декабря 1831 года былъ зачисленъ студентомъ московскаго университета по отдѣленію словесныхъ наукъ [3]).

Московскій университетъ того времени былъ въ переходномъ состояніи. Старыя преданія, когда университетъ былъ похожъ болѣе на гимназію, мало-по-малу отходили въ вѣчность, уходили и старинные профессора, слабо интересовавшіеся наукой, читавшіе по тетрадкамъ, почти никогда ихъ не обновляя; новая славная эпоха въ исторіи московскаго университета еще не наступила. Ее начали молодые профессора, возвратившіеся изъ-за границы въ 1835 году. Но тогда О. М. Бодянскій и его сверстники уже окончили университетъ [4]).

Университетскій курсъ на словесномъ факультетѣ, гдѣ учился О. М. Бодянскій, продолжался три года. Первый годъ

---

1) Перерывъ въ письмахъ О. М. Бодянскаго къ отцу относится къ 1831—1843 г. (Предисловіе А. А. Титова въ Чтеніяхъ 1893, III). Письма, вѣроятно, затерялись.

2) Воспоминанія И. А. Гончарова (Пол. собраніе сочиненій, изд. Маркса, т. XII. стр. 11—12).

3) Рус. Старина, 1879, кн. 11, стр. 462.

4) Воспоминанія студенчества 1832—1835 годовъ *К. С. Аксакова.* День 1862 г. № 39 и 40; *Г. Г.* Университетскія воспоминанія—День 1863 г. № 42; *И. А. Гончаровъ.* Воспоминанія: I. Въ университетѣ. Пол. соб. сочиненій, изд. Маркса, т. XII. *А. И. Герценъ.* Былое и думы, ч. 1-я, гл. 6 и 7-ая. Въ «Сочиненіяхъ» А. И. Герцена т. VI. На основаніи этихъ матеріаловъ характеристика московскаго университета сдѣлана у *А. Н. Пыпина* «Бѣлинскій, его жизнь и переписка, т. 1-й, глава 2-я; у *П. А. Висковатова* въ его біографіи М. Ю. Лермонтова, гл. VII.

состоялъ изъ такъ наз. приготовительныхъ лекцій, затѣмъ студенты переходили на ординарныя лекціи, которыя продолжались два года. Первый курсъ студентовъ слушалъ лекціи отдѣльно и никогда не сходился со студентами высшихъ курсовъ; второй и третій курсы слушали лекціи вмѣстѣ.

Въ 1831 году, въ годъ поступленія въ университетъ О. М. Бодянскаго, первый курсъ былъ особенно многолюденъ, такъ какъ по случаю холеры, занятія въ университетѣ были пріостановлены, и студенты, поступившіе въ 1830 году, считались также на первомъ курсѣ.

«На первомъ курсѣ, разсказываетъ К. С. Аксаковъ, поступившій годомъ позже О. М. Бодянскаго, я засталъ еще Побѣдоносцева, преподававшаго риторику, по стариннымъ преданіямъ, довольно скучно. «Ну, что, Аксаковъ, когда же ты мнѣ хрійку напишешь»,—говорилъ, бывало, Побѣдоносцевъ. Студенты, нечего дѣлать, подавали ему хрійки. Кромѣ Побѣдоносцева, были у насъ профессорами: богословія—Терновскій, латинскаго языка—Кубаревъ, греческаго – Оболенскій, нѣмецкаго—Герингъ, французскаго—Куртенеръ, географіи—Коркуновъ; Гастевъ читалъ какую-то смѣсь статистики, исторіи, геральдики и еще чего-то. Лекціи богословія читались самымъ схоластическимъ образомъ. Отъ времени до времени поднимался какой-нибудь студентъ, обыкновенно духовнаго званія, и, по обычаю семинаріи, начиналъ съ Терновскимъ діалектическій споръ, который Терновскій поддерживалъ иногда съ досадою—но обычай продолжался. Обыкновенно Терновскій заставлялъ кого-нибудь изъ студентовъ повторить содержаніе прошедшей лекціи.—Кубаревъ, съ кругленькой головкой и вообще весь кругленькій, переводилъ съ нами медленно и внятно, выговаривая слова тихенькимъ голоскомъ своимъ, Тита Ливія—и только.—Гастевъ, Коркуновъ были люди молодые тогда, но совершенно безцвѣтные. Куртенеръ толковалъ о participe présent, Герингъ переводилъ хрестоматію, въ которую входили и стихотворенія Шиллера, Гёте и другихъ. Оболенскій переводилъ съ нами Гомера. Оболенскій былъ очень забавенъ; онъ былъ небольшого роста и съ весьма важными пріемами; голосъ его, иногда низкій переходилъ въ

очень тонкія ноты. Онъ переводилъ съ нами Гомерову Одиссею. Трехтысячелѣтняя рѣчь божественнаго Гомера раздавалась въ Москвѣ, на Моховой, въ аудиторіи московскаго университета предъ русскими юношами, обращавшими больше вниманія на смѣшную фигуру профессора, чѣмъ на дивныя слова Одиссея. Обыкновенно профессора наши переводили сами, и переводящему студенту оставалось только искусно повторять слова профессора, чтобы не обратиться въ совершеннаго слушателя» [1]).

Такъ было на первомъ курсѣ. На двухъ послѣднихъ было немного лучше. Правда, латинская и греческая словесность и тамъ хромали. Латинскую словесность преподавалъ И. М. Снегиревъ, не внушавшій къ себѣ довѣрія, какъ знатокъ своего предмета, и преподававшій его съ чисто-лингвистической стороны, мало знакомя своихъ слушателей съ духомъ и исторіею древнихъ [2]). Греческую словесность преподавалъ С. М. Ивашковскій. Это былъ добродушный старикъ, глубокій знатокъ своего предмета, но никуда негодный преподаватель. У него была старинная привычка за каждымъ почти словомъ прибавлять безъ всякой надобности глаголъ «будетъ». Это затрудняло пониманіе его рѣчи, дѣлало ее сначала забавной, а подъ конецъ, когда постоянное употребленіе *будетъ* надоѣдало—чрезвычайно скучной. Ивашковскій читалъ, впрочемъ, не болѣе получаса. Когда онъ входилъ въ аудиторію, къ нему подходилъ какой-нибудь студентъ, преимущественно изъ семинаристовъ, знавшихъ греческій языкъ, задавалъ какой-нибудь вопросъ, и Ивашковскій начиналъ съ этимъ студентомъ ходить по аудиторіи, остальные же студенты тихо бесѣдовали между собой. Иногда такое хожденіе Ивашковскаго по аудиторіи продолжалось болѣе получаса; затѣмъ только онъ усаживался на кафедру и начиналъ лекцію. Лекція состояла въ переводѣ греческихъ писателей. Какъ и Снегиревъ, Ивашковскій никогда не знакомилъ своихъ слушателей съ исторіею древнихъ, а ограничивался одними только переводами [3]).

---

[1]) День 1862 г. № 39, стр. 3.

[2]) Воспоминанія И. А. Гончарова. Сочиненія т. XII, стр. 35.

[3]) См. воспоминанія К. С. Аксакова, Г. Г. и И. А. Гончарова.

Больше всѣхъ изъ профессоровъ студенты любили, цѣнили и боялись М. Т. Каченовскаго. Онъ былъ, какъ извѣстно, основателемъ скептической школы въ русской исторіографіи и старался подорвать у своихъ слушателей довѣріе къ преданіямъ первоначальной лѣтописи. Баснословный періодъ русской исторіи, говоритъ Г. Г., продолжался у него собственно до Ивана III, хотя онъ и не рѣшался прямо, открыто это высказывать. Любимыми его предметами были: происхожденіе руссовъ, которыхъ онъ выводилъ изъ-за Чернаго моря и причислялъ къ турецкому племени, объясненіе древнихъ монетъ и Русской правды. О чемъ бы онъ ни начиналъ читать, разъ онъ попадалъ на одну ихъ своихъ излюбленныхъ темъ, вся лекція его состояла или изъ ироническихъ намековъ на слѣповѣрящихъ въ правдивость свидѣтельствъ первоначальной русской лѣтописи или въ объясненіи, что такое куны, гривны и т. д. Лекціи Каченовскій читалъ сухо, скучно и довольно утомительно для слушателей, тѣмъ не менѣе, лекціи его, несомнѣнно, возбуждали въ слушателяхъ живой интересъ къ занятію наукой [1]). «Молодость, говоритъ по этому поводу К. С. Аксаковъ, охотно вѣритъ, но и сомнѣвается охотно, охотно любитъ новое, самобытное мнѣніе,—и историческій скептицизмъ Каченовскаго нашелъ сильное сочувствіе среди насъ. Строевъ, Бодянскій съ жаромъ развивали его мысли. Станкевичъ, хотя не занимался русской исторіей, но также думалъ. Я тоже былъ увлеченъ» [2]).

Кромѣ русской исторіи, Каченовскій читалъ также и всеобщую по Пелитцу, но это не была его спеціальность, а потому ко всеобщей исторіи онъ относился чисто формально и, какъ только появился въ университетѣ М. П. Погодинъ, Каченовскій поспѣшилъ уступить всеобщую исторію ему. Погодинъ читалъ по Геерену самый общій курсъ всеобщей исторіи, годный скорѣй для гимназіи, а не для университета, хотя чтенія эти не были безполезны, потому что поступавшіе въ университетъ обыкновенно ничего не знали по всеобщей исторіи. На политическомъ отдѣленіи

[1]) Тамъ-же.
[2]) День, 1862 г., № 10.

Погодинъ читалъ русскую исторію, при чемъ держался взглядовъ, противоположныхъ Каченовскому, такъ что профессора въ разныхъ аудиторіяхъ часто препирались другъ съ другомъ. Одну изъ своихъ лекцій Погодинъ назвалъ даже «перчатка Каченовскому и Строеву старшему». Студентамъ нравились эти препирательства, и словесники, поэтому, ходили на лекціи Погодина. Но преподаваніе Погодина на словесномъ факультетѣ не имѣло особаго значенія. Спеціальностью его была русская исторія, всеобщей исторіей онъ самъ не занимался; къ тому же и студенты, съ которыми онъ обращался грубо, относились къ нему довольно враждебно [1]).

Эстетику читалъ Н. И. Надеждинъ [2]). Человѣкъ талантливый, онъ совершенно случайно избралъ для себя профессорскую карьеру. Глубокой учености у него не было, и студенты «скоро замѣтили сухость его словъ, собственное безучастіе къ предмету и недостатокъ серьезныхъ занятій», такъ что въ концѣ концовъ Надеждинъ не удовлетворилъ серьезнымъ требованіямъ молодежи. Но на первыхъ порахъ молодежь увлекалась его лекціями, «почуявъ въ нихъ, какъ выражается К. С. Аксаковъ, воздухъ мысли». Его лекціи не прошли безъ пользы для слушателей, хотя они и и разочаровались въ немъ. Студенты слушали его все-таки охотно. Однажды, напр., увлекшись, Надеждинъ прочиталъ два часа безъ перерыва и слушатели не напомнили ему, что лекція его давно уже окончилась [3]). Отъ Надеждина студенты впервые познакомились съ именами Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля [4]).

Былъ еще на словесномъ факультетѣ профессоръ исторіи русской литературы И. И. Давыдовъ, но студенты его не любили и всегда относились къ нему очень скептически [5]).

---

[1]) Воспоминанія К. С. Аксакова и Г. Г.

[2]) Чрезвычайно рѣзкую характеристику Надеждина дѣлаетъ *С. А. Венгеровъ* въ I томѣ Полнаго собранія сочиненій Бѣлинскаго, стр. 399 и слѣд. Существенныя возраженія противъ такой характеристики см. у *П. Н. Милюкова* «Изъ исторіи русской интеллигенціи». Спб. 1902, стр. 188 и слѣд.

[3]) Воспоминаніе К. С. Аксакова въ Днѣ 1862, № 39.

[4]) Воспоминанія Г. Г. въ Днѣ, 1863 г., № 43.

[5]) Воспоминанія К. С. Аксакова, Г. Г. и И. А. Гончарова.

Составъ студентовъ на словесномъ факультетѣ въ началѣ 1830-хъ годовъ, по возрасту, былъ самый разнообразный. Здѣсь были юноши въ 16 лѣтъ, какъ К. С. Аксаковъ, или даже моложе, какъ авторъ «Университетскихъ воспоминаній» въ «Днѣ» за 1863-й годъ, скрывшій свое имя подъ иниціалами Г. Г. Онъ четырнадцати даже лѣтъ сдѣлался студентомъ университета. Но за то были люди гораздо старше, особенно изъ семинаристовъ. О. М. Бодянскому было, напр., 23 года, когда онъ поступилъ въ университетъ, а были еще и постарше его, лѣтъ за тридцать.

Составъ аудиторіи, въ которой немало было лицъ, едва перешедшихъ въ юношескій возрастъ, на первыхъ порахъ не могъ располагать къ серьезнымъ занятіямъ наукой. Аудиторія была, поэтому, нерѣдко мѣстомъ шалостей и дѣтскихъ проказъ со стороны студентовъ, хотя, по существу своему, и безобидныхъ, но все-таки трудно совмѣстимыхъ съ понятіемъ университета и со званіемъ студента. Правда, шалости эти къ тому времени, когда учился О. М. Бодянскій, стали мало-по-малу отходить уже въ область преданій, но все же отголоски ихъ слышались и въ это время. Характеръ студенчества не могъ измѣниться сразу. «Разсказывали, говоритъ К. С. Аксаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что незадолго предъ моимъ вступленіемъ, однажды, когда профессоръ Побѣдоносцевъ, который читалъ лекціи по вечерамъ, долженъ былъ придти въ аудиторію [1]), студенты закутались въ шинели, забились по угламъ аудиторіи, слабо освѣщаемой лампою, и—только показался Побѣдоносцевъ—грянули: «се женихъ грядетъ во полунощи». Въ другой разъ на лекцію того же Побѣдоносцева принесли и выпустили воробья, а когда воробей сталъ летать, студенты какъ бы въ негодованіи на нарушеніе порядка начали ловить его, произвели страшный шумъ, и стоило немало усилій, чтобы ихъ успокоить [2]). Лекціи Побѣдоносцева были, ка-

---

[1]) Разсказъ этотъ нѣкоторыми относится къ проф. Гаврилову-*А. Н. Пыпинъ*, Бѣлинскій, его жизнь и переписка, стр. 62—63. *Примѣчаніе.*

[2]) День 1862 г. № 39, стр. 3.

жется, излюбленнымъ мѣстомъ для всевозможныхъ студенческихъ шалостей. На нихъ часто разыгривалась, напримѣръ, такого рода сцена: «обычный шумъ, господствовавшій въ его аудиторіи, на минуту прекращался и водворялась глубокая тишина, преподаватель, обрадованный необыкновеннымъ безмолвіемъ, громко начиналъ читать что-нибудь о Ломоносовѣ (при чемъ онъ говорилъ всегда, что и на солнцѣ есть пятна, и у Ломоносова есть недостатки), или о хріи простой и извращенной; но тишина эта была самая коварная, раздавался тихій, мелодическій свистъ, обыкновенно мазурка или какой-нибудь другой танецъ; Побѣдоносцевъ останавливался въ недоумѣніи; музыка умолкала, и за ней слѣдовалъ взрывъ рукоплесканій и неистовый топотъ» [1]).

Если подобныя шалости стали исчезать изъ студенческой среды, то другія чисто дѣтскія выходки все же имѣли мѣсто и въ то время, когда учился въ университетѣ О. М. Бодянскій. Они показываютъ, какъ много еще ребячества было среди тогдашней молодежи. Студенты однажды, напр., спрятались въ шинельной отъ преподавателя французскаго языка Декампа и хотѣли уйти съ его лекціи; когда же Декампъ открылъ ихъ мѣстопребываніе, они воротились въ аудиторію, разсѣлись по лавкамъ и спокойно прослушали его лекцію [2]). Преподавателю нѣмецкаго языка Кистнеру были назначены однажды для лекцій вечерніе часы. Студенты стали устраивать ему иллюминацію: каждый приносилъ съ собой по нѣсколько свѣчей и зажигалъ на скамьѣ. Начальство испугалось возможности пожара и перенесло лекціи на утренніе часы [3]).

Любопытно, что подобныя шалости имѣли мѣсто въ московскомъ университетѣ какъ разъ въ то время, когда тамъ слушали лекціи замѣчательно талантливые люди, оставившіе впослѣдствіи крупный слѣдъ на разныхъ поприщахъ общественной, литературной и научной дѣятельности. Въ началѣ 1830-хъ годовъ

---

[1]) Г. Г. Университетскія воспоминанія. День 1863 г., № 42.

[2]) День, 1862 г., № 39.

[3]) День 1863 г., № 42.

въ московскомъ университетѣ учились: на естественномъ факультетѣ—Герценъ, Огаревъ: на словесномъ—Лермонтовъ. Бѣлинскій, Гончаровъ, Станкевичъ, К. С. Аксаковъ, Ключниковъ, С. М. Строевъ. Всѣ послѣдніе были университетскими товарищами О. М. Бодянскаго. Лермонтовъ держался, правда, особнякомъ, вскорѣ ушелъ изъ университета и переѣхалъ въ С.-Петербургъ, гдѣ и поступилъ въ лейбъ-гвардію [1]). Мало съ кѣмъ изъ студентовъ сходился и И. А. Гончаровъ [2]). За то остальные, въ числѣ ихъ и О. М. Бодянскій, жили, повидимому, дружно, чисто товарищескою жизнью [3]).

Тогдашній московскій университетъ давалъ юношеству мало умственной пищи. «Очень тускло и холодно освѣщало наши умы солнце истины»—говоритъ по этому поводу въ своихъ воспоминаніяхъ К. С. Аксаковъ. Профессора преподавали плохо; многіе изъ нихъ не пользовались уваженіемъ, не могли или просто не умѣли заинтересовать своихъ слушателей. Нечего удивляться, поэтому, что университетъ въ общемъ мало привлекалъ студентовъ. Лермонтовъ, напримѣръ, посѣщая университетъ, почти не слушалъ лекцій, а все время сидѣлъ, и, углубившись, читалъ книги [4]). Пересталъ въ концѣ концовъ посѣщать университетъ или на лекціяхъ читалъ книги и извѣстный впослѣдствіи санскритологъ К. А. Косовичъ [5]); за непосѣщеніе лекцій былъ уволенъ, между прочимъ, изъ университета и Бѣлинскій [6]).

Въ одномъ изъ томовъ «Былого и думъ» Герценъ, вспоминая свои университетскіе годы и о томъ, какъ плохо преподавали въ университетѣ, спрашиваетъ, могли ли студенты научиться чему-нибудь въ университетѣ, и отвѣчаетъ: «да». «Университетъ, говоритъ онъ, не долженъ оканчивать научное воспитаніе: его дѣло-

---

[1]) *П. А. Висковатовъ,* М. Ю. Лермонтовъ (біографія), стр. 113 и слѣд.

[2]) *Гончаровъ.* Полное собраніе сочиненій, т. XII, стр. 41—42.

[3]) День 1862, № 39 и 40 и 1863 № 42.

[4]) *П. А. Висковатовъ* М. Ю. Лермонтовъ, стр. 113 и слѣд.

[5]) День, 1862 г., № 40, стр. 4.

[6]) *А. Н. Пыпинъ,* Бѣлинскій, стр. 70—71.

поставить человѣка à même продолжать на своихъ ногахъ; его дѣло—возбудить вопросы, научить спрашивать. Именно это то и дѣлали такіе профессора, какъ М. Г. Павловъ, а съ другой стороны, и такіе, какъ Каченовскій... Московскій университетъ свое дѣло дѣлалъ; профессора, способствовавшіе своими лекціями развитію Лермонтова, Бѣлинскаго, И. Тургенева, Кавелина, Пирогова могутъ спокойно играть въ бостонъ или еще спокойнѣе лежать подъ землей». Профессора, научившіе работать и любить науку С. М. Строева, О. М. Бодянскаго и другихъ, прибавимъ съ своей стороны, заслуживаютъ также полной признательности со стороны потомства.

Если университетъ въ общемъ мало давалъ умственной пищи, если онъ не могъ заинтересовать своихъ питомцевъ, то все же не проходилъ для нихъ безслѣдно. «Въ эпоху студенчества, о которой я говорю—замѣчаетъ К. С. Аксаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—первое, что обхватывало молодыхъ людей, это общее веселіе молодой жизни, это чувство общей связи товарищества; конечно, это-то и было первымъ мотивомъ студенческой жизни; но въ то же время слышалось, хотя не сознательно, и то, что молодыя эти силы собраны все же во имя науки, во имя высшаго интереса истины... Не всѣ мои товарищи способны были понимать истину и даже цѣнить ее; но всѣ были *точно* молоды, не по одному числу лѣтъ; всѣ были постоянно шумны и веселы, ни одного не было ни истощеннаго, ни вытертаго; не было ни свѣтскаго тона, ни житейскаго благоразумія. Спасильны эти товарищескія отношенія, въ которыхъ только слышна *молодость человѣка,* и этотъ человѣкъ здѣсь не аристократъ и не плебей, не богатый и не бѣдный, а просто человѣкъ. Такое чувство равенства, въ силу человѣческаго имени, давалось университетомъ и званіемъ студента... Мы, продолжаетъ К. С. Аксаковъ, мало почерпнули изъ университетскихъ лекцій, и много вынесли изъ университетской жизни. Общественно-студенческая жизнь и общая бесѣда, обновлявшаяся каждый день, много двигали впередъ здоровую молодость, и хотя собственно товарищи мои ничѣмъ не сдѣлались замѣчательны—кто знаетъ даже, къ какому опошляющему

состоянію нравственному могли довести обстоятельства потерянныхъ мною изъ виду,—но живое это время, думаю я, залегло въ ихъ душу освѣжительнымъ, поддерживающимъ *основаніемъ* [1]).

Въ университетѣ завязались между товарищами отношенія, общія бесѣды сближали ихъ въ отдѣльныя группы, кружки, зарождали общіе интересы, будили вопросы, разрѣшенія которыхъ требовалъ пытливый молодой умъ. Изъ университета товарищеская жизнь переходила на частныя квартиры, и здѣсь въ болѣе тѣсномъ кружкѣ, вдали отъ всякой оффиціальной обстановки, сошедшіеся товарищи стремились собственными силами пополнить то, что не могъ дать имъ оффиціальный университетъ.

Однимъ изъ такихъ кружковъ, пріобрѣвшихъ историческую извѣстность, былъ студенческій кружокъ Н. В. Станкевича [2]). Въ составъ его входили университетскіе товарищи Н. В. Станкевича, а также нѣкоторыя лица, уже окончившія университетъ или почему-нибудь изъ него вышедшія. Къ кружку принадлежали: Бѣлинскій, К. С. Аксаковъ, извѣстный впослѣдствіи писатель Ключниковъ, санскритологъ Петровъ, поэтъ Красовъ, бывшій потомъ профессоромъ кіевскаго университета и другіе. Къ этому же кружку принадлежалъ въ университетѣ и О. М. Бодянскій. Кружокъ былъ трезвый, не любилъ ни вина, ни пирушекъ; собирался онъ обыкновенно по вечерамъ у Станкевича, при чемъ единственнымъ напиткомъ бывалъ чай, котораго выпивалось несмѣтное количество, а угощеніемъ—хлѣбъ, котораго истребляли также не мало. Кружокъ отличался самостоятельностью мнѣнія, свободнаго отъ всякаго авторитета. Онъ желалъ и искалъ правды, серьезнаго дѣла, искренности и истины. Политическіе вопросы занимали его мало, зато въ этомъ кружкѣ, по словамъ К. С. Аксакова, «выработалось уже общее воззрѣніе на Россію, на жизнь, на литературу, на міръ—воззрѣніе большею частью отрицательное. Искусственность

[1]) День, 1862 г., № 39.

[2]) Ср. *А. Н. Пыпинъ*, Бѣлинскій его жизнь и переписка гл. 2 и 3. Полное собраніе сочиненій Бѣлинскаго, подъ ред. С. А. Венгерова т. I и III, примѣчанія.

россійскаго классическаго патріотизма, претензіи, наполнявшія нашу литературу, усиливавшаяся фабрикація стиховъ, неискренность печатнаго лиризма, все это породило справедливое желаніе простоты и искренности, породило сильное нападеніе на всякую фразу и эффектъ; и то, и другое высказывалось въ кружкѣ Станкевича, быть можетъ, впервые, какъ мнѣніе цѣлаго общества людей»[1]).

Въ кружкѣ Станкевича устраивались иногда совмѣстныя чтенія. Здѣсь были прочитаны, напр., повѣсти Гоголя, *«Коляска»* даже въ рукописи, раньше напечатанія, и вызвали неописанный восторгъ; чтеніе обыкновенно смѣнялось спорами, споры—пѣніемъ хоромъ. Любимою пѣснью были стихи Хомякова «За туманною горою» изъ оперы «Ермакъ». Не обходилось и безъ дурачествъ. Станкевичъ—по словамъ К. С. Аксакова, былъ большой мастеръ передразнивать. Однажды какъ-то, днемъ, на своей квартирѣ передразнивалъ онъ Каченовскаго, и въ это время Каченовскій проѣхалъ мимо по улицѣ.—Вотъ тебѣ разъ, сказалъ Станкевичъ, не видалъ ли онъ?—Ничего, братецъ, сказалъ Бодянскій, онъ подумалъ, что зеркало стояло[2]).

Какую роль игралъ Бодянскій въ кружкѣ Станкевича—мы не знаемъ, но само собой разумѣется, принадлежность его къ этому кружку не могла пройти для О. М. Бодянскаго безслѣдно; кружокъ долженъ былъ оказать на него свое вліяніе.

О. М. Бодянскій, по словамъ К. С. Аксакова, всегда былъ однимъ изъ самыхъ дѣльныхъ студентовъ и уже въ университетѣ серьезно занимался исторіей[3]). Мы имѣемъ кромѣ того свѣдѣнія, что въ университетѣ О. М. Бодянскій принялся также дѣятельно изучать языки и, шатаясь по Никольской въ Москвѣ, покупалъ у букинистовъ разные лексиконы Гейма, Кронеберга и другихъ, а дома затѣмъ зудилъ ихъ отъ слова до слова. Хуже всего да-

[1]) День, 1862 г., № 40.

[2]) День 1862 г. № 40.

[3]) Тамъ-же.

вался ему нѣмецкій языкъ[1]). О. М. Бодянскій, нужно сказать, отличался удивительной памятью. К. С. Аксаковъ разсказываетъ, напр., про него такой анекдотъ, имѣвшій мѣсто на лекціи у профессора Надеждина. Надеждинъ, какъ то, вздумалъ сдѣлать репетицію и сталъ спрашивать студентовъ, спросилъ и Бодянскаго, сидѣвшаго на задней скамьѣ. Бодянскій поднялся и сталъ отвѣчать, точно по книгѣ, при чемъ постоянно опускалъ глаза на столъ. Студенты засмѣялись, и всѣ были увѣрены, что Бодянскій читаетъ по книгѣ. «Замѣтивъ книжный слогъ отвѣта, Надеждинъ, сказалъ, несмотря на свою деликатность: «извините, г. Бодянскій, мнѣ кажется, вы по книгѣ читаете.—Нѣтъ, отвѣчалъ Бодянскій, и спокойно продолжалъ отвѣтъ. Надеждинъ, смотря на его опускающіеся глаза и слыша постоянно ровный книжный языкъ, сказалъ: извините меня, г. Бодянскій, пожалуйте къ каѳедрѣ. Бодянскій замолчалъ, послышался стукъ и топотъ: это Бодянскій приближался къ каѳедрѣ, сталъ передъ нею и съ невозмутимымъ спокойствіемъ продолжалъ свой отвѣтъ, точь въ точь, какъ на задней лавкѣ. Сдѣлайте милость, извините меня, сказалъ Надеждинъ, прекрасно, прекрасно» [1])!

Выдающуюся память О. М. Бодянскій сохранилъ до самой смерти. Онъ зналъ массу всякаго рода пословицъ, поговорокъ, цитатъ, изреченій на всевозможныхъ языкахъ, преимущественно по-латыни, и любилъ пересыпать ими свою и безъ того нѣсколько тяжеловатую рѣчь и свои письма.

Результатомъ занятій О. М. Бодянскаго русской исторіей, подъ руководствомъ Каченовскаго, явилась кандидатская диссертація О. М. Бодянскаго, написанная еще въ университетѣ, но обработанная къ печати и напечатанная въ 1835 г. въ «Сынѣ Отечества» и «Сѣверномъ Архивѣ», издававшемся Гречемъ и Булгаринымъ [1]).

Диссертація озаглавлена «*О мнѣніяхъ касательно происхожденія Руси*» и носитъ на себѣ всѣ слѣды скептицизма М. Т. Каченовскаго.

---

[1]) Вѣстникъ Европы, 1896 г., августъ, стр. 480.

[2]) День 1862 г. № 40.

[3]) Томъ 51, стр. 61—86, 117—141, 173—199.

Нѣтъ народа, происхожденіе котораго было бы удовлетворительно объяснено—говоритъ О. М. Бодянскій. Строится обыкновенно много гипотезъ, но умъ нашъ не можетъ удовольствоваться ни одною изъ нихъ. Русская исторія въ этомъ отношеніи не отличается отъ другихъ. Въ гипотезахъ о происхожденіи русскаго государства недостатка нѣтъ, а между тѣмъ загадка остается, по прежнему, загадкой. Главнѣйшихъ гипотезъ о происхожденіи русскаго государства двѣ: одна изъ нихъ предложена еще Байеромъ, продолжена Миллеромъ, Тунманомъ, Стриттеромъ, вновь разработана Шлецеромъ, имѣетъ много приверженцевъ среди русскихъ историковъ до Карамзина включительно; другая ведетъ начало отъ Эверса; она принята извѣстнѣйшими оріенталистами Фатеромъ, Гаммеромъ и др. учеными мужами, которыхъ О. М. Бодянскій, по скромности, не называетъ, но среди которыхъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ, конечно разумѣть его учителя М. Т. Каченовскаго. Обѣ гипотезы e diametro противоположны одна другой. Первая имя руссовъ выводитъ съ сѣвера, отъ варяго-руссовъ, забалтійскихъ выходцевъ; вторая—отъ руссовъ, народа, когда-то господствовавшаго на югѣ Россіи. Байеристы до сихъ поръ, говоритъ О. М. Бодянскій, имѣли перевѣсъ: за ними была давность, авторитетъ многихъ ученыхъ, ставшихъ безъ дальнихъ разсужденій подъ ихъ знамена, наконецъ, диктаторскій голосъ Шлецера, который всѣ возникавшія новыя гипотезы уничтожилъ своею сатирическою и ѣдкою критикою. На самомъ же дѣлѣ гипотеза Байера была «основана на слѣпой дѣтской вѣрѣ въ древность и каноническую важность нашихъ лѣтописей». Поэтому, рано или поздно она должна была вызвать противъ себя оппозицію. Это и случилось. Основываясь на строжайшемъ пересмотрѣ и оцѣнкѣ историческихъ матеріаловъ и на соображеніи хода жизни народа съ жизнью всего человѣчества, новая гипотеза имѣетъ рѣшительный перевѣсъ надъ прежней и рано или поздно должна завоевать себѣ повсемѣстное господство[1]).

[1]) Сынъ Отеч., стр. 63—64.

Такъ думалъ О. М. Бодянскій. Всякій человѣкъ, который хочетъ такъ или иначе принимать участіе въ разработкѣ русской исторіи обязанъ, по неволѣ, примкнуть къ одной изъ изложенныхъ гипотезъ. Но въ выборѣ своемъ онъ не долженъ руководствоваться однимъ только своимъ довѣріемъ авторитету того или другого лица. Человѣкъ, уважающій не авторитетъ, а истину, долженъ самъ изучить, разобрать, сравнить гипотезы, долженъ самъ опредѣлить, какая изъ нихъ истинная, а какая ложная, и только послѣ этого онъ можетъ принять одну изъ нихъ.

Разсматривая свидѣтельства, приводимыя въ пользу варяго-русской теоріи, О. М. Бодянскій приходитъ къ заключенію, что никакого народа варяго-руссовъ не было; что историки произвольно соединили два слова въ одно; лѣтопись, напротивъ, всегда раздѣляетъ варяговъ и русь, при чемъ послѣдніе относятся къ первымъ, какъ господа къ рабамъ; варяги были просто наемники. Но если бы даже лѣтопись и упоминала о варяго-руссахъ, то и тогда прежде всего слѣдуетъ доказать древность этой лѣтописи, доказать то, что она, несомнѣнно, написана кіевскимъ монахомъ XII столѣтія. Разъ это не доказано, «какъ можно толковать съ такою свободою и самоувѣренностію о событіяхъ за нѣсколько вѣковъ предъ симъ единственно по сказанію лѣтописцевъ позднѣйшаго времени? Но допустимъ, что Несторъ сочинилъ лѣтопись. У кого могъ онъ заимствовать свѣдѣніе о происшествіяхъ VII, VIII, IX, X и ½ XI столѣтія? У византійцевъ? Но чего нѣтъ у нихъ о народахъ, обитавшихъ при Балтійскомъ морѣ, о нашемъ сѣверѣ и т. п., то откуда? Изъ народныхъ преданій? Изъ преданій чрезъ сотни лѣтъ!!! Пусть такъ: скажите же, можно ли положиться на этотъ мутный источникъ, съ каждою минутой перемѣняющій свой цвѣтъ, засоряемый вымысломъ и баснями, придаваемыми ему каждымъ разсказчикомъ? Могутъ ли преданія эти въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ сохраниться во всей своей чистотѣ? Много ли можно составить теперь свѣдѣній о Петрѣ I-мъ по народнымъ преданіямъ? Жилъ когда-то, да умеръ. Между тѣмъ въ извѣстіяхъ, почерпнутыхъ Несторомъ изъ преданій, разсказывается все въ строго систематическомъ порядкѣ,

ничего не опущено, все на своемъ мѣстѣ. Скорѣе можно согласиться на существованіе домашнихъ письменныхъ источниковъ для нихъ, если бы только могли таковые до него быть. Изъ нихъ вѣрно были церковныя записки, въ которыхъ все-таки нельзя предположить, чтобы говорилось о земляхъ сѣверныхъ съ такою географическою точностью. Однако, если бы и это возможно было, то опять спрашивается, какъ Несторъ узналъ о томъ, что уже случилось послѣ него? Какъ могъ онъ самъ себѣ противорѣчить, описывая одно и тоже событіе? «Все это испорчено переписчиками; сказанія Нестора должно очистить отъ сихъ наростовъ». Но что же останется ему послѣ сего? Два-три извѣстія, относящіяся до обители, въ которой онъ жилъ? Лучше же и оставить сіи и подобныя имъ сказанія за нимъ; а болѣе ему ничего не приписывать. Все прочее должно отнесть къ позднѣйшему времени, на которое оно своимъ содержаніемъ указываетъ; поискать, изъ какихъ источниковъ все это заимствовано, кѣмъ, когда и какъ? Тогда только темныя, несогласныя съ здравымъ смысломъ сказанія нашихъ лѣтописей, сдѣлаются для насъ ясными: тогда мы узнаемъ, въ силу какихъ причинъ появились на сѣверѣ варяго-руссы, русь, варяги; узнаемъ, могли ли новгородцы въ IX ст. призвать трехъ братьевъ, отъ коихъ имя Россія пошло; гдѣ, когда и отъ кого русскій народъ получилъ нынѣшнее названіе; какъ должно смотрѣть на тѣ мѣста, коими усиливаются доказать намъ, что Русь давнымъ давно, еще за нѣсколько столѣтій до Нестора, жила на Балтійскомъ морѣ или гдѣ-то по близости онаго» [1]).

Когда же могла появиться лѣтопись, приписываемая Нестору; кто могъ быть ея составителемъ и гдѣ, на сѣверѣ или на югѣ?

Несторъ не могъ составить лѣтопись. Отъ него и его современниковъ могли остаться только записки о дѣлахъ церкви, о чудесахъ святыхъ, да развѣ еще о небесныхъ явленіяхъ, о засухѣ и т. д. Все это согласно съ духомъ того времени и встрѣ-

---

[1]) Сынъ Отеч., стр. 73—74.

чается у другихъ народовъ. Книги тогда нужны были только богослужебныя, о нихъ только и заботились; въ другихъ книгахъ не было потребности—поэтому, врядъ ли у кого-нибудь и могла явиться охота составлять дневникъ политическимъ событіямъ. Самый языкъ для этого былъ не приспособленъ. Онъ былъ «необразованъ, неповоротливъ, составленъ по греческой формѣ, и то въ чуждой землѣ, у славянъ задунайскихъ, откуда всѣ священныя книги перенесены къ намъ и откуда мы долго, долго и прочія сочиненія, касающіяся церкви, заимствовали, подновляя оныя, замѣняя многія тамошнія слова собственными, наконецъ, постановленія и правила того края приноравливая къ своей землѣ»[1]). Начало временника Нестора до XI ст., несомнѣнно, происхожденія византійскаго. Оно составлено не Несторомъ, а кѣмъ-нибудь изъ духовныхъ конца XII или начала XIII и непремѣнно на югѣ, въ Кіевѣ. Начать могъ Кириллъ, продолжать Кипріанъ, хорошо знакомый съ греческимъ языкомъ. На сѣверѣ лѣтопись появляется довольно поздно. Самый древній изъ сѣверныхъ списковъ Лаврентьевскій оканчивается 1377 годомъ. Слѣдовательно, до этого времени сѣверъ не имѣлъ лѣтописей.

Кіевскій лѣтописецъ, составляя лѣтопись, заимствовалъ нѣкоторыя сказанія изъ греческихъ хронографовъ и изъ народныхъ преданій и повѣрій. Впослѣдствіи продолжатели и составители лѣтописей на сѣверѣ стали передавать эти преданія такъ, какъ будто бы они, дѣйствительно, имѣли мѣсто на Руси. Въ этой поддѣлкѣ О. М. Бодянскій обвиняетъ больше всего новгородцевъ. Вопреки установившемуся мнѣнію, Бодянскій думаетъ, что Новгородъ вовсе не такой древній городъ, какъ полагаютъ. Онъ не могъ существовать раньше XI в. и не могъ быть заселенъ славянами, пришедшими съ береговъ Дуная. Новгородъ составляетъ позднѣйшую колонію народа, уже достигшаго нѣкоторой степени гражданственности, народа торговаго, а не воинственнаго. Такимъ народомъ были прибалтійскіе славяне, переселившіеся на сѣверъ вслѣдствіе переворотовъ, происшедшихъ между ними. Эти посе-

---

[1]) Сынъ Отеч., стр. 75—76.

ленцы и основали Новгородъ. Заведя торговыя сношенія съ южною Русью, новгородцы стали выбирать одного изъ южно-русскихъ князей себѣ въ покровители. Этимъ они облегчали себѣ торговыя сношенія. Желая придать своему городу больше значенія, они постарались выставить на видъ древность его происхожденія. «Чтобы пособить этому горю—говоритъ О. М. Бодянскій, очень могло статься, что какой-нибудь смѣтливый новгородецъ тотчасъ принялся за родословную и всѣ замѣчательнѣйшія, важнѣйшія происшествія въ исторіи своихъ соотечественниковъ, когда они жили въ прежней своей землѣ, смѣлою рукою перенесъ изъ нее въ лѣтопись кіевлянина, добытую посредствомъ связей съ югомъ; другія вымыслилъ; въ нѣкоторыхъ подражалъ своему предшественнику, и все это съ знаніемъ припаровилъ къ своей отчизнѣ». Никто противъ этого не протестовалъ, а потому и «ничто не препятствовало сѣверному компилятору управляться, какъ его душѣ хотѣлось съ южною лѣтописью». Вслѣдъ за этимъ О. М. Бодянскій указываетъ цѣлый рядъ мѣстъ изъ лѣтописи, которыя могли быть передѣланы сѣверяниномъ-лѣтописцемъ, и затѣмъ все свое вниманіе сосредоточиваетъ на выясненіи вопроса о томъ, кто были руссы?

Они не были ни варяги, ни норманы. Разбирая свидѣтельства, приводимыя обыкновенно въ пользу тожества варяговъ и нормановъ, О. М. Бодянскій приходитъ къ заключенію, «что и здравая логика, и историческія соображенія, и свидѣтельство писателей, все это говоритъ о томъ, что подъ варягами должно разумѣть не варяго-руссовъ, народъ будто бы норманскій, сообщившій впослѣдствіи имя нашему отечеству, но варяго-славянъ, колоніею коихъ былъ самый Новгородъ» [1]). Откуда же взялись все-таки руссы, если ихъ не было на сѣверѣ. Цѣлый рядъ извѣстій арабскихъ, византійскихъ писателей, отечественныя, наконецъ, извѣстія приводятъ О. М. Бодянскаго къ тому заключенію, что всѣ они знаютъ одну только Русь, именно Русь на югѣ. Здѣсь же сохранился этотъ корень въ цѣломъ рядѣ названій рѣчекъ, селъ

---

[1]) Сынъ Отеч., стр. 128.

и т. д. Очень вѣроятно, что руссы прежде скрывались въ роксоланахъ, имя которыхъ составлено изъ Роксъ, Россъ и Аланъ [1]). Это былъ народъ турецкаго племени. Славяне были сначала ихъ подданными, затѣмъ вслѣдствіе многочисленности и большей образованности взяли надъ ними перевѣсъ, слились съ ними и получили названіе Руси. Русью первоначально называлась преимущественно кіевская область, и литовскіе князья, называя себя князьями русскими, разумѣли подъ этимъ и всю южную Русь. Теперешняя великая Россія носила названіе Московіи, а жителями ея назывались москалями. Съ переходомъ центра политической жизни съ юга на сѣверъ, стало мало-по-малу переходить туда же и названіе Руси. Когда это случилось, сказать точно нельзя. Въ первый разъ названіе сѣвера Русью встрѣчается въ 1340 году въ договорной грамотѣ Семена Гордаго со своими братьями. Это названіе осталось за сѣверомъ и тогда, когда сѣвѣръ отдѣлился отъ юга. Чѣмъ дольше шло время, тѣмъ все больше и больше появлялось отличій между сѣверомъ и югомъ. Первый сталъ называться Великой Русью, такъ какъ размѣры его постепенно увеличивались, югъ, съ потерей Бѣлоруссіи, Черной Россіи и Галиціи, принялъ названіе Малой Руси. Эти названія были первоначально народными и оффиціальнаго значенія не имѣли. Впервые они появляются оффиціально при Θедорѣ Ивановичѣ, а Алексѣй Михайловичъ включаетъ уже ихъ и въ свой царскій титулъ. Бѣлоруссія издревле была заселена племенемъ славянскимъ, русинами, впрочемъ, гораздо болѣе близкими къ великоруссамъ, чѣмъ къ малоруссамъ. Названіе она получила отъ того, что не была покорена татарами и оставалась свободной. Такія земли назывались бѣлыми въ противоположность чернымъ, потерявшимъ свою свободу.

Таково содержаніе кандидатской диссертаціи О. М. Бодянскаго. Ни руссовъ, ни варяго-руссовъ на балтійскомъ морѣ не было; варяги—это славяне—выходцы изъ Германіи; руссы—народъ турецкаго племени, жившій на югѣ теперешней Россіи и

[1]) Сынъ Отеч., стр. 186.

передавшій свое имя славянамъ. Многія изъ этихъ положеній въ настоящее время опровергнуты наукой, другія продолжаютъ быть спорными. У О. М. Бодянскаго они не являются самостоятельными; оттого и диссертація его забыта и прошла почти безслѣдно для науки. Основныя положенія этой диссертаціи заимствованы О. М. Бодянскимъ у своего учителя М. Т. Каченовскаго, который излагалъ ихъ то въ отдѣльныхъ статьяхъ, напечатанныхъ въ журналахъ, то въ своихъ лекціяхъ. Таковы были мнѣнія относительно источниковъ, времени составленія, и достовѣрности первоначальной лѣтописи, о томъ, что Новгородъ былъ промышленной колоніей, вышедшей отъ балтійскихъ славянъ и вышедшей притомъ въ довольно позднее время, что имя Руси нужно искать на югѣ и т. д. [1]) О. М. Бодянскій изложилъ только и обосновалъ ихъ подробнѣе [2]). Самый методъ разсужденія, система доказательствъ заимствованы О. М. Бодянскимъ также у Каченовскаго. Все это свидѣтельствуетъ только о томъ, что лекціи Каченовскаго оказали на О. М. Бодянскаго большое вліяніе и что университетъ не прошелъ, значитъ, для него даромъ.

Критическій методъ Каченовскаго вполнѣ соотвѣтствовалъ умственному складу О. М. Бодянскаго. Умъ его былъ аналитическимъ, по преимуществу. Онъ мало былъ склоненъ къ синтезу, къ обобщенію. Отъ природы ли онъ былъ такой или, быть можетъ, школа, которую О. М. Бодянскій прошелъ въ университетѣ у Каченовскаго, наложила на него свою печать и сдѣлала его такимъ—трудно сказать. «Первый ученый трудъ его на степень кандидата—говоритъ проф. А. А. Кочубинскій—переборъ мнѣній, прибавимъ, что и послѣдній оффиціальный трудъ, на степень доктора, вышедшій чрезъ двадцать лѣтъ, конечно, весьма разнящійся отъ перваго, все же только тотъ же переборъ мнѣній («О времени происхожденія слав. письменъ»)» [3]).

---

[1]) *В. С. Иконниковъ.* Скептическая школа въ русской исторіографіи и ея противники. Кіевъ, 1871. Стр. 1—57.

[2]) *М. А. Максимовичъ.* Сочиненія, т. I, стр. 43. Примѣчаніе.

[3]) Вѣстникъ Европы, 1896 г., августъ, стр. 181.

Въ университетѣ О. М. Бодянскій познакомился съ М. А. Максимовичемъ, который былъ тогда въ Москвѣ профессоромъ ботаники. Какимъ образомъ состоялось это знакомство, мы не знаемъ. Есть основаніе думать, что одно время О. М. Бодянскій жилъ даже вмѣстѣ съ М. А. Максимовичемъ [1]). Въ домѣ Максимовича О. М. Бодянскій познакомился съ Гоголемъ. Чрезъ Максимовича же, должно быть, началось сближеніе О. М. Бодянскаго и съ Погодинымъ [2]). Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что условія студенческой жизни О. М. Бодянскаго сами по себѣ мало располагали къ такому сближенію. Погодина студенты не любили за его дерзкое и грубое съ ними обращеніе [3]). Кромѣ того О. М. Бодянскій былъ ученикомъ Каченовскаго и являлся, такимъ образомъ, ученымъ противникомъ Погодина. Въ своей кандидатской диссертаціи онъ, дѣйствительно, дѣлаетъ цѣлый рядъ возраженій противъ мнѣній Погодина.

Въ жизни О. М. Бодянскаго М. П. Погодинъ имѣлъ огромное значеніе. Значеніе это такими словами опредѣлялъ въ концѣ своей жизни самъ О. М. Бодянскій: «съ самыхъ первыхъ дней студенчества моего онъ (т. е. М. П. Погодинъ) уже намѣтилъ меня и съ той поры никогда не выпускалъ изъ виду. Подмѣтивъ во мнѣ стремленіе не къ одной лишь русской старинѣ, но и къ славянской вообще, чего не дѣлалъ онъ, чтобы поддержать это стремленіе! При тогдашней скудости въ средствахъ углубленія въ нее, съ какою теплою готовностью отдалъ онъ мнѣ всѣ книги на разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, привезенныя имъ въ нашу Бѣлокаменную въ первое свое путешествіе за родной рубежъ, преимущественно же къ нашимъ соплеменникамъ. Скажу отъ чистаго сердца, не сдѣлай онъ того, долго бы пришлось мнѣ бороться съ этой скудостью, можетъ быть, и не одолѣть, какъ то часто случается и съ другими въ подобномъ случаѣ. А рука, помогающая во время—то же спасительное судно, отъ видимой, неминучей гибели возводящее къ новой жизни, къ новому пришествію въ міръ. Затѣмъ, съ какимъ участіемъ слѣдилъ онъ за дальнѣйшими моими шагами на твердо избранномъ теченіи моемъ къ предположенной цѣли, всѣми мѣрами облегчая, ободряя, знакомя съ

---

[1]) Тамъ же, стр. 479.

[2]) Тамъ же, стр. 479.

[3]) День, 1862 г. № 40.

могущимъ угладить путь-дорогу, болѣе и болѣе, далѣе и далѣе! Никогда не забуду той торжественной для него и меня минуты, когда онъ увидѣлъ меня въ первый разъ на учительскомъ сѣдалищѣ. «Слава Богу! слава Богу! Цѣль наша достигнута—славяновѣдѣніе водворено въ первопрестольной, а чрезъ нее и въ цѣлой, дастъ Богъ, Россіи»—сказалъ онъ во всеуслышаніе, обнимая и цѣлуя меня при всѣхъ въ моей аудиторіи. Почти полвѣка съ тѣхъ поръ прошло уже, и разумѣется, на такомъ широкомъ пространствѣ не обошлось безъ недоразумѣній. Были они въ памятный 48-й годъ, когда онъ считалъ меня причастнымъ случившемуся въ ту пору крушенію нашего общества исторіи и древностей россійскихъ, косвенно направленному якобы и противъ него; по необыкновенной впечатлительности своей, принялъ онъ эту мнимую обиду горячо къ сердцу, и, поэтому, далъ волю и перу своему карать непризнательнаго, какъ выражался онъ. Но время мало-по-малу разсѣяло его заблужденіе, разубѣдило въ недовѣріи, и онъ съ прежнею, можно сказать, удвоенною расположенностью обратился къ мнимому обидчику. Знаменательнѣе всего это объявилось, когда я, привѣтствуя его отъ имени Общества исторіи и древностей россійскихъ, съ 50-лѣтіемъ его литературной и общественной дѣятельности, столь славно пройденной имъ, выражалъ ему на письмѣ чувства сочленовъ и свои... Прошло нѣсколько времени потомъ, и онъ, явившись ко мнѣ и приподнявъ 1-й томъ своей только что вышедшей въ свѣтъ «Древней русской исторіи до монгольскаго ига, громко прочелъ, стоя предо мною, написанное на ономъ: «многоуважаемому О. М. Бодянскому въ знакъ благодарности за доброе расположеніе и привѣтливое слово (а что пробѣгала черная кошка во время оно, сгинь ея голова!) отъ неизмѣннаго автора». Многіе ли, спрошу, способны къ такому поступку на его мѣстѣ? Не большая ли часть изъ насъ коснѣетъ, разъ отдавшись составленному о братѣ и ближнемъ своемъ мнѣнію и готовы съ нимъ лечь и во гробъ, не взирая ни на какія разубѣжденія въ неосновательности онаго? Однѣ только глубоко благодарныя личности отваживаются на такую побѣду надъ собою: bis vincit, qui se vincit in victoria» [1]).

Н. Василенко.

---

[1]) Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей рос. 1877 г., кн. III. Памяти Погодина, стр. 1—3.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Письма къ Гр. Петр. Данилевскому.

Печатаемые здѣсь документы извлечены изъ трехъ неизданныхъ томовъ писемъ разныхъ лицъ къ писателю Григорію Петровичу Данилевскому. Туда вошли письма слѣдующихъ ученыхъ, писателей, журналистовъ, художниковъ и т. п.: Перевлѣсскаго, Ишимовой, Очкина, Старчевскаго, Классовскаго, В. Петрова, М. Загоскина, Я. Полонскаго, Н. Щербины, П. Плетнева, И. Фумели, Ап. Майкова, А. Краевскаго, А. Норова, Н. Берга, О. Бодянскаго, граф. Растопчиной, А. Островскаго, М. Каткова, С. Аксакова, Ив. Аксакова, К. Аксакова, С. Палаузова, Дм. Григоровича, В. Гаевскаго, Рамазанова, С. Степанова, Даргомыжскаго, Ѳ. Булгарина, Видерта, Ѳ. Кони, П. Ѳедорова, П. Каратыгина, Бурдина, В. Бенедиктова, Мусина-Пушкина, Н. Костомарова, Корецкаго, М. Максимовича, В. Даля, Изм. Срезневскаго, А. Дружинина, Над. Сохапской, П. Кулиша, Коркунова, Вердеревскаго, П. Бартенева, П. Бодянскаго, С. Максимова, П. Бѣлецкаго-Носенка, бар. А. Розена, А. Метлинскаго, К. Зеленецкаго, Ив. Тургенева, А. Рославскаго-Петровскаго, Ив. Давыдова, Н. Греча, кн. П. Вяземскаго, Н. Некрасова, Г. Перевощикова, Аѳанасьева-Чужбинскаго, А. Норова, гр. Кушелева-Безбородка, Ѳ. Буслаева, Т. Филиппова, К. Трутовскаго, П. Соколовскаго, Печерскаго-Мельникова, Мина, А. Милюкова, М. Достоевскаго, Н. Аксаковой, П. Артемовскаго-Гулака, Г. Благосвѣтлова, Н. Гербеля, И. Яроцкаго, А. Сонцова, А. Сѣрова, А. Лазаревскаго, А. Герцена, В. Бѣло-

зерскаго, Е. Майковой, Леонтьева, Я. Грота, Помяловскаго, А. Георгіевскаго, П. Сокальскаго, Косовича, П. Боборыкина, Н. Любимова, В. Ярославскаго, Н. Борисяка, М. Хана, Г. Головачева, Щебальскаго, преосв. Макарія, Аверкіева, гр. А. Толстаго, М. Сухомлинова, В. Григорьева, Н. Страхова, Э. Ватсонъ-Каппирева, архіеп. Нектарія, Боричевскаго, Бурнашова, Н. Соловьева, А. Суворина, А. Матушинскаго, А. Никитенка. Письма эти относятся къ періоду времени съ 1847 по 1869-й годъ включительно. *Все это автографы.* Кромѣ того, въ сборникахъ помѣщено нѣсколько писемъ и стихотвореній, адресованныхъ не къ Гр. П. Данилевскому, а къ другимъ лицамъ. Таковы письма Вас. Наз. Каразина къ Тим. Ив. Селиванову—директору училищъ въ области Войска-Донского, письма Плетнева къ Норову, письмо А. М. Морквы къ Краевскому, стих. «Голосъ правды», стихотворенія Артемовскаго-Гулака, Волковой, Бенедиктова, В. Л. Пушкина, самого Г. П. Данилевскаго, неизвѣстнаго о Чугуевѣ, Щербины. Сборники принадлежатъ сыну покойнаго писателя Михаилу Григорьевичу Данилевскому, который выпустилъ въ 1893 году въ Харьковѣ небольшую брошюру—«Г. П. Данилевскій по личнымъ его письмамъ и литературной перепискѣ» (91 стр., 16⁰) и въ ней напечаталъ письмо Н. И. Костомарова о Г. Ѳ. Квиткѣ и Степныхъ сказкахъ, письма О. М. Бодянскаго и М. А. Максимовича, одно письмо П. П. Сокальскаго и Соханской [1]). Мы извлекли теперь изъ сборниковъ все, что по личности писавшихъ, или по содержанію писемъ относится къ южной Россіи, при чемъ перепечатываемъ и письма, уже изданныя М. Г. Данилевскимъ, въ виду того, что брошюра М. Г. вышла въ свѣтъ въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и мало кому извѣстна. На содержаніи издаваемыхъ нынѣ писемъ останавливаться не будемъ: замѣтимъ только, что они заключаютъ въ себѣ матеріалъ для характеристики Г. П. Данилевскаго и еще въ большей степени для характеристики его корреспондентовъ. Имена этихъ корреспондентовъ поль-

---

[1]) Тамъ же напечатано письмо художника Рамазанова о Гоголѣ и стихотвореніе Г. П. Данилевскаго.

зуются извѣстностью среди научныхъ и литературныхъ дѣятелей нашего юга и всякая лишняя черта для ихъ біографіи будетъ не безполезна, въ особенности при скудости подобныхъ матеріаловъ. Письма Аксаковыхъ помѣщены потому, что они касаются Малороссіи.

Въ близкомъ будущемъ мы намѣрены напечатать и 2-й выпускъ настоящаго изданія.

Д. И. Багалѣй.

Харьковъ, 28 октября 1902 г.

Письма О. М. Бодянскаго [1].

1.

Мнѣ поручили попросить Васъ завернуть завтра, какъ-нибудь, къ Аксаковымъ. Они имѣютъ къ Вамъ просьбу о доставкѣ одного письма къ кому то въ Малороссію.

Вашъ весь О. Бодянскій.

4 ноября, 1851 г. Воскресенье.

2.

Исполнивъ Ваше желанье, извѣщаю Васъ, что землякъ, съ которымъ Вы на-дняхъ видѣлись у меня, гоститъ и теперь, и охотно споетъ намъ, у Гоголя. Я писалъ къ этому послѣднему, только пѣніе онъ назначилъ не у себя, а у Аксаковыхъ, которые, узнавъ объ этомъ, упросили его на такую уступку. Если Вамъ угодно, пожалуйте ко мнѣ завтра, часовъ въ 6-ть вечера, и мы отправимся туда вмѣстѣ.

Вашъ О. Б.

30/x, 1851 г. Вторникъ.

---

[1]) Извѣстный славистъ, профессоръ и секретарь Московскаго Общества исторіи и древностей.

3.

Москва. 1852 г. февр. 2 дня.

Да, почтеннѣйшій землякъ, время летитъ, а съ нимъ и мы летимъ и улетучиваемся! Славные часы были, по осени, у насъ рѣдкіе часы! Хотя я тутъ же, у источника этихъ сладостей, а все съ тѣхъ поръ ни разу не привелось отвѣдать изъ него. Причина простая—семейство пѣвуньи живетъ, большей частью, въ Подмосковной и только изрѣдка кто-нибудь изъ него наѣзжаетъ сюда провѣдать больную сестру пѣвуньи, помѣщающуюся въ маленькомъ домикѣ и нуждающуюся пуще всего въ тишинѣ. Потому, если вы намѣрены что-либо переслать туда, то надписывайте такъ: «Подлѣ Собачьей площадки, на Арбатѣ, въ переулкѣ (3-мъ отъ Николы явленнаго по правой рукѣ) въ домѣ Серединской. Названія переулка не припомню. Что до Гоголя, то онъ, какъ вы знаете, живетъ на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Талызина. Посылая ему Майковское произведеніе, не обойдите и меня: я такъ мало имѣю случаевъ отвѣдать подобнаго плода. Вкусъ Жуковскаго хорошъ, стало быть, двойное наслажденіе: познакомиться съ хваленымъ, повѣрить хвалителя. Радъ, что моя книга могла Вамъ доставить какое ни есть удовольствіе. Далеко уже то время, когда она была писана мной. Но если, несмотря на это, Вы могли найти себѣ въ ней наслажденіе, знакъ, что она не совсѣмъ пошлость. Теперь бы я, естественно, на многое, въ ней высказанное, иначе бы взглянулъ. Можетъ быть, издавая все собраніе наськыхъ пѣсенъ, и выскажусь вновь, еще разъ объ этомъ: но когда, самъ не знаю нынче ничего. Я, вотъ уже четвертый годъ, почію на *лаврахъ*: щобъ ихъ катъ взявъ! Такъ-съ гніемъ-съ себѣ въ своемъ болотѣ. Будьте здоровы, благополучны и не забывайте Вашего щырого земляка.

О. Бодянскаго.

4.

Здѣсь литература день ото-дня шагаетъ впередъ. Чехи сочиняютъ и переводятъ съ русскаго, польскаго и французскаго;

нѣмецкаго не жалуютъ. Недавно перевели они *Юрія Милославскаго* Загоскина. Можете себѣ составить нѣкоторое понятіе о томъ, какъ чехи приняли этотъ романъ, по слѣдующему обстоятельству. Пока онъ печатался, многіе приходили въ типографію навѣдываться, скоро ли онъ выйдетъ, а были и такіе, что сами становились корректорами; одинъ читалъ въ первой, другой во второй и т. д. корректурѣ, и только отпечатывался какой листъ на-бѣло, тотчасъ выносился къ ожидающей толпѣ на типографскомъ дворѣ, смежной улицѣ, и тутъ же читался кѣмъ-либо во всеуслышаніе. Кажется, нѣтъ человѣка въ Прагѣ, который бы не прочелъ Юрія Милославскаго или Русскихъ въ 1612 году. Рѣшительно влюблены въ Русскую Литературу! Вы желаете, чтобы я написалъ Вамъ о послѣднихъ минутахъ Гоголя, о моихъ послѣднихъ свиданіяхъ съ нимъ, объ его смерти, бумагахъ и о Москвѣ, потерявшей его. Не скажу, добродію, не скажу. И теперь еще я хожу, какъ угорѣлый: на лекціи по сю пору не соберусь никоимъ путемъ: все онъ, въ умѣ и глазахъ. Когда-нибудь, можетъ быть, и соберусь съ духомъ поразсказать Вамъ о послѣднихъ минутахъ его: нынче же замѣчу только: недѣли за двѣ до смерти покойникъ видимо чахъ; онъ предчувствовалъ недоброе и потому на *Масляной* говѣлъ и пріобщался; въ половинѣ 1-ой недѣли Великаго поста соборовался и 21-го въ четвергъ въ 8-мъ часовъ утра его не стало. Болѣзнь—несвареніе желудка, отъ которой онъ не хотѣхъ вовсе лѣчиться: послѣдовало воспаленіе, за коимъ онъ впалъ въ безпамятство, и хотя тутъ поданы были врачебныя пособія, да ба, да вже пропало, що зъ воза впало! Всѣмъ намъ единою умрети! Это еще не бѣда, но вотъ бѣда, что покойный въ ночь съ понедѣльника на вторникъ, часу во 2-мъ или 3-мъ, *сжегъ всѣ свои бумаги до тла.* Отъ що горе! Премного провинились въ этомъ окружавшіе его, изъ коихъ одному онъ отдавалъ весь свой портфель, туго набитый, а тотъ разумникъ, *поцеремонился*, какъ самъ потомъ имѣлъ еще духъ разсказывать. Отъ що горе, такъ горе! Нема нашого Рудого Панька бильше, та й не буде покы свитъ стоять буде! Прощайте.

далеби жъ не пышется! Бувайте здорови, благополучни и не забувайте щырого Вашого земляка.

О. Бодянскаго.

28 февр. 1852 г. Москва.

5.

Позапоздалъ я отвѣтомъ Вамъ на Ваше письмо, отъ 10-го текущаго мѣсяца, но столько накопилось было дѣла въ послѣднее время, что, право, никакъ нельзя было взяться за перо. Теперь, удосужась нѣсколько, спѣшу донести Вамъ, что желаніе Ваше предлагалъ я новому журналисту, такому, который, однако, проситъ Васъ лишь о Варсавѣ!

Что это Вы тамъ нагородили по поводу Основьяненка, о нашихъ писакахъ? Судя по сказанному Вами тамъ, вижу, что Вы писали все съ чужого голоса или письма, да и то перепутали. Напримѣръ: «и наконецъ (укажу) на г. Кирилла Тополя (Тополю? Какъ же не знать именительнаго?!), который... едва ли не болѣе другихъ украинскихъ поэтовъ говоритъ сердцу? Да развѣ онъ писалъ по-украински? Посмотрите же, что за чепуха его «Чепуха». Она и въ подметки не годится его «Чарамъ», которыя писаны по-каковски? Далѣе, зачѣмъ мѣшать съ писавшими по малороссійски тѣхъ, кои брали только содержаніе для своихъ сочиненій изъ Малороссійскаго быта? Развѣ можно такъ дать правильное понятіе о малороссійскихъ писателяхъ? Развѣ Голота, Кузьмичъ, Петренко, Сомовъ и подобная братія писали по малороссійски? Что за иностранцы: Лозинскій, Левицкій, Вагилевичъ и подобные имъ? Давно ли Котляревскій своей Энеидой сдѣлался снотворнымъ? До сихъ поръ не только Малороссіяне, но и кто только въ состояніи понимать ихъ языкъ мало-мальски, находили, что никто и никогда не потѣшалъ такъ православныхъ перелицёванкой своей, какъ онъ, нашъ Котляревскій. Есть выворотка Энеиды почти на всѣхъ языкахъ образованныхъ народовъ, но ни на одномъ изъ нихъ съ такимъ успѣхомъ, какъ у насъ. Это судъ не мой, но всѣхъ тѣхъ, кто читалъ перелицёванки дру-

гихъ. А такой успѣхъ развѣ возможенъ при снотворности? Наоборотъ, языкъ его, хотя Вы его называете чистымъ малороссійскимъ языкомъ, «puritatis legitimae» именно во многомъ: «illegitime purus sermo». Онъ позволялъ себѣ частенько, для стиха, такіе слова и обороты, которые совершенно чужды малороссіянину. Наконецъ, что за замашка у Васъ брать у другого, умалчивая о томъ, и такъ приводить его имя совсѣмъ не какъ своего источника, а такъ кстати, мимоходомъ, по поводу, совершенно случайному. Не указываю Вамъ, гдѣ это именно въ Вашей статьѣ: сами возрастъ имате, и потому сами смекнете, къ чему это направлено. Въ заключеніе, съ какой стати Вы называете малороссійское нарѣчіе или языкъ, его письменность, сказки, пѣсни и т. п., *степными?* Подъ «степнымъ» разумѣется у насъ только «*Слободско*-Украинское», отнюдь же не все Малороссійское. Неправильно по части называть преимущественно цѣлое; это пристрастіе, правда, понятное, тѣмъ не менѣе, пристрастіе, неумѣстное въ печати. Точно также не точно увѣреніе, яко бы Основьяненко писалъ на какой то смѣси харьковскаго нарѣчія. Опять квасная привязанность или пристрастіе. Кромѣ высказаннаго сейчасъ мною Вамъ не въ бровь, а прямо въ глазъ о Вашемъ дѣтищѣ, довольно есть въ немъ и такого, чего не лѣпо есть на письмѣ глаголати. Когда выйдетъ отдѣльно, посудимъ больше; но, какъ бы ни былъ строгъ мой судъ, все же статья Ваша (сужу только по первой половинѣ) *очень замѣчательна* и доставила мнѣ много удовольствія многимъ, въ ней содержащимся. Я потому столько привязчивъ къ ней, что не хотѣлось бы съ послѣдними видѣть первыхъ, на одной доскѣ. А впрочемъ, здравствуйте о Христѣ, не забывайте Вашего почитателя и слугу

О. Бодянскаго.

29 ноября 1855 г. Москва.

6.

Милостивый Государь Григорій Петровичъ!

Письмо Ваше отъ 27-го генваря, и при немъ два акта старинныхъ памятниковъ, получилъ я 10-го исправно и не премину

то и другое представить Обществу исторіи и древностей Российскихъ въ первомъ же его засѣданіи. Увѣренъ, что оно согласится на помѣщеніе ихъ на страницахъ своего повременнаго изданія. Что до обстоятельства, въ случаѣ если бы акты тѣ не могли быть помѣщены въ «Чтеніяхъ», передать ихъ въ другое какое повременное изданіе, то послѣднее—дѣло трудное. Вы знаете, что стариною наши журналы не занимаются, бѣгая отъ нея пуще, чѣмъ чортъ отъ ладона; скорѣе я попрошу Васъ, проѣзжая черезъ Бѣлокаменную, завернуть ко мнѣ и взять къ себѣ обратно Ваше добро. Но увѣренъ, что до этого не дойдетъ. Нашъ Московскій Комитетъ о крестьянахъ дѣлаетъ свое дѣло: что же именно въ эту пору, какъ и на сколько его сдѣлали уже, не могу сказать Вамъ навѣрное, по той простой причинѣ, что съ депутатами, въ немъ участвующими, я рѣшительно не знакомъ, даже хоть бы съ однимъ. Другихъ новостей на Москвѣ пока нѣтъ, кромѣ общаго говора о сборахъ на Австрію. По этому случаю снаряжается москвичами Пароходъ на мѣсто Паруса, который разорвало за то, что отважился развернуться, вопреки природѣ вещей, зимой. Пароходомъ, конечно, тоже въ московскомъ климатѣ, не далеко уѣдешь, потому чуть ли не обратятъ и его въ паровозъ. Странно, что все какъ то не впопадъ у насъ бываетъ: то названье не по шерсти, то шерсть не по кличкѣ. Впрочемъ, что до названья? Положимъ, звалась бы хоть Маланья предпринятая вещь, только бы дѣло дѣлалось, какъ слѣдуетъ, т. е. побольше дѣла, а поменьше шума изъ за пустяковъ.

Вашъ покорнѣйшій слуга О. Бодянскій.

Февр. 22-го 1859. Москва.

Письмо П. Бодянскаго.

Исполняю данное слово и представляю Вамъ, любезнѣйшій Григорій Петровичъ, пятьдесятъ малороссійскихъ пѣсенъ, положенныхъ на фортепіано. Насилу могъ на прошедшей недѣлѣ получить ихъ отъ списывавшаго корпуснаго музыканта. Слова пѣсенъ найдете у Метлинскаго и у Максимовича. Каково пожи-

ваете? Что подѣлываете? Жду отъ Васъ извѣстій о себѣ. Семейство Вамъ усердно кланяется. Мы Васъ часто вспоминаемъ.

Вамъ душевно преданный П. Бодянскій.

15 ноября 1855 г.

Письмо Аѳанасьева-Чужбинскаго [1].

1856 г. Марта 20. Лубны.

На разныхъ мѣстностяхъ собирался я писать къ Вамъ, добрѣйшій Григорій Петровичъ, и все какъ то не клеилось: или увлекался я наблюденіями, или спѣшилъ писать путевыя письма для Современника, или записывалъ матерьялы для статей Морского Сборника. Кромѣ этого надо еще принять во вниманіе огромные переѣзды то подъ дождемъ, то подъ снѣгомъ, и выйдеть, что вина моя противъ Васъ уменьшится въ нѣкоторой степени. Теперь я даю себѣ трехнедѣльный отдыхъ, ѣду домой къ отцу въ деревню, гдѣ проживу до праздниковъ—и вотъ принимаюсь за бесѣду со столичниками. Во первыхъ, напоминаю о давно прошедшемъ: Вы говорили, чтобы я разобралъ «Основьяненка» въ Современникѣ,—но книга эта уже была отдана для разбора другому, еще до моего отъѣзда изъ Петербурга—слѣдовательно, я не могъ быть Вамъ полезенъ въ этомъ случаѣ. Напишите пожалуйста, каково идетъ мой словарь, и много ли уже прочли Вы корректуры? Я писалъ къ Измаилу Ивановичу [2], но какъ былъ въ отсутствіи изъ города, гдѣ получается моя почта, то рѣшительно ничего не знаю. Мнѣ совѣстно было безпокоить Васъ на счетъ корректуры, но я все еще думаю, что и я въ свою очередь могу отслужить Вамъ чѣмъ-нибудь, а потому и рѣшился оставить словарь на Ваше попеченіе, зная, что, какъ землякъ, Вы не откажете ему въ помощи отъ нападенія наборщиковъ. Я дѣятельно собираю пѣсни, сказки и различныя преданія, во-первыхъ, для спеціальныхъ своихъ статей, а во-вторыхъ, и съ за-

[1]) Извѣстный южно-русскій этнографъ и писатель.

[2]) Срезневскому.

пасною мыслью—издать много кое-чего и особо по возвращеніи въ Петербургъ. Пѣсни есть необыкновенно интересныя, которыя ускользнули отъ Метлинскаго потому, что, сидя въ Кіевѣ и сдавшись на своихъ корреспондентовъ, почтенный профессоръ не могъ ихъ самъ слышать въ устахъ народа. Сказки же встрѣчаются такія, что не одинъ собиратель народности облизался бы, еслибъ удалось ему послушать хоть одну. Съ открытіемъ весны, которая у насъ запоздала, я отправляюсь на Пороги и въ Сѣчь, гдѣ былъ недавно мимоходомъ и гдѣ мнѣ обѣщано множество матерьяловъ. Познакомился со многими кобзарями, и у меня теперь нѣтъ ни одной минуты свободной, такъ что болятъ руки отъ записыванія и потомъ переписыванья и приведенія въ порядокъ дорожныхъ замѣтокъ. Но я совершенно счастливъ, потому что подобную только жизнь называю жизнью. Поселившись въ Петербургѣ, гдѣ зарабатывалъ насущный хлѣбъ, я уже не надѣялся никогда странствовать по степямъ и на этомъ поэтическомъ просторѣ предаваться своимъ любимымъ занятіямъ. Однако до свиданія! Пожалуйста засвидѣтельствуйте мое почтеніе Дмитрію Сергѣевичу Левшину, кланяйтесь всѣмъ знакомымъ и пишите къ преданному Вамъ А. Аѳанасьеву.

Аресъ: Александру Степановичу Аѳанасьеву-Чужбинскому, полтавской губ. г. *Лубны*, а оттоль въ с. Исковцы.

Письма А. Л. Метлинскаго[1]).

24 янв. 1856 года Харьковъ.

1.

Письмо Ваше, многоуважаемый Григорій Петровичъ, отъ 21-го дек. прошлаго года, а затѣмъ недѣли черезъ двѣ или черезъ три и тюкъ съ біографіей Основьяненка, я получилъ, и благодарю Васъ и за то, и за другое, и за письмо, и за книги, и за па-

[1]) Профессоръ Харьковскаго университета, издававшій свои сочиненія подъ псевдонимомъ Амвросія Могилы.

мять, и за вниманіе, и за случай способствовать сбыту Вашей книги и распространенію Вашей славы. Прежде всего скажу Вамъ, что душевно радуюсь, и какъ украинецъ, и какъ любитель литературы, избранному вновь Вами пути, на которомъ съ извѣстностью себѣ можете доставить извѣстность и многому, стоющему памяти, *якъ, що и до чого бувало у насъ въ Украини колысь.* Не будучи старожиломъ Харькова и не изучавши подробно обработаннаго Вами предмета, я не могу указать Вамъ матеріальныхъ ошибокъ въ трудѣ Вашемъ, если и есть онѣ. Желалъ бы только, если хотите откровенности, о которой сами просите, чтобы планъ сочиненія былъ немножко стройнѣе, глаже, не представлялъ бы очевидныхъ спаекъ и спивокъ. Онъ то самъ по себѣ, быть можетъ, безукоризненъ, но это—на скорую нитку выстаченныя части, разумѣю, какъ напр.: *теперь поговоримъ о томъ, теперь начнемъ писать объ этомъ.* Лучше бы обойтись безъ этихъ оговорокъ, и чтобы части сами собою вытекали одна изъ другой, какъ стройное тѣло безъ отбитыхъ и придѣланныхъ членовъ. Sapienti sat et superque.—Статуя таже, но придѣлайте ея же члены, неловко. Впрочемъ, это не можетъ мѣшать пользѣ труда. Другіе находятъ кое-какія невѣрности въ содержаніи, и я прошу ихъ дѣлать для Васъ замѣтки, и ими мы воспользуемся современемъ. Думаютъ, что много приписали Квиткѣ, и легко и неуважительно отозвались о Рижскомъ и проч. Тюкъ, назначенный домашнимъ, отданъ присланному отъ маменьки человѣку. 20 экземпляровъ отдано Апарину, въ чемъ и посылаю росписку; изъ остальныхъ, предназначенныхъ мнѣ и другимъ любителямъ, 1 взялъ себѣ, 1 отдалъ Кокошкину лично и онъ Васъ благодаритъ, 1—архіерею (у него есть статья о Сковородѣ, которую онъ обѣщалъ Вамъ отдать; въ нашей же библіотекѣ рукописи на домъ не выдаются, а тамъ холодно и угарно—не могу заняться, а что то есть, чѣмъ и пользовался, вѣроятно И. И. Срезневскій), 1—Рославскому, 1—Топчіеву, 1—Селитренникову (говоритъ, Вы писали), это все по Вашему назначенію. Сверхъ того подарилъ Сливицкому, Кондратьевымъ, Лукашевичевой, Косинскому, и еще хочу подарить князю Цертелеву, Артемовскому и еще, кажется

для кого-то останется. При подаркахъ имѣю въ виду нужныя для Васъ свѣдѣнія и распространіе извѣстности книги. У нѣкоторыхъ лицъ подарки бывали на вечерѣ и гости разсматривали отъ нечего дѣлать. Такъ стала извѣстною какой нибудь сотнѣ лицъ. Насчетъ Сковороды въ Кіевѣ не знаю, есть ли у кого что-нибудь, а здѣсь, повторяю, занимался этимъ И. И. Срезневскій. О рукописяхъ Филомаѳитскаго ничего не знаю, есть, говорятъ, у кого то въ Волчанскомъ уѣздѣ. Лѣтомъ легко будетъ Вамъ добраться до этого. Кланяюсь Срезневскимъ, Тюрину, Костомарову и всѣмъ, кто не забылъ меня. Да что Н. И. Костомаровъ бросилъ совсѣмъ писать ко мнѣ.

Душевно всегда Вамъ преданный Метлинскій.

По отъѣздѣ Вашемъ я узналъ отъ архіерея, что Вы улучили случай повидаться съ нимъ и переговорить самому на счетъ извѣстной Вамъ особы. Говорятъ, капризна. Пишите о новостяхъ по министерству.

2.

Харьковъ. 13 марта, 1856 года.

Ваше любезное письмо, милый мой Григорій Петровичъ, отъ 17 февраля, я получилъ. Исполняя Ваше желаніе, я пересмотрѣлъ библіотечныя рукописи, но Сковородинскихъ ни по реестру, ни на дѣлѣ болѣе двухъ не оказалось. Обѣ съ надписью: Сочиненія Сковороды, собранныя протоіеремъ Ѳеодоромъ Залѣскимъ (1763 года, дек. 10 дня, прибавлено на одной изъ нихъ). Посылаю Вамъ по просьбѣ Вашей и *перечень* ихъ. Въ 1-ой заключается: Письмо. Басня пустынникъ и его другъ. Обращеніе басни къ Богу. Примѣръ. Все это мелкія статейки мистическаго содержанія. Въ примѣрѣ объясняются тексты Священнаго Писанія. Вторая рукопись содержитъ слѣдующія небольшія статейки: Борьба и пря о томъ: претрудно быть злымъ, легко быть благимъ, Бесѣда ангеловъ о клеветѣ діавольской. Львиная ограда. Гавріилъ. Путь спасительный. Путь мира нареченъ пусть.

Путь шуій нареченъ *вентеръ* (такъ)? Богачъ, путешествуя, поетъ пѣснь. Клевета. Казнь. Адское царство на чемъ основано. Плачущая неплоды. Обновленіе мыра (такъ)! Пѣснь побѣдная. Пря бѣсу со Варсавой. Предѣлъ, край райскій. Всѣ эти статейки мистическаго содержанія написаны прозою и отчасти стихами, очень дурно по русски, и заключаютъ въ себѣ разговоры ангеловъ съ сатаною и между собою. Вотъ Вамъ и все, что можно было найти у насъ. Не желая отстать въ содѣйствіи Вамъ отъ Москалей, которыми хвалитесь, я готовъ оказать Вамъ самое полезное и рѣдкое между людьми содѣйствіе—правды: торопливость въ статьяхъ, какъ о Сковородѣ, никуда не годится и никому никакой, тѣмъ болѣе Вамъ, не можетъ принести пользы (разумѣю пользу нравственную, а не денежный заработокъ). Кромѣ весьма дѣльныхъ статей И. И. Срезневскаго, какъ обыкновенно и все, что онъ пишетъ о Сковородѣ, писали многое множество всякаго вздору. Весьма легко состряпать изъ всякой всячины наскоро даже и большую скороспѣлую компиляцію, которой можно набить обширное брюхо какого нибудь изданія; но что за цѣль въ нѣсколько недѣль (извините за риѳмы) написать то, что и на день никого не займетъ? Лучше повремените, дайте созрѣть Вашему труду, и напишите сочиненіе, которое было бы не только лучше прежнихъ трудовъ, но и сдѣлалось бы необыкновеннымъ, незамѣнимымъ и навсегда полезнымъ. Здѣсь, на мѣстахъ пребыванія Сковороды, Вы могли бы кое-что навѣрное дополнить изъ Вашихъ о немъ свѣдѣній. Показать его значеніе можете не иначе, какъ изучивъ писателей его направленія. А что можно сдѣлать изъ разныхъ *перечней*. Моихъ же мыслей и преосвященный Филаретъ, котораго я просилъ о пособіи Вамъ по части Сковороды. Онъ обѣщается, но дѣло требуетъ времени. Пріѣхавши сюда, Вы ускорили бы. Радъ буду съ Вами видѣться, но быть у Васъ не обѣщаюсь, затѣмъ, что, кажется, уѣду въ полтавскую губернію. Привезли бы Костомарова въ Кочетокъ. Передайте мое усерднѣйшее благожеланіе Срезневскимъ, а Костомарову письмецо при случаѣ.

А. Метлинскій.

Письмо П. Бѣлецкаго-Носенка [1]).

Милостивый Государь Григорій Петровичъ!

Милое и обязательное письмо Ваше я имѣлъ удовольствіе получить 28 числа настоящаго мѣсяца. Душевно радуюсь знакомству, хотя заочному, съ авторомъ Малороссійскихъ разсказовъ «Слобожане»;—мысленно подаю Вамъ руку, какъ просвѣщенному любителю отечественной народности. Ваши, безъ лести, прекрасные, художественные разсказы дышутъ такимъ теплымъ чувствомъ къ нашей благословенной Украйнѣ, такъ вѣрно и ярко обрисованы, что нельзя не поблагодарить отъ лица всѣхъ малороссовъ за вѣрность взгляда, за справедливость въ описаніи характеровъ и самой природы! Продолжайте, почтенный собратъ, трудиться съ такою же любовью къ литературѣ, съ такимъ сочувствіемъ ко всему родному; не отрывайте Вашей наблюдательности отъ нашей Украйны,—въ ней такъ много поэтическаго, такъ много юмора и преданій завѣтной старины; Вашему даровитому перу будетъ признательна вся Россія. Благодарю Васъ за сочувствіе къ моимъ трудамъ,—благодарю искренно и за принимаемое Вами участіе въ изданіи моихъ сказокъ. Посылаю Вамъ мою рукопись «Казокъ», онѣ написаны мною въ духѣ народномъ; кромѣ того, тамъ же помѣщены: баллады, нѣсколько пѣсенъ и романсовъ, поэма въ трехъ пѣсняхъ и драматическій разсказъ: «Иванъ Золотаренко». Я принялъ орѳографію естественную, какъ говорили и нынѣ говорятъ въ Малороссіи, и поэтому счелъ бы себя счастливымъ, еслибы мои сочиненія были изданы, какъ они есть;—впрочемъ, полагаюсь во всемъ на Васъ; если же Ваше ходатайство къ изданію посылаемой рукописи будетъ безуспѣшно, то покорнѣйше Васъ прошу возвратить ее мнѣ потому, что всѣ свои сочиненія я передамъ въ распоряженіе моему сыну. Извините, что не пишу къ Вамъ своеручно,—будьте снисходительны къ моей старости. Прошу покорнѣйше Васъ, Милостивый Государь, будемте знакомы; поручаю себя въ Ваше благорасположеніе и остаюсь на-

---

[1]) Малорусскій писатель.

всегда съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и преданностью Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Павелъ Бѣлецкій-Носенко.

28 сент. 1855 г.

С. Лапинцы, подъ г. Прилукою.

Письма А. Рославскаго-Петровскаго 1).

1.

Милостивый Государь Григорій Петровичъ!

Тюки, о которыхъ Вы писали мнѣ, получены мною довольно поздно, и я распорядился ими. согласно Вашему желанію. Чувствительнѣйше благодарю Васъ за экземпляръ Вашей весьма интересной біографіи Основьяненка, доставленный мнѣ А. Л. Метлинскимъ. Я уже прежде прочелъ статью эту съ большимъ удовольствіемъ въ Отечественныхъ Запискахъ. Мнѣ въ особенности понравилось то, что съ личностью автора Вы умѣли соединить характеристику образованности Харькова и оживить Вашъ разсказъ любопытными подробностями о замѣчательныхъ лицахъ описываемаго Вами времени. Искренно преданный Вамъ А. Рославскій-Петровскій.

20 генваря 1856 г. Харьковъ.

2.

Милостивый Государь Григорій Петровичъ!

Зная Вашу милую обязательность и любовь къ своимъ землякамъ, позволяю себѣ обратиться къ Вамъ съ моею покорнѣйшей просьбой: будьте такъ добры, справьтесь въ редакціи журнала Нар. Просвѣщенія, въ какой книжкѣ журнала будетъ помѣщена статья моя «Критическій обзоръ Исторіи Россійскихъ Ца-

1) Профессоръ и ректоръ Харьковскаго университета.

рей», а также будетъ ли напечатана статья проф. Лукьяновича о Тацитѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не откажите похлопотать въ редакціи объ исправной и своевременной присылкѣ къ намъ книжекъ Журн. Мин. Народ. Просвѣщенія. Университетъ только третьяго дня получилъ вмѣстѣ декабрьскую и генварьскую книжки, а февральской до сихъ поръ нѣтъ, хотя о выходѣ ея сообщили въ газетахъ недѣли двѣ тому назадъ. Поздравляя Васъ съ праздникомъ св. Воскресенія Христова и надѣясь имѣть удовольствіе лѣтомъ видѣть Васъ, остаюсь искренно уважающій Васъ А. Рославскій.

1856 г. 10-го апр. Харьковъ.

Письма Н. И. Костомарова.

1.

Харьковъ, февраля 16-го 1854 г.

Милостивый Государь Григорій Петровичъ!

Ваше доброе ко мнѣ вниманіе, которое Вы оказали изъявленіемъ желанія почтить меня знакомствомъ Вашимъ и присылкою Вашихъ сочиненій, выше всякой возможности принести Вамъ благодарность. Прекрасныя Ваши «Степныя сказки» были уже мнѣ извѣстны въ то время, когда явились въ свѣтъ; прочитавши ихъ, я пожалѣлъ: затѣмъ онѣ написаны не на народномъ языкѣ? Теперь осмѣлюсь высказать то же мнѣніе. Будучи всегда далекъ отъ нелѣпаго и несбыточнаго желанія дать украинской письменности такой литературный объемъ, который бы исключалъ вовсе русскій общій языкъ нашъ, я увѣренъ, что народный прошедшій и настоящій бытъ, а тѣмъ болѣе творенія народной фантазіи должны быть выражены на природномъ нарѣчіи. Пиша по-русски, Вы невольно будете впадать въ книжность и способъ выраженія высшаго класса общества или же переводить одну народность на другую, между тѣмъ, какъ связавши себя народнымъ языкомъ,

изучивши его и чувствуя его складъ, Вы именно скажете то, что говоритъ народъ, и скажете такъ, какъ онъ говоритъ. Довести до извѣстной степени развитія украинское нарѣчіе необходимо для общей нашей славянской исторіи и филологіи. Украинскій элементъ съ его прошлою отдѣльною жизнію составляетъ важнѣйшую часть нашей русской исторіи; онъ непонятенъ безъ знанія языка; а чтобы доставить возможность этого знанія, надобно привести его въ стройный видъ, даровать ему нѣкоторое литературное значеніе. Поэтому, желательно было бы, еслибъ Вы издали Ваше собраніе легендъ по-украински.

Съ Квиткою я былъ знакомъ отъ 1838 до 1844 года [1]. Это былъ старикъ средняго роста, съ плѣшивой головою, однимъ глазомъ (другой въ лѣта юности онъ себѣ выжегъ фейерверкомъ), съ зелеными пятнами на лбу, всегда въ черномъ платьѣ или въ халатѣ темнаго цвѣта, всегда принимавшій своихъ гостей въ гостиной, гдѣ обыкновенно и писалъ. Сначала онъ жилъ въ двухъ верстахъ отъ города на Основѣ, въ низенькомъ каменномъ домикѣ, съ каменною оградою на необозримомъ и почти пустомъ дворѣ. Почти противъ дома его возвышался деревянный огромный домъ его брата, которому принадлежала Основа: Гр. Квитка самъ ничего не имѣлъ въ ней. Потомъ я съ нимъ видался въ городѣ, куда онъ переѣхалъ въ 1843 году. Наружность его квартиры не представляла ничего щегольскаго: мебель очень простая; не было никакихъ комнатныхъ украшеній; жены его я никогда не видалъ въ шелковомъ платьѣ. Живучи въ городѣ, онъ часто бывалъ въ церкви, гдѣ становился на клиросѣ или въ алтарѣ, такъ что его нельзя было видѣть. Онъ былъ очень религіозенъ и почти наизусть зналъ не только обыкновенное богослуженіе, но даже многіе праздничные каноны. Въ характерѣ его просвѣчивалось то смѣшеніе скрытности и искренности, простодушія и остроумія, которое такъ оттѣняетъ украинца. Онъ охотно давалъ свои сочиненія въ рукописи знакомымъ, не оставляя у себя другого экземпляра, и жаловался, что у него зачитывали. Недостатокъ клас-

[1]) Г. Ф. Квитка умеръ въ 1843 году.

сическаго образованія и знанія иностранныхъ языковъ онъ замѣнялъ здоровымъ умомъ и любовью къ чтенію: онъ постоянно съ юношескимъ пыломъ слѣдилъ за движеніемъ русской литературы, особенно оригинальной; на переводную обращалъ гораздо менѣе вниманія. Съ рѣдкою добросовѣстностью и отсутствіемъ всякой тѣни шарлатанства, онъ не только не позволялъ себѣ сужденій о томъ, чего не зналъ, но безъ всякаго ложнаго стыда удалялся отъ разговоровъ не по немъ; юмористъ и охотникъ до анекдотовъ, онъ никогда не позволялъ себѣ говорить дурно о лицахъ и о всякомъ дурномъ извѣстномъ поступкѣ отзывался съ сожалѣніемъ, стараясь всегда прекратить разговоръ объ этомъ. Несмотря на старость, былъ крѣпокъ и свѣжъ и только за нѣсколько мѣсяцевъ передъ смертью началъ слабѣть. Умеръ 11 августа 1844 г. (1843) отъ воспаленія мочевого пузыря: къ сожалѣнію я не былъ при его смерти, ибо не былъ уже въ то время въ Харьковѣ. Жена его—Анна Григорьевна—была женщина очень добрая и образованная; она слѣдила за французской литературой и современной политикой и отличалась особеннымъ сочувствіемъ династіи Бурбоновъ; поэтому постоянно можно было застать ее съ легитимистическимъ журналомъ: «la mode» въ рукахъ, хотя она вовсе не была femme à la mode. Она чрезвычайно любила своего мужа, гордилась его литературной славой и чуть было не сошла съ ума послѣ его смерти. У меня было нѣсколько его записокъ (большой переписки я съ нимъ не могъ вести, потому что могъ всегда видаться), но онѣ пропали въ смутныя эпохи моей жизни.

Примите увѣреніе въ моемъ къ Вамъ искреннемъ уваженіи и желаніи блестящихъ успѣховъ на литературномъ поприщѣ и въ мірѣ. Съ своей стороны прошу покорнѣйше почтить меня продолженіемъ знакомства.

Готовый къ услугамъ Н. Костомаровъ.

2.

Милостивый Государь Григорій Петровичъ!

Деньги, пожертвованныя Вами 35 р., о которыхъ Вы пишете, я не берусь получить съ г. Бѣлозерскаго и даже положительно считаю это невозможнымъ, да и для избѣжанія неудовольствій не стану обращаться къ нему, а потому, если Вамъ угодно оказать съ своей стороны содѣйствіе, то возьмите эти деньги сами и вручите мнѣ, тогда я приму съ величайшею благодарностью отъ имени Украины.

Вашъ глубокоуважающій Н. Костомаровъ.

Дек. 29. 1862 г.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Исторія одного древняго волынскаго храма.

Луцкъ—одинъ изъ древнѣйшихъ волынскихъ городовъ. Нѣкогда онъ былъ столицей удѣльныхъ русскихъ князей, потомковъ св. Владимира, затѣмъ резиденціей князей литовскихъ Любарта, Витовта и Свидригайла, каѳедрой луцко-острожской епархіи и, наконецъ, съ XVI по XVIII вв., главнымъ городомъ волынскаго воеводства. Такимъ образомъ, въ теченіе тысячелѣтняго своего существованія, Луцкъ служилъ политическимъ, религіознымъ и культурнымъ центромъ обширнаго края. Каждая изъ пережитыхъ имъ историческихъ эпохъ, безъ сомнѣнія, оставляла въ немъ вещественные слѣды въ видѣ монументальныхъ памятниковъ, сохраненію которыхъ должно было способствовать то счастливое обстоятельство, что Луцкъ, со времени монгольскаго нашествія, ни разу не подвергался сколько-нибудь серьезному разоренію, какія нерѣдко постигали другіе города, пожары же не могли ихъ безслѣдно уничтожить, такъ какъ старый Луцкъ на половину, если не болѣе, былъ построенъ изъ камня. Каменныя, напримѣръ, церкви существовали здѣсь уже въ XIII ст. и нѣкоторыя изъ нихъ уцѣлѣли до временъ возвращенія Волыни подъ власть Россіи, но были проданы на сломъ въ то именно время, когда въ западно-русскихъ губерніяхъ предпринимались усиленныя заботы о возстановленіи православія [1]). Въ настоящее время въ Луцкѣ изъ

[1]) Подробнѣе объ этомъ сказано въ нашей статьѣ «Луцкая старина», помѣщенной въ V кн. «Чтеній въ историч. Обществѣ Нестора-лѣтописца».

монументальныхъ историческихъ памятниковъ, собственно говоря, только и сохранился полуразрушенный, но все еще величественный каменный замокъ, заложенный въ половинѣ XIV ст. удѣльнымъ волынскимъ княземъ Любартомъ Гедиминовичемъ и достроенный его преемниками Витовтомъ и Свидригайломъ. Этотъ пятивѣковый памятникъ южнорусскаго зодчества все еще противостоитъ разрушительному дѣйствію времени и рукъ человѣческихъ и служитъ живымъ свидѣтелемъ знаменательной исторической эпохи, когда Волынь, уже потерявшая князей изъ дома св. Владимира, все еще продолжала отстаивать свою политическую самостоятельность и ревностно боролась за неприкосновенность древнерусскихъ основъ своей государственной жизни.

Но рядомъ съ этой вѣковѣчной твердыней или, точнѣе, внутри ея, въ теченіе многихъ вѣковъ существовалъ и другой не менѣе цѣнный историческій памятникъ—каменная церковь Іоанна Богослова, каѳедральный храмъ бывшей луцкой епархіи, нѣкогда одна изъ главныхъ святынь Волынской земли. Многострадальная судьба этого храма тѣсно связана съ исторіей православія на Волыни и можетъ служить живою ея иллюстраціею. Когда-то храмъ этотъ былъ предметомъ благочестивыхъ заботъ и попеченій волынскихъ удѣльныхъ князей, русскихъ и даже литовскихъ, и вмѣстѣ ихъ усыпальницей; впослѣдствіи о немъ не переставали заботиться представители волынской знати, пока послѣдняя оставалась вѣрною православію; но съ половины XVI ст. для него наступаютъ бѣдственныя времена: его богатыя имѣнія и накопленныя вѣками сокровища служатъ приманкою для недостойныхъ архіереевъ, одинъ изъ которыхъ переходитъ въ унію: послѣ этого храмъ, вмѣстѣ съ каѳедрой, въ теченіе двухъ вѣковъ становится предметомъ ожесточенной борьбы между двумя исповѣданіями: имъ поперемѣнно овладѣваютъ то уніаты, то православные, но ни тѣ, ни другіе не заботятся о поддержаніи вѣковой святыни, доводятъ ее до послѣдней степени разрушенія, и въ моментъ присоединенія края она возвращается православнымъ въ видѣ недостроеннаго зданія, которое, простоявъ еще полвѣка въ запустѣніи, въ 1840 г. продается на сносъ въ качествѣ матеріала для

строившагося въ то время въ Луцкѣ военнаго госпиталя. Такъ окончательно исчезъ съ лица земли историческій храмъ, не оставивъ по себѣ даже развалинъ; а его фундаменты хотя и подверглись впослѣдствіи археологическимъ изслѣдованіямъ, но послѣднія были исполнены такъ неумѣло, что ничѣмъ не обогатили археологической науки.

Эту грустную повѣсть мы и хотѣли бы здѣсь припомнить, имѣя цѣлью сохранить по крайней мѣрѣ для исторіи память объ одной изъ древнѣйшихъ святынь Волынскихъ.

Луцкій замокъ и находившійся внутри его православный храмъ во имя Іоанна Богослова существовали задолго до временъ князя Любарта Гедиминовича, только первый былъ землянымъ, а второй деревяннымъ. Весьма вѣроятно, что это былъ первый христіанскій храмъ въ Луцкѣ. Когда въ XIII ст. учреждена была отдѣльная Луцкая епархія, замковая церковь сдѣлалась каѳедральною, что сразу же поставило ее въ ряду главныхъ святынь Волынской земли. Въ Ипатской лѣтописи есть упоминаніе, что на украшеніе этого храма благочестивый владимиро-волынскій князь Владимиръ Васильковичъ пожертвовалъ «крестъ великъ сребрянъ позлотистъ съ честнымъ древомъ» [1]). Здѣсь хоронились первые луцкіе епископы, здѣсь же была усыпальница и удѣльныхъ луцкихъ князей. Къ сожалѣнію, эта начальная эпоха въ исторіи Іоанно-Богословской церкви, по неимѣнію источниковъ, остается покрытой глубокимъ мракомъ, и потому нельзя точно отвѣтить на вопросъ: когда и кѣмъ въ луцкомъ замкѣ построенъ каменный храмъ въ то же имя? Акты конца XVI ст. неднократно упоминаютъ о томъ, что въ означенномъ храмѣ «тѣла змерлыхъ господарей християнскихъ, великихъ князей рускихъ, лежать и гробы ихъ суть» [2]). Основываясь на этихъ свидѣтельствахъ, можно бы полагать, что и самая церковь, хранившая въ своихъ склепахъ

---

[1]) Ипатская лѣтопись, 609. Замѣтимъ кстати, что это—первое по времени лѣтописное упоминаніе о луцкой «епископіи».

[2]) Архивъ Югозападной Россіи, часть, 1, т. 1, стр. 291, 321; Тамъ же, часть 1, т. 6, стр. 85.

гробницы древне-русскихъ князей, должна считаться постройкой великокняжеской эпохи. Но въ тѣхъ же актахъ находимъ свидѣтельство, что до 1585 года хранился подлинный «привилей головный великого князя Любарта на церковъ соборную святого Иоана Богослова, который тую церковъ соборную фундовалъ, где жъ и гробъ его въ той церкви и теперъ есть» [1]). Хотя терминъ «фундовать» не всегда означаетъ основаніе чего-либо вновь, нерѣдко же имъ обозначался вообще болѣе или менѣе значительный даръ, обезпечивавшій извѣстное учрежденіе, но въ данномъ случаѣ означенное выраженіе документа всѣми историками, русскими и польскими, понимается въ томъ смыслѣ, что князь Любартъ былъ не только благодѣтелемъ, но именно строителемъ каменнаго храма І. Богослова въ луцкомъ замкѣ. Конечно, вопросъ о времени постройки этого храма могъ бы быть рѣшенъ категорически учеными археологами, производившими въ 1855—56 гг. раскопки въ его подземельяхъ, если бы они обратили вниманіе на качество матеріала и способъ постройки, ибо въ вѣкъ Любарта размѣры и форма кирпичей, способъ кладки и т. под. были совсѣмъ не тѣ, что въ эпоху великокняжескую. Къ сожалѣнію, такая экспертиза не была произведена; ее легко, впрочемъ, произвести и въ настоящее время, такъ какъ фундаменты храма не исчезли и ничѣмъ не застроены. До тѣхъ же поръ можно считать правдоподобнымъ предположеніе, что князь Любартъ, расширившій укрѣпленія въ своемъ стольномъ городѣ и на мѣстѣ древняго земляного острога воздвигшій каменную твердыню по типу тогдашнихъ европейскихъ замковъ, построилъ и новый каменный храмъ Іоанна Богослова на мѣстѣ прежняго деревяннаго и при томъ такъ, что древнія княжескія гробницы остались неприкосновенными, почему онѣ и были у всѣхъ на виду еще въ XVI—XVII вв. Но нельзя ничего возразить и противъ другого предположенія, что каменный Іоанно-Богословскій храмъ могъ существовать и до Любарта.

Какъ бы то ни было, одно несомнѣнно, что князь Любартъ, въ обезпеченіе луцкаго замковаго храма и бывшей при немъ епи-

---

[1]) Тамъ же, часть 1, т. I, стр. 206—207.

скопской каѳедры, записалъ въ вѣчныя времена восемь селъ въ луцкомъ и острожскомъ повѣтахъ [1]). Даръ этотъ впослѣдствіи былъ значительно увеличенъ жалованной грамотой князя Свидригайла и дарственными записями благочестивыхъ «пановъ и князей» волынскихъ, такъ что въ XVI ст. луцкой епископіи принадлежали 4 мѣстечка и 34 села; изъ нихъ м. Хорлупъ, пожалованное Свидригайломъ, и м. Жабче были защищены укрѣпленными замками, съ пушками, гаковницами и другимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Подъ сводами того же соборнаго храма былъ похороненъ и его «фундаторъ», князь Любартъ Гедиминовичъ, «и гробъ его (говорится въ документѣ 1585 г.) въ той церкви и теперь есть» [2]). Тамъ же, вѣроятно, похороненъ и сынъ его Димитрій, служившій въ молодости при дворѣ византійскаго императора и вывезшій изъ Греціи часть животворящаго древа креста Господня и часть мощей великомуч. Пантелеимона; святыни эти болѣе двухсотъ лѣтъ послѣ того хранились въ Іоанно-Богословской церкви и лишь въ 1637 г. были похищены уніатами [3]).

Какой архитектурный видъ имѣла эта церковь въ первые вѣка ея существованія—объ этомъ нѣтъ указаній въ источникахъ; лишь судя по отдѣльнымъ документальнымъ указаніямъ болѣе поздней поры, именно конца XVI ст., можно заключать, что она была въ это время однокупольная, верхъ ея «бани» (главы) увѣнчанъ былъ позолоченнымъ крестомъ «зъ ланцухами» (съ цѣпями); высоко на стѣнѣ надъ входомъ на самомъ «мурѣ» (штукатуркѣ) «намалеванный» былъ образъ св. Іоанна Богослова. Внутри церковь имѣла, кромѣ главнаго алтаря, одинъ или два боковыхъ придѣла, а снаружи—два «притвора», или портика, настолько обширныхъ, что подъ ихъ сѣнью нерѣдко происходили, въ лѣтнее время, засѣданія гродскаго суда. Сверхъ того, съ восточной стороны церкви, за алтарною стѣною, былъ устроенъ деревянный

---

[1]) Его фундушевая запись (съ ошибочной датой) напечатана въ 6 томѣ 1-й части «Архива Югозап. Россіи», № 1.

[2]) Архивъ Югозап. Россіи, часть I, т. 1, стр. 207.

[3]) Архивъ Югозап. Россіи, часть II, т. 1, стр. 255.

«кганокъ (крыльцо) высокій, здавна збудованый, и черезъ него хоженье было сходами (по ступенямъ) до склеповъ епископскихъ», т. е. усыпальницы епископской. По всей вѣроятности, такой же ходъ, только внутри церкви, былъ устроенъ и къ усыпальницѣ великокняжеской: по крайней мѣрѣ, въ документахъ конца XVI и начала XVII ст. неоднократно упоминается, какъ о предметѣ всѣмъ вѣдомомъ, что «въ той церкви тѣла змерлыхъ господарей християнскихъ, великихъ князей рускихъ, лежать и гробы ихъ суть»; такое же упоминаніе встрѣчается и отдѣльно о гробницѣ князя Любарта. Къ восточной сторонѣ храма примыкалъ «дворъ епископскій», или «пляцъ владычній», пожалованный еще княземъ Любартомъ: въ немъ находилась деревянная «звонница зъ звонами» и такой же домъ для помѣщенія епископа и его клира. а къ этому двору съ восточной стороны примыкала угольная замковая башня, что надъ рч. Глушцемъ, издревле носившая названіе «владычней вежи», потому что содержать ее въ исправности обязаны были луцкіе «владыки» изъ доходовъ отъ церковныхъ имѣній.

Слѣдя за исторіей интересующаго насъ храма, мы видимъ, что въ XV—XVI ст. онъ пользовался значеніемъ краевой святыни и привлекалъ массу жертвованій. Знатные и богатые волынскіе князья и паны тѣхъ вѣковъ, еще далекіе отъ позднѣйшаго религіознаго вольномыслія и вѣроотступничества, усердно одаривали свой каѳедральный храмъ и землями, и деньгами, и цѣнною утварью. Тогда-то именно и образовались тѣ многочисленныя и богатыя земельныя владѣнія, какими славилась луцкая епископія. Но эти чрезмѣрныя богатства церковныя послужили не въ пользу, а во вредъ западно-русской церкви и ея святынямъ. Дѣло въ томъ. что, подъ вліяніемъ все болѣе тѣснаго сближенія Литовско-русскаго государства съ Польшею, завершившагося, наконецъ, и политическимъ ихъ объединеніемъ въ 1569 г., въ средѣ высшихъ сословій южно-русскаго общества все рѣзче обозначался процессъ отрѣшенія ихъ отъ началъ и преданій древнерусской жизни и усвоенія, вмѣстѣ съ польскою культурою, понятій, идеаловъ и формъ польско-шляхетской общественности.

Процессъ денаціонализаціи, какъ это всегда замѣчается въ исторіи, велъ за собою общій упадокъ личной и общественной нравственности, пренебреженіе къ завѣтамъ народности и вѣры и, взамѣнъ того, господство своекорыстныхъ стремленій и интересовъ. Всѣ эти печальныя перемѣны не могли не коснуться и западно-русской церковной іерархіи, которая въ то время преимущественно пополнялась представителями высшихъ свѣтскихъ сословій, вносившихъ и въ церковную сферу пороки и недостатки своей прежней среды—необузданное стремленіе къ наживѣ, къ роскоши, и неразборчивость въ средствахъ и способахъ къ достиженію этой цѣли. Охватившая въ то время свѣтскихъ пановъ погоня за «духовнымъ хлѣбомъ», т. е. епископіями и архимандріями, была вызвана не чѣмъ инымъ, какъ именно тѣмъ, что южнорусскія епархіи и большинство монастырей обладали весьма значительными имѣніями. Прежній путь къ достиженію высшихъ церковныхъ должностей—избраніе пасомыми для большинства искателей представлялъ много неудобствъ, и потому они предпочитали обращаться съ искательствомъ къ королю или къ вліятельнымъ придворнымъ лицамъ и тамъ выпрашивали или, чаще, покупали жалованныя грамоты на духовныя должности и затѣмъ сторицею вознаграждали себя за понесенныя при этомъ издержки. Документальная исторія XVI—XVII ст. переполнена краснорѣчивыми жалобами о томъ, что подобные недостойные пастыри хуже непріятелей разоряли церкви и монастыри, присваивали церковныя имѣнія, расхищали цѣнные предметы церковной утвари, «изъ крестовъ дѣлали себѣ поясы, ложки и сосуды злочестивые къ похотямъ своимъ справляли, изъ ризъ шили саяны (женское платье), изъ епитрахилей брамы (нашивки») и т. под. Изъ луцкихъ епископовъ рѣдкій не оказывался повиннымъ въ подобныхъ дѣлахъ, начиная съ Ѳеодосія Гулевича, который въ 1550-хъ годахъ разогналъ монаховъ луцкаго Васильевскаго монастыря, а его имѣнія—даръ князя Василька Романовича—раздалъ своимъ дѣтямъ. Наиболѣе печальную въ этомъ отношеніи память оставилъ по себѣ Іона Борзобогатый-Красенскій, до своего епископства

бывшій луцкимъ войтомъ и откупщикомъ королевскихъ таможенныхъ сборовъ на Волыни. Онъ безъ зазрѣнія грабилъ подвѣдомственныя ему церкви, епископское имѣніе Жабче отдалъ въ приданое за своею дочерью, замокъ Хорлупъ, пожалованный соборной церкви княземъ Свидригайломъ, промѣнялъ князьямъ Радзивиламъ па бѣдное сельцо Фалимичи, получивъ въ свою пользу полторы тысячи золотыхъ придачи, и т. под. Когда онъ умеръ (въ 1585 г.), его невѣстка и внуки дочиста ограбили луцкую соборную церковь: присвоили себѣ церковное серебро и ризницу, изъ образа Богородицы вынули большой драгоцѣнный камень, стоившій шестьсотъ талеровъ, и отправили въ Данцигъ для продажи, взяли большой золотой крестъ «роботы вельми коштовнои, везенои (вязью), съ каменемъ дорогимъ», евангеліе «вельми коштовное», на пергаментѣ писанное, съ фундушами древнихъ князей, и т. под.

Когда прибылъ въ Луцкъ новый епископъ, извѣстный Кириллъ Терлецкій, онъ нашелъ свою каѳедру въ опустошенномъ состояніи. Епископскій дворъ, въ замкѣ, былъ совершенно разоренъ, церковь ограблена, въ одномъ изъ ея придѣловъ нельзя было отправлять богослуженія, такъ какъ въ немъ сложено было сукно, присланное королемъ для жалованья козакамъ. Видя, что «церковь Божая требуетъ пилнои поправы», что въ ней «склепы и муръ опадаютъ», епископъ велѣлъ возить дерево, кирпичъ и другіе матеріалы, но луцкій староста Александръ Семашко, съ которымъ онъ былъ тогда въ ссорѣ, приказалъ не впускать подводчиковъ въ замокъ. Въ то же время онъ учинилъ и другую пакость епископу: въ страстную субботу и въ день Пасхи (въ 1591 г.) Семашко велѣлъ не пускать въ замокъ ни народа, ни соборнаго духовенства, почему въ эти дни въ каѳедральномъ храмѣ не было богослуженія, а епископъ оставался въ своемъ домѣ въ заключеніи, безъ пищи и безъ воды; самъ же староста, будучи навеселѣ, проводилъ время въ портикахъ соборной церкви, гдѣ заводилъ танцы и музыку и для развлеченія приказывалъ гайдукамъ стрѣлять въ куполъ и крестъ церковный; гайдуки, стрѣ-

ляя изъ ружей, отбили отъ креста цѣпи, повредили куполъ и образъ Іоанна Богослова на стѣнѣ церковной [1]).

Занятый борьбою за интересы церковной уніи, а равно и дѣломъ личнаго обогащенія, Кириллъ Терлецкій такъ и не собрался привести въ благолѣпный видъ свой каѳедральный храмъ. Лишь незадолго до смерти, въ 1604 г., онъ опять велѣлъ возить лѣсъ, намѣреваясь построить новую колокольню при соборной церкви; но староста Николай Семашко, съ которымъ онъ тоже жилъ не въ ладахъ, приказалъ своимъ слугамъ забрать свезенные брусья и употребить на топливо. По его же распоряженію, былъ разобранъ дочиста и сожженъ на его кухнѣ «кганокъ высокій» при церкви соборной, ведшій къ епископской усыпальницѣ [2]). Умирая, Терлецкій завѣщалъ похоронить его «въ церкви столечной луцкой св. Іоанна Богослова при гробехъ предковъ, владыкъ ихъ милостей луцкихъ» [3]).

Со времени Терлецкаго луцкая соборная церковь въ теченіе 40 лѣтъ становится каѳедрой уніатскихъ епископовъ. Это обстоятельство еще болѣе содѣйствовало ея упадку и обнищанію. Не надо забывать, что унія, по крайней мѣрѣ въ первое время послѣ ея введенія, находила сочувствіе среди весьма незначительной части южнорусскаго общества и была вводима мѣрами репрессивными, и потому масса уніатской паствы была таковой лишь по имени и, естественно, не несла своихъ лептъ на украшеніе чуждыхъ ей храмовъ. Кромѣ того, между представителями уніатской іерархіи еще чаще, чѣмъ между православными, встрѣчались такіе пастыри, которые преслѣдовали исключительно личныя выгоды и мало радѣли объ интересахъ церковныхъ, а въ томъ числѣ и о благолѣпіи храмовъ. Таковъ былъ самъ начинатель уніи Кир. Терлецкій, по смерти котораго «церковь соборная луцкая зостала барзо въ добрахъ и апаратахъ обнажена [4]); не

---

[1]) Архивъ Югозап. Россіи, часть I, т. 1, № 70.

[2]) Ibid. часть I, т. 6, стр. 347.

[3]) Виленскій Археограф. Сборникъ, т. I.

[4]) Актовая книга Кіев. Центр. Архива, № 2120, л. 162.

лучшимъ оказался и его преемникъ, луцкій уніатскій епископъ Евгеній Еловичъ-Малинскій, въ теченіе тринадцатилѣтняго правленія (1607—1620 гг.) ровно ничего не сдѣлавшій для своего каѳедральнаго храма и совершенно разорившій церковныя имѣнія. Наступившій по немъ Іеремія Почаповскій началъ съ того, что въ 1621 г. заложилъ три такихъ имѣнія съ цѣлью добыть средства для ремонта своей каѳедры, такъ какъ-де онъ «засталъ церковъ соборную одартую (ободранную), не побитую (лишенную кровли) и въ мурахъ нарушеную, и дворъ водле нее въ замку луцкомъ спустошеный и одартый, также и вески (села), до владыцтва луцкого належачые, спустошоные, быдла жадного а ни спряту (запасовъ) въ себѣ не маючые» [1]). Но, вѣроятно, добытая этимъ залогомъ сумма получила какое-то иное назначеніе, потому что въ 1625 г. Почаповскій снова занялъ крупную сумму подъ залогъ церковныхъ имѣній, мотивируя этотъ заемъ попрежнему: «бачачи (видя) церковъ соборную луцкую барзо въ мурахъ опалую и порысованую (въ трещинахъ), въ апараты (утварь) и въ охендозство (украшеніе) церковное барзо убогую, до того жъ при той же церкви соборной не маючи я, епископъ, слушного мешканя и овшемъ все будованье опалое и въ нивечъ погнилое, и хотечи до церкви апаратовъ и книгъ, съ которыхъ праве (почти) ничого по антецессоре моемъ не зостало, купити, церковъ менованую оправити и мешканья собѣ и на духовенство при ней побудовати, башту замковую въ дворѣ нашомъ при церкви соборной подмуровати, звонницу и паркапъ дворный ошарпаный оправити» [2]). Но и послѣ этого соборная церковь продолжала оставаться въ томъ же полуразрушенномъ видѣ. Когда въ 1629 году предположено было созвать въ Луцкѣ нѣчто въ родѣ собора для примиренія православныхъ съ уніатами, то кіевскій воевода князь Александръ Заславскій, недовольный выборомъ мѣста для собора, писалъ уніатскому митрополиту Рутскому, что въ Луцкѣ не найдется и подходящей церкви уніатской для соборныхъ засѣданій,

---

[1]) Актовая книга Кіев. Центр. Архива, № 2126, л. 679.

[2]) Такая же книга, № 2135, л. 427.

такъ какъ «замковая церковь совсѣмъ валится и самъ отецъ владыка (Почаповскій) не часто тамъ совершаетъ богослуженіе, боясь, чтобы его церковь не привалила, а между тѣмъ, имѣя такое богатое владыцтво, не поправляетъ ее» [2]. Правда, уніатскіе писатели XVII в. говорятъ въ похвалу Почаповскому, что онъ «украсилъ дорогими иконами замковую луцкую церковь, соорудилъ приличный епископскій дворъ въ замкѣ и имѣлъ намѣреніе перестроить и каменную церковь, для чего немало и кирпича было заготовлено» [1], но не осуществилъ этого намѣренія,—очевидно потому, что на избирательномъ сеймѣ 1632 г. было постановлено, чтобы луцкая епископія, вмѣстѣ съ каѳедрой и всѣми имѣніями, немедленно была возвращена вновь выбранному православному епископу Аѳанасію Пузынѣ, и лишь на коронаціонномъ сеймѣ этотъ пунктъ былъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, что Почаповскому дозволено было пожизненно удержать за собою эту каѳедру, а Пузынѣ предоставленъ былъ, въ качествѣ резиденціи, Жидичинскій монастырь.

Послѣ смерти Почаповскаго (въ 1637 г.), луцкая каѳедральная церковь была возвращена православнымъ, при чемъ сосѣдній уніатскій епископъ (владимирскій) Іосифъ Макосій-Баковецкій поспѣшилъ заблаговременно унести изъ нея все, что было цѣннаго: ризницу, утварь, «старожитные кресты и келихи» (чаши) и т. под.: тогда же были похищены отсюда часть животворящаго древа креста Господня и часть мощей св. мученика Пантелеимона, вывезенныя нѣкогда изъ Греціи княземъ Дмитріемъ Любартовичемъ. Православные настойчиво добивались возвращенія похищенной святыни, заявляли объ этомъ на сеймахъ, выхлопотали даже особый королевскій листъ къ Баковецкому съ приказаніемъ возвратить похищенное—и не добились ничего [3]. Куда исчезла впослѣдствіи означенная святыня—не извѣстно.

Изъ православныхъ епископовъ, занимавшихъ луцкую каѳедру съ 1637 по 1702 гг., лишь одинъ, именно Гедеонъ Четвер-

---

1) «Петръ Могила», С. Голубева, т. 1, Прилож., стр. 359.

2) Архивъ Югозап. Россіи, часть I, т. IX, стр. 370.

3) Архивъ Югозап. Россіи, часть II, т. 1, стр. 255.

тинскій обнаружилъ нѣкоторую заботливость о благолѣпіи соборнаго храма, который, видимо, находился уже въ состояніи полнаго разрушенія. Онъ задумалъ заново его перестроить, увеличивъ его размѣры, и съ этою цѣлью обратился въ 1680 году къ дворянамъ волынскаго воеводства, собравшимся на сеймикъ въ Луцкѣ, съ просьбою исходатайствовать королевское разрѣшеніе занять подъ церковь часть замковой площади, по пяти саженей въ длину и ширину, такъ какъ существовавшій храмъ былъ мало вмѣстителенъ. Сеймикъ съ полнымъ сочувствіемъ и одобреніемъ отнесся къ намѣренію епископа обновить соборный храмъ и поручилъ своимъ посламъ на предстоявшемъ варшавскомъ сеймѣ дѣятельно поддержать его ходатайство и добиться просимаго имъ разрѣшенія [1]). Но Четвертинскій не воспользовался этимъ разрѣшеніемъ, такъ какъ въ скоромъ времени послѣ того (въ 1684 г.) онъ малодушно оставилъ свою епархію на произволъ судьбы и уѣхалъ въ Батуринъ къ гетману Самойловичу, при чемъ, если вѣрить его противнику Іосифу Шумлянскому, «церковь соборную со всего аппарату (ризницы) содралъ, съ срѣберъ церковныхъ епископію луцкую обнажилъ и катедру тую въ нѣвечъ (ни во что) обернулъ» [2]). Въ Малороссіи Гедеонъ Четвертинскій породнился съ гетманомъ и занялъ въ Кіевѣ митрополичій престолъ, а покинутая имъ луцкая каѳедра сдѣлалась послѣ того предметомъ ожесточенной борьбы между православными и уніатами, пока въ началѣ XVIII ст. не перешла окончательно во власть уніатовъ.

Первой заботой новыхъ хозяевъ была починка каѳедральной церкви, представлявшей почти совершенную развалину. Это и сдѣлалъ первый изъ уніатскихъ епископовъ этой эпохи Іосифъ Выговскій, о которомъ польскіе историки говорятъ, что онъ «katedrę, swoją, z gruzow prawie dźwignął [3]). Вѣроятно, имъ же была построена, на мѣстѣ прежней деревянной, «высокая мурованная дзвоница», о которой упоминаетъ люстрація луцкаго ста-

[1]) Архивъ Югозап. Россіи, часть II, т. 2, стр. 404.
[2]) Архивъ Югозап. Россіи, часть I, т. 5, стр. 274.
[3]) Stecki, Łuck starożytny i dzisiejszy, стр. 138.

роства 1765 года. Въ 1776 г. уніатскій епископъ Сильвестръ Любенецкій-Рудницкій сломалъ церковь I. Богослова до основанія и на ея мѣстѣ заложилъ новую, каменную, бо́льшихъ, нежели прежняя, размѣровъ. Закладка новаго храма совершена въ сентябрѣ означеннаго года, но едва стѣны были выведены изъ фундаментовъ, какъ епископъ-строитель умеръ, а его преемникъ Кипріанъ Стецкій почему-то не продолжалъ постройки, богослуженіе же при немъ совершалось въ какой-то «каплицѣ», вѣроятно устроенной при архіерейскомъ домѣ. Случившійся въ сентябрѣ 1781 г. пожаръ въ замкѣ уничтожилъ до тла и эту каплицу со всѣми постройками на дворѣ епископскомъ [1]). Сгорѣли и лѣса при ново-строившемся храмѣ. Люстрація 1789 г. упоминаетъ о немъ въ такихъ выраженіяхъ: «na samym środku dzidzińca katedra ruska stawiać zaczęta, na łokci trzy od ziemi wyniesiona». Очевидно, что въ теченіе 12-ти лѣтъ, протекшихъ со дня смерти Сильвестра Рудницкаго, начатая имъ постройка каѳедральнаго храма не подвинулась ни на шагъ.

А спустя шесть лѣтъ послѣ этого Луцкъ, вмѣстѣ съ западною частью Волыни, былъ присоединенъ къ Россіи, и въ томъ же 1795 г. луцкая уніатская епархія объявлена была закрытою, какъ «ненужная», а всѣ многочисленныя, издревле ей принадлежавшія имѣнія—благочестивый даръ князей Любарта, Свидригайла, а можетъ быть, и болѣе раннихъ луцкихъ удѣльныхъ князей--отобраны въ казну и въ слѣдующемъ году пожалованы императрицей Екатериной генералъ-аншефу Пасѣкову. Теперь уже некому было не только достраивать древній Любартовскій храмъ, но и охранять его стѣны отъ разграбленія. Правда, въ то же время, съ преобразованіемъ Луцка въ уѣздный городъ, сюда былъ назначенъ православный соборный причтъ и въ его вѣдомство были переданы всѣ здѣшнія уніатскія церкви и въ ихъ числѣ недостроенная Іоанно-Богословская, но этотъ причтъ, вмѣстѣ съ

---

[1]) Подробную запись объ этомъ пожарѣ мы нашли въ метрической книгѣ 1781 г., хранящейся въ архивѣ луцкаго Братства.

вновь учрежденнымъ духовнымъ правленіемъ, поселился въ бывшемъ братскомъ монастырѣ, а въ верхнемъ замкѣ, на мѣстѣ древняго епископскаго двора и храма, водворилась мерзость запустѣнія. Посѣтившій Луцкъ въ 1816 г. извѣстный польскій ученый Юліанъ Нѣмцевичъ видѣлъ на мѣстѣ бывшаго Іоанно-Богословскаго храма лишь «ostatki murów». Въ 1840 г. и эти остатки были проданы на сносъ подрядчику, строившему въ то время въ Луцкѣ военный госпиталь.

Такъ исчезъ одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ Волыни, пятивѣковой свидѣтель ея кипучей исторической жизни и печальная жертва господствовавшихъ въ ней религіозно-общественныхъ нестроеній. Но на этомъ не конецъ нашей печальной повѣсти. Не стало историческаго храма, но оставались еще подземные его склепы, хранившіе въ своихъ нѣдрахъ древне-княжескія погребенія. Эти подземелья, вначалѣ превлекшія вниманіе непризванныхъ изыскателей, открывшихъ въ 1852 г. гробницу Кир. Терлецкаго [1]), впослѣдствіи заинтересовали присяжныхъ археологовъ и подверглись систематическимъ раскопкамъ. Объ этихъ раскопкахъ, равно и о послѣдующей случайной находкѣ въ развалинахъ бывшей Іоанно-Богословской церкви, мы имѣемъ возможность сообщить подробныя свѣдѣнія, заимствованныя изъ оффиціальной переписки того времени.

Въ 1855 году профессоръ Н. Д. Иванишевъ, основываясь на имъ же открытыхъ документальныхъ свидѣтельствахъ конца XVI ст. о томъ, что еще въ то время въ Іоанно-Богословской церкви существовали гробницы князя Любарта Гедиминовича и другихъ «змерлыхъ господарей християнскихъ, великихъ князей рускихъ», предложилъ кіевской Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ произвести археологическія изслѣдованія въ склепахъ означенной

[1]) Корреспонденція объ этомъ открытіи была помѣщена въ Dzienniku Warszawskim, 1852 г., № 337, но намъ не удалось отыскать въ Кіевѣ этой газеты.

церкви съ цѣлью открытія упомянутыхъ великокняжескихъ погребеній. Коммиссія поручила производство этихъ изслѣдованій самому Иванишеву, пріобрѣвшему уже въ то время громкую извѣстность опытнаго археолога, и ассигновала ему необходимыя средства. Прибывъ въ Луцкъ въ началѣ сентября 1855 г., Иванишевъ приступилъ къ раскопкамъ и «послѣ 16-ти дней работы открылъ склепъ съ нишами для гробницъ, примыкавшій къ восточной части церкви и окружавшій алтарную часть. Такъ какъ предстояло начать трудную и продолжительную работу очистки подземелья, чему много препятствовала наступившая осенняя погода, то работы эти отложены были до болѣе благопріятнаго времени» [1]). Такимъ образомъ первая попытка оказалась мало удачной: издержано было 470 р. и открытъ былъ всего лишь склепъ съ нишами для гробницъ,—очевидно тотъ самый, въ который безъ всякихъ раскопокъ давно уже проникали любопытные горожане и гдѣ ими была открыта (и вѣроятно, ограблена) гробница Кирилла Терлецкаго. Изъ краткаго отчета Иванишева не видно, что это былъ за склепъ и оказались ли въ его нишахъ хоть какіе-нибудь предметы. Судя по тому, что этотъ склепъ примыкалъ къ восточной сторонѣ церкви и находился внѣ ея стѣнъ, мы вправѣ полагать, что это была епископская усыпальница, о положеніи которой опредѣлительно говорится въ документѣ 1604 года: «кганокъ (крыльцо) высокій, который подле вежи владычнои мурованои [2]) у склеповъ епископскихъ здавна збудованъ и черезъ него хоженье (ходъ) было сходами до склеповъ» [3]). Въ этомъ именно епископскомъ склепѣ завѣщалъ похоронить себя и Кириллъ Терлецкій: но его гробницы уже не засталъ Иванишевъ, да и гробы позднѣйшихъ епископовъ были въ то время уже ограблены.

Въ августѣ слѣдующаго года, для продолженія начатыхъ изслѣдованій, на средства той же Коммиссіи командированъ былъ

[1]) Изъ подлиннаго отчета Иванишева.

[2]) Вежа (башня) владычняя находилась на востокъ отъ церкви, неподалеку отъ ея алтарной стѣны.

[3]) Архивъ Югозап. Россіи. часть 1, т. 6, стр. 347.

завѣдующій музеемъ изящныхъ искусствъ и древностей при кіевскомъ университетѣ Я. Волошинскій. Онъ началъ развѣдки съ того же склепа, который былъ открытъ Иванишевымъ. Очистивъ отъ мусора и камня существовавшіе въ подвальномъ этажѣ церкви проходы, онъ тщательно изслѣдовалъ устроенныя въ стѣнахъ ниши, но кромѣ множества человѣческихъ костей и остатковъ деревянныхъ гробовъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ и относящихся большею частью къ позднѣйшему времени, онъ не открылъ въ нихъ слѣдовъ древняго погребенія. Это обстоятельство заставило Волошинскаго направить развѣдки къ срединѣ церковныхъ развалинъ, для чего необходимо было выяснить планъ зданія, а это представляло немалый трудъ, такъ какъ древніе фундаменты перемѣшивались съ фундаментами позднѣйшей церкви, начатой постройкою въ 1776 г. и были засыпаны грузомъ при разборкѣ церковныхъ стѣнъ для постройки военнаго госпиталя. Когда были открыты древніе фундаменты съ сѣверной, восточной и южной сторонъ, Волошинскій перенесъ изслѣдованія въ южную часть развалинъ и, проникнувъ вглубь до самаго материка, въ средней части храма, подъ слоемъ насыпи толщиною въ $2^1/_2$ сажня, открылъ гробницу, «сложенную изъ кирпича и отличающуюся чистотою отдѣлки. При вскрытіи каменной плиты, составлявшей крышку гробницы, найденъ въ гробницѣ скелетъ, обращенный къ востоку, части котораго оказались въ правильномъ порядкѣ, обличающемъ христіанскій обрядъ погребенія. Слѣдовъ деревяннаго или иного какого-либо гроба, а также остатковъ одежды или другихъ какихъ-либо вещей въ гробницѣ не оказалось, за исключеніемъ немногихъ весьма мелкихъ кусковъ истлѣвшаго дерева, которыя (по предположенію Волошинскаго) составляли, вѣроятно, остатки деревяннаго крестика, находившагося въ рукахъ покойника». Открытіе этой гробницы давало поводъ думать, что вблизи ея находится общая великокняжеская усыпальница; но такъ какъ для дальнѣйшаго разрытія развалинъ надобно было предпринять работы въ гораздо большихъ размѣрахъ, для чего у Волошинскаго недоставало ни средствъ, ни времени, то онъ вынужденъ былъ отказаться отъ продолженія развѣдокъ и въ предупрежденіе

разрушенія открытой имъ гробницы отъ дождя и другихъ случайностей засыпалъ ее мусоромъ и землею, обозначивъ столбомъ мѣсто ея нахожденія. Во время означенныхъ изслѣдованій Волошинскій нашелъ также 30 экземпляровъ древнихъ монетъ (нѣмецкихъ и польско-литовскихъ), именно: 1 золотую, 24 серебряныхъ и 5 мѣдныхъ. Изъ этихъ монетъ по чрезвычайной ихъ рѣдкости особенно интересными оказались два такъ называемые литовскіе *полтораки* 1619 и 1620 годовъ [1]). Тогда же была найдена свинцовая дощечка, положенная при закладкѣ новой церкви въ 1776 г., съ обычною надписью, когда и при комъ «основася церковь сія каѳедральная въ мѣсто ветхія соборныя».

Чью гробницу открылъ Волошинскій,—осталось невыясненнымъ. По его собственному предположенію, отчасти раздѣляемому тогда и Иванишевымъ, гробница эта «можетъ быть, принадлежала великому князю Любарту» [2]). Впрочемъ, Иванишевъ скоро отказался отъ этого предположенія и рѣшительно заявлялъ, что въ развалинахъ луцкой церкви «ничего замѣчательнаго не отыскано» [3]). Намъ кажется, что Волошинскій искалъ княжеской усыпальницы не тамъ, гдѣ слѣдовало: судя по археологическимъ изслѣдованіямъ во многихъ древнихъ храмахъ, княжескія гробницы устраивались обыкновенно въ западной части храма, а Волошинскій искалъ ихъ въ южной. Затѣмъ, въ подобнаго рода изслѣдованіяхъ имѣютъ интересъ не одни погребенія; весьма важно было бы выяснить планъ древняго храма, его размѣры и расположеніе частей, точно указать качество и форму кирпичей, способъ кладки и т. под., тогда явилась бы возможность съ точностью опредѣлить, есть ли это постройка времени князя Любарта или, быть можетъ, ее слѣдуетъ отнести къ болѣе ранней эпохѣ. Къ сожа-

---

[1]) Донесенія Волошинскаго въ дѣлахъ Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ; здѣсь же и рисунокъ открытой имъ гробницы. О томъ же отчетъ проф. Иванишева, помѣщенный въ «Краткомъ Отчетѣ Импер. Ун-та св. Владимира» за 1857 годъ, стр. 14—17.

[2]) См. печатный отчетъ Иванишева въ университетскомъ отчетѣ.

[3]) Архивъ Югозап. Россіи, часть 1, т. 1, стр. 291.

ленію, судя по отчетамъ Иванишева и Волошинскаго, подобные вопросы какъ-будто ихъ вовсе не интересовали. Впрочемъ, самъ Волошинскій не считалъ раскопки оконченными и просилъ Коммиссію исходатайствовать у генералъ-губернатора распоряженіе о принятіи мѣстною полиціею мѣръ къ охранѣ открытыхъ остатковъ церкви и древней гробницы въ виду продолженія раскопокъ. Такое распоряженіе было исходатайствовано, но продолженія раскопокъ не послѣдовало. Можно быть увѣреннымъ въ томъ, что если бы и теперь были предприняты правильныя археологическія разысканія на мѣстѣ бывшей Іоанно-Богословской церкви, то они щедро вознаградили бы трудъ археолога не только въ смыслѣ теоретическихъ результатовъ, важныхъ для его науки, но и въ видѣ цѣнныхъ вещественныхъ находокъ. Нижеслѣдующій эпизодъ можетъ служить доказательствомъ того, что Иванишевъ и Волошинскій не только не изслѣдовали до конца бывшихъ въ древнемъ храмѣ подземныхъ склеповъ, засыпанныхъ при постройкѣ новой церкви въ XVIII ст., но они плохо изслѣдовали и тѣ епископскіе погребальные склепы, которые были устроены внѣ церкви и остались нетронутыми при ея перестройкѣ.

Въ октябрѣ 1859 года луцкій городничій донесъ генералъ-губернатору князю Васильчикову, что въ луцкомъ замкѣ, «гдѣ въ 1856 г. профессоромъ Иванишевымъ открыта гробница князя Любарта», солдаты мѣстной инвалидной команды, копая яму, нашли обломки какихъ-то золотыхъ вещей всего вѣсомъ въ 20 лотовъ. Вытребовавъ эту находку въ Кіевъ, кн. Васильчиковъ препроводилъ ее ректору университета Н. Х. Бунге съ предложеніемъ, «не признаетъ ли университетъ полезнымъ пріобрѣсти ее для своихъ коллекцій и какое въ такомъ случаѣ можетъ быть предложено вознагражденіе лицамъ, нашедшимъ означенное золото». Одновременно съ этимъ генералъ-губернаторъ предписалъ луцкому городничему строго наблюсти, чтобы то мѣсто, гдѣ найдено золото, никѣмъ не раскапывалось и вообще чтобы никто не дѣлалъ тамъ никакихъ поисковъ. Спустя полгода отъ университета былъ полученъ слѣдующій странный отвѣтъ: «Завѣдующій му-

зеемъ изящныхъ искусствъ и древностей въ Университетѣ св. Владиміра Волошинскій, на разсмотрѣніе котораго были переданы означенные золотые предметы, донесъ ректору, что несмотря на всѣ его частныя разысканія на счетъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ находку, онъ, Волошинскій, до сихъ поръ не могъ дойти въ этомъ случаѣ до вѣрныхъ результатовъ, безъ которыхъ пріобрѣтеніе этой находки будетъ безполезнымъ для университетскаго музея».

Между тѣмъ столь мучительно интересовавшія Волошинскаго «обстоятельства» сами собою выяснились въ слѣдующемъ письмѣ волынскаго епископа Антонія на имя кн. Васильчикова, отъ 9 декабря 1860 года: «Благочинный г. Луцка, протоіерей Исидоръ Метельскій [1]) донесъ епархіальному начальству, что въ луцкомъ замкѣ отъ незапамятныхъ временъ находился каменный православный каѳедральный соборъ, неизвѣстно когда и кѣмъ разрушенный (?), внутри и около котораго были погребены тѣла православныхъ христіанъ. Въ октябрѣ прошлаго 1859 г. солдаты луцкой инвалидной команды, копая на какую-то надобность яму за восточнымъ фундаментомъ церкви бывшаго собора [2]), попали на кирпичный довольно обширный гробъ и подъ стѣною гроба нашли полуковчежецъ изъ чистаго лучшаго золота и такую же золотую дощечку, всего вѣсомъ 20 лотовъ, съ изображеніемъ по концамъ ихъ крестовъ. Имѣя въ виду, что упомянутыя вещи и на основаніи 430 ст. X тома, части 1-й, и какъ имѣющія печать церковной собственности, должны принадлежать луцкой со-

---

[1]) Это былъ тоже своего рода археологъ, помогавшій Иванишеву и Волошинскому въ раскопкахъ развалинъ Іоанно-Богословской церкви, собравшій изъ актовыхъ книгъ фундуши всѣхъ древнихъ луцкихъ церквей и монастырей съ цѣлью возвращенія соборному причту нѣкогда принадлежавшихъ имъ земель и едвали не болѣе всего способствовавшій продажѣ на сломъ древнихъ храмовъ: Дмитріевскаго и Крестовоздвиженскаго братскаго.

[2]) Т. е. очевидно на мѣстѣ древняго епископскаго склепа, невполнѣ изслѣдованнаго кіевскими археологами въ 1855—56 г.

борной церкви, имѣю честь покорнѣйше просить ваше сіятельство сдѣлать распоряженіе о высылкѣ сихъ вещей ко мнѣ для учиненія за тѣмъ дальнѣйшаго распоряженія».

Князь Васильчиковъ отвѣтилъ преосвященному Антонію, что такъ какъ вещи найдены въ древнемъ луцкомъ замкѣ, въ которомъ хотя и находился нѣкогда православный храмъ, неизвѣстно когда и кѣмъ разрушенный, но въ настоящее время тамъ находятся помѣщенія, принадлежащія военному вѣдомству, нижними чинами котораго и найдены самыя вещи, то вопросъ о томъ, кому должна принадлежать эта находка или слѣдуемыя за оную деньги, будетъ подлежать судебному разрѣшенію; въ настоящее же время онъ призналъ нужнымъ отправить означенныя вещи министру императорскаго двора съ предложеніемъ, не будетъ ли признано полезнымъ пріобрѣсти ихъ для императорскаго Эрмитажа за соотвѣтственное вознагражденіе. И точно, вещи были отправлены въ Петербургъ, но въ мартѣ 1861 г. возвращены обратно при слѣдующемъ увѣдомленіи министра императорскаго двора Адлерберга: «Доставленные вашимъ с-ствомъ пять золотыхъ фрагментовъ я препровождалъ на заключеніе къ г. предсѣдателю императорской Археологической Коммиссіи графу Строгонову, который нынѣ увѣдомилъ меня, что фрагменты эти, судя по крестамъ, сдѣланнымъ на нихъ, и общей ихъ наружности, должны принадлежать къ церковнымъ окладамъ, а по формѣ крестовъ и рисунку травчатыхъ узоровъ относиться къ издѣліямъ греческой работы XII или даже XI вѣка; но вмѣстѣ съ тѣмъ, генералъ-адъютантъ графъ Строгоновъ не признаетъ ихъ заслуживающими пріобрѣтенія для Эрмитажа, какъ лишенные рѣшительно всякаго историческаго характера. Вполнѣ раздѣляя мнѣніе сіе, я имѣю честь возвратить къ вамъ означенные фрагменты».

Такимъ образомъ старанія князя Васильчикова сохранить для научнаго пользованія предметы глубокой древности не привели ни къ чему; несмотря на то, что эти предметы оказались произведеніемъ византійскаго искусства XII или даже XI вв. и отысканы въ развалинахъ древне-русскаго храма, ни кіевскій Университетъ, ни Археологическая Коммиссія не признали за

ними никакого «историческаго характера». Не зная, какъ далѣе распорядиться съ этими отвергнутыми древностями и, видимо, не желая передавать ихъ въ собственность луцкой соборной церкви, какъ того требовалъ волынскій преосвященный, князь Васильчиковъ отправилъ ихъ волынскому губернатору при письмѣ отъ 22 апрѣля 1861 г., въ которомъ, изложивъ вкратцѣ содержаніе всей переписки объ этихъ древностяхъ, просилъ губернатора «вопросъ о принадлежности означенныхъ золотыхъ вещей передать на рѣшеніе подлежащихъ судебныхъ мѣстъ съ тѣмъ, чтобы до окончательнаго рѣшенія онѣ никому выдаваемы не были». Какъ исполнилъ волынскій губернаторъ это порученіе и вообще какова была дальнѣйшая судьба этихъ злополучныхъ древностей, остается неизвѣстнымъ.

Ор. Левицкій.

Нѣсколько данныхъ о смерти и наслѣдствѣ Мазепы.

Легенды о мазепиномъ кладѣ и громадныхъ богатствахъ, оставленныхъ покойнымъ гетманомъ, возникли тотчасъ послѣ его смерти. Уже въ январѣ 1711 г. въ Вѣну сообщенъ слухъ изъ Крыма, что крымскіе, буджацкіе и ногайскіе татары двинулись по льду въ Украину въ сопровожденіи нѣсколькихъ шведовъ и козаковъ, которые знаютъ, гдѣ спряталъ умершій годъ тому назадъ Мазепа большія суммы денегъ [1]. Молдавскій вел. логоѳетъ Ник. Костинъ въ современной хроникѣ также передаетъ, что турки вѣрили слухамъ о сокровищахъ Мазепы [2]. Въ позднѣйшей письменности появились сказанія о баснословныхъ суммахъ, переданныхъ Мазепою Карлу XII еще до Полтавы, и о захватѣ шведскимъ королемъ части богатствъ гетмана въ Бендерахъ. За отсутствіемъ документальныхъ данныхъ (кромѣ позднѣйшаго показанія Войнаровскаго, которому нельзя безусловно довѣрять) [3], нелегко разобраться въ этихъ сказаніяхъ.

[1]) Eud. de Hurmuzaki. Documente privitóre la Istoria Românilor. Vol. VI, p. 631—донесеніе интернунція Тальмана 19 января 1711 г. имперскому военному совѣту.

[2]) Major M. Kogalnicean, Fragments tirés des chroniques Moldaves et Valaques, etc. (Jassi, 1845), II, 87—92. Ср. также «Кіевск. Стар.» 1885 г., VII, 503.

[3]) Н. Костомаровъ, Мазепа и мазепинцы, изд. 2, стр. 682.

Разслѣдованіемъ этого вопроса вынужденъ былъ заняться преемникъ Мазепы Филиппъ Орликъ, этотъ гетманъ-эмигрантъ, до самой смерти своей боровшійся съ денежными затрудненіями [1]. Послѣ бендерскаго погрома Орликъ удалился въ Христіанстадъ, и еще въ 1717 г. посылалъ Карлу XII и его чиновникамъ меморіалы по поводу наслѣдства Мазепы; такіе же меморіалы подавалъ онъ въ Стокгольмѣ въ 1719 и 1720 г.г., передъ отъѣздомъ въ Турцію. Обширная корреспонденція Орлика и его сподвижниковъ, сохранившаяся въ шведскомъ государственномъ архивѣ, содержитъ нѣсколько нелишенныхъ интереса документальныхъ указаній на обстоятельства кончины Мазепы и судьбу его богатствъ.

По неоднократнымъ заявленіямъ Орлика, связаннымъ съ этой тяжбой о наслѣдствѣ, онъ не желалъ и не добивался гетманства и принялъ на себя эту обузу лишь по настоятельному требованію Карла XII. Вскорѣ по прибытіи въ Бендеры гетманъ Мазепа далъ взаймы Карлу XII 60,000 талеровъ. Эти деньги не принадлежали Мазепѣ, а составляли козацкую войсковую казну. Рѣшеніе короля, что наслѣдникомъ имущества Мазепы долженъ считаться его племянникъ Войнаровскій, не касалось этой суммы. Такъ какъ эти 60,000 включены въ обязательство Войнаровскому, то ихъ надо выдѣлить и уплатить ему, Орлику, какъ преемнику Мазепы по гетманскому званію. Въ этомъ смыслѣ онъ дѣлалъ заявленія и Карлу XII въ своихъ меморіалахъ и особенно отъ 10 октября 1717 года, на которые не послѣдовало отрицательнаго отвѣта. На скорой уплатѣ долга онъ не настаиваетъ, откладывая его до своего отъѣзда изъ Стокгольма.—Кромѣ этихъ 60,000 талеровъ, Войнаровскій, по заявленію Орлика, захватилъ изъ войсковыхъ средствъ: 180,000 дукатовъ, болѣе чѣмъ на 200,000 риксдалеровъ войсковыхъ клейнодовъ, брильянтовый письменный приборъ цѣною въ 20,000 риксдалеровъ, усѣянную брильянтами саблю стоимостью до 10,000 риксдалеровъ, не считая

[1]) Уже въ ноябрѣ 1713 г., слѣдовательно, послѣ калабалика, онъ судился съ своими кредиторами у турецкаго кади въ Бендерахъ. Письмо Орлика 28 ноября 1713 года въ шведск. государств. архивѣ, *Cosacica*.

многихъ другихъ драгоцѣнностей. Тяжесть гетманства Войнаровскій свалилъ на него, Орлика, а войсковое добро забралъ себѣ. Кромѣ того, покойный Карлъ XII, когда крестилъ сына Орлика въ Бендерахъ, обѣщалъ подарить крестнику 20,000 риксдалеровъ, но и эта сумма не выплачена по недостатку средствъ. Еще въ Лундѣ покойный король вспомнилъ объ этомъ обѣщаніи, какъ удостовѣряетъ письмо Сольдана, королевскаго секретаря и оберъ-кригсъ-коммисара [1]).

Какъ должно думать, именно этому Густаву Сольдану, одному изъ ближайшихъ сотрудниковъ Карла XII во время его несчастнаго похода въ Украину, принадлежитъ хранящійся въ шведск. государств. архивѣ «Подробный отчетъ о смерти козацкаго гетмана Мазепы, а равно кто и какимъ образомъ распорядился имуществомъ Мазепы послѣ его смерти» [2]). Авторъ этого документа видимо не сочувствуетъ денежнымъ претензіямъ Орлика, относится къ нимъ критически, но съ чисто шведскою добросовѣстностью разсказываетъ все-таки какъ было дѣло. Документъ, къ сожалѣнію, не датированъ, но онъ, несомнѣнно, составленъ былъ по поводу требованій Орлика къ шведской казнѣ и вѣроятнѣе всего написанъ въ 1720 году, когда просьба Орлика была разрѣшена риксдагомъ.

Вотъ этотъ отчетъ въ переводѣ:

«Когда мы стояли въ Бендерахъ, козацкій гетманъ Мазепа впалъ въ смертельную болѣзнь, почему послалъ къ блаженной памяти корол. величеству и приказалъ просить, чтобы его величество командировалъ къ нему по случаю болѣзни вѣрнаго чело-

---

[1]) Extract des Feltherrn Orlichs unterth. supplique. Ibid., *Cosacica*. S. d. (вѣроятно, 1719 г.). Тотъ же мотивъ въ письмѣ 12 октября 1717 г. изъ Христіанстада (латин.), въ прошеніи на шведскомъ языкѣ королевѣ (s. d., вѣроятно, 1719 г.) и латинскомъ письмѣ по случаю смерти Карла XII (конецъ 1718 или начало 1719 г.). Ibid.

[2]) Ibid., Strödda handlingar rörande Kosakerna, 1654—1721, связка 2-я. Въ связкѣ 4-й находимъ именно донесеніе Густава Сольдана о расходахъ казны на содержаніе козаковъ, т. е. документъ, на который сдѣлана ссылка въ концѣ настоящаго «Подробнаго отчета».

вѣка, дабы послѣ его смерти имущество его въ золотѣ и драгоцѣнностяхъ, бывшее при немъ, не попало въ чужія руки. Вслѣдствіе этого блаж. памяти его корол. величество тотчасъ приказалъ мнѣ туда отправиться и тамъ при немъ оставаться. Когда я къ нему пришелъ, то засталъ его очень слабымъ; лишь только я вошелъ къ нему, онъ очень обрадовался моему приходу, потому что я могъ съ нимъ бесѣдовать, и онъ просилъ меня оставаться при немъ и имѣть надзоръ за его имуществомъ, находившимся въ его комнатѣ, особенно за шкатулкой и двумя четвертными боченками, которые были полны дукатовъ, и парой дорожныхъ мѣшковъ (Reittaschen) [1]), въ которыхъ находились всѣ его драгоцѣнности и большое количество золотыхъ медалей, каковые дорожные мѣшки лежали у него подъ головою, а боченки стояли передъ его постелью; онъ просилъ меня также, чтобы никто изъ его людей ничего не уносилъ или не бралъ изъ его комнаты. Племянника его г. Войнаровскаго нашелъ я въ томъ же домѣ сидящимъ отдѣльно въ другой комнатѣ; я сказалъ ему, что мнѣ приказано тамъ оставаться и беречь какъ гетмана, такъ и его вещи, что ему (Войнаровскому) также было пріятно. Черезъ два на третій день послѣ этого умеръ г. гетманъ ночью. Хозяинъ дома, турокъ, тотчасъ послалъ къ турецкому кади или судьѣ и приказалъ объявить объ этомъ судьѣ, послѣ чего въ тотъ же часъ явились отъ судьи 4 турка и все, чтó нашли въ комнатѣ Войнаровскаго, забрали и внесли въ комнату покойнаго Мазепы, въ которой онъ лежалъ, и дверь заперли и запечатали, говоря, что это дѣлается именемъ ихъ султана и что ихъ права и обычаи страны того требуютъ, послѣ чего я приложилъ и свою печать, но г. Войнаровскій этимъ сильно встревожился и волновался, что его вещи также опечатаны; однако, онъ долженъ былъ покориться этому, когда турки удостовѣрили ему, что какъ только найдется законный наслѣдникъ Мазепы, то они все вновь освободятъ».

«Когда насталъ день и открылись бендерскія ворота, я вышелъ изъ города въ нашъ лагерь къ блаж. памяти корол. вели-

[1]) Рѣчь идетъ, очевидно, о переметной двойной сумѣ.

честву и рапортовалъ о смерти Мазепы и объ опечатаніи всѣхъ его вещей турками, послѣ чего блаж. памяти корол. величество тотчасъ послалъ меня къ бендерскому пашѣ съ просьбою, чтобы паша немедленно далъ приказъ снять печати съ его (Мазепы) двери, потому что покойный Мазепа не только принадлежалъ къ свитѣ, но и находился подъ протекціей его величества: паша послалъ къ судьѣ, чтобы снять печати; когда это было сдѣлано, получилъ я приказъ отъ блаж. памяти корол. величества передать все г. Войнаровскому, который въ тотъ же день приказалъ все вынести въ свою квартиру, и такимъ образомъ г. Войнаровскій получилъ все въ полное свое распоряженіе».

«Когда же козацкая старшина замѣтила, что г. Войнаровскій стремился унаслѣдовать лишь деньги Мазепы, но не его должность, то между ними поднялся большой ропотъ, начали по этому поводу сильно жаловаться его кор. величеству, что, какъ они узнали, г. Войнаровскій вовсе не имѣетъ намѣренія наслѣдовать своему дядѣ по матери, умершему Мазепѣ; но какъ онъ присвоилъ себѣ не только всю казну Мазепы, но и всѣ войсковые клейноды и регаліи, которые съ давнихъ поръ принадлежатъ наслѣдующимъ гетманамъ, то если онъ не желаетъ быть гетманомъ вмѣсто покойнаго,—ему по праву не принадлежитъ ничего, ибо Мазепа не оставилъ завѣщанія и ничего ему не отказалъ. Вслѣдствіе этого блаженной памяти корол. величество приказалъ назначить разслѣдованіе, которое должно было все это разобрать. Въ названной коммисіи засѣдали слѣдующія лица, а именно г. генералъ Понятовскій, г. королевскій совѣтникъ фонъ Мюллернъ, г. камергеръ Клингенщерна и г. совѣтникъ канцеляріи фонъ Кохенъ. По разслѣдованіи вышелъ по этому дѣлу приговоръ, въ силу котораго все присуждено г. Войнаровскому, что́ видно обстоятельнѣе изъ рѣшенія, которое должно находиться въ канцеляріи. Однако козаки стояли на томъ, что Войнаровскій долженъ быть гетманомъ, ибо онъ не только правилъ ранѣе должность гетмана во время отсутствія Мазепы, но и забралъ себѣ казну прежняго гетмана; но въ этомъ козакамъ было отказано, и должность гетмана возложена на г. Орлика, который вначалѣ не со-

глашался принимать ее съ пустыми руками, но какъ блаж. памяти корол. величество крѣпко настаивалъ, то г. Орликъ вынужденъ былъ согласиться; при этомъ явился и г. Войнаровскій и обѣщалъ Орлику 3000 дукатовъ, если онъ согласится принять должность. Затѣмъ г. Орликъ былъ провозглашенъ гетманомъ, а г. Войнаровскій получилъ все, что́ Мазепа оставилъ въ золотѣ, драгоцѣнностяхъ и прочихъ вещахъ».

«Что́ затѣмъ произошло, о томъ лучше всего можетъ показать г. совѣтникъ канцеляріи фонъ Кохенъ. Насколько я могу припомнить и какъ я неоднократно слышалъ отъ г. Орлика, покойный Мазепа далъ въ Украинѣ 60.000 риксдалеровъ наличными двору его корол. величества и еще кому то, подъ вексель на Гамбургъ, каковые 60.000 ркд. были включены въ обязательство Войнаровскому, какъ частная собственность Мазепы; но вексель на Гамбургъ не былъ учтенъ, а г. Войнаровскій въ Бендерахъ при разслѣдованіи самъ получилъ и заявилъ, что всѣ дукаты, бывшіе въ наличности, принадлежали лично Мазепѣ, остальныя же серебряныя деньги и мелкая монета принадлежали войсковой кассѣ, и все это осталось подъ Полтавой; поэтому надлежитъ сказать, насколько мнѣ извѣстно, что эти 60.000 риксдалеровъ не составляли частной собственности Мазепы, но принадлежали козацкой войсковой кассѣ, ибо невдалекѣ отъ Полтавы его прев-ство покойный графъ Пиперъ посылалъ меня къ Мазепѣ спросить, не можетъ ли онъ дать нѣкоторую сумму подъ вексель на Гамбургъ; г. Мазепа сперва извинялся, что у него лично нѣтъ денегъ, но что онъ пошлетъ къ своей старшинѣ и будетъ убѣждать ее отпустить деньги изъ войсковой кассы подъ вексель; на слѣдующій день г. Мазепа послалъ за мною и далъ мнѣ отвѣтъ, что онъ убѣдилъ старшину выдать изъ ихъ войсковой кассы 60.000 ркд. мелкою монетою подъ вексель на Гамбургъ; насколько могу припомнить, г. генералъ-маіоръ Лагеркрона получилъ въ тотъ разъ изъ этихъ денегъ, такъ что покойный Мазепа имѣлъ одинъ вексель отъ его прев-ства покойнаго графа Пипера, а другой отъ г. генерала Лагеркрона, однако, я не могу этого сказать утвердительно, пока не справлюсь по этому вопросу въ королевской ка-

мерколлегіи. Если я не ошибаюсь, г. Мазепа получилъ за вышесказанные 60.000 ркд. наличными 40.000 ркд. *in banco* на Гамбургъ, такъ что эти занятыя въ Украинѣ деньги никоимъ образомъ нельзя разсматривать какъ частную собственность Мазепы, но какъ деньги изъ войсковой кассы; поэтому то и г. Орликъ какъ въ Лундѣ, такъ и тутъ въ Стокгольмѣ домогался этихъ 60.000 ркд., ибо они отнюдь не принадлежатъ г. Войнаровскому, но неправильно и по недосмотру включены въ его обязательство. Поэтому то и г. Орликъ незадолго передъ своимъ отъѣздомъ изъ Стокгольма заявилъ, что если ему за эти войсковыя деньги дадутъ 10.000 ркд., то онъ охотно поквитуетъ 60.000 ркд. И я думаю, что онъ и теперь еще охотно сдѣлалъ-бы это, но только господа козаки вмѣстѣ со своимъ новымъ гетманомъ стóятъ государству больше, чѣмъ въ пять разъ, этой суммы, какъ это видно изъ нашего бендерскаго коммисаріатскаго счета, который я представилъ въ здѣшнюю корол. камерколлегію; все это можно было бы сберечь, если бы г. Войнаровскій наслѣдовалъ (должность) своего дяди по матери: онъ могъ бы не только содержать себя, но и помогать другимъ козакамъ».

Изъ письма Орлика къ королю шведскому Фридриху, доложеннаго въ королевскомъ совѣтѣ 5 августа 1720 г., видно, что Орлику дѣйствительно назначено было риксдагомъ 10,000 ркд. вмѣсто 100,000, которыхъ домогался гетманъ in partibus, и онъ согласился на это назначеніе, прося лишь доплатить ему жалованье за двѣ трети и выдать вексель на Гамбургъ [1]). Въ Стокгольмѣ Орликъ задолжалъ 3848 ркд. Свита его въ Стокгольмѣ состояла въ 1719 г. изъ 8 душъ, которымъ платилось жалованья въ годъ 4072 талера [2]); семья гетмана была тоже не малая—

---

[1]) Ibid., связка 4-я: Kosakhetmanen Orliks skrifvelser till Kon. M. 1711—1722.

[2]) Ibid.: «Спецификація Оффицеровъ моихъ и провизіи ихъ якъ много хто зъ нихъ въ годъ беретъ: 1) Климентій Довгополый судіа енералный беретъ въ годъ талярей силберминцъ 672.—2) Федоръ Третякъ другій судіа—480.—3) Григорій Герцикъ Енералъ Адютантъ—672.—4) Федоръ Мировичъ Енералъ Адютантъ—672 (отѣхалъ).—5)

жена и семеро дѣтей. Немудрено, что при такихъ условіяхъ большая часть сохранившейся переписки Орлика посвящена просьбамъ о жалованьи, субсидіяхъ и нѣсколько запоздалымъ счетамъ съ Войнаровскимъ, которому, какъ извѣстно, тоже не принесло пользы наслѣдство Мазепы.

Изъ переписки Орлика узнаемъ еще одну маленькую подробность объ этомъ злосчастномъ наслѣдствѣ. Составленная въ Бендерахъ въ 1709 году коммиссія Понятовскаго, фонъ Мюллерна, Клингенштерна и фонъ Кохена, провѣряя права на деньги Мазепы, допрашивала небезызвѣстнаго Быстрицкаго, одного изъ дѣятельныхъ сподвижниковъ покойнаго гетмана. Онъ всецѣло высказался въ пользу Войнаровскаго. Послѣ калабалика и увоза Карла XII въ Демотику, Быстрицкій умеръ въ Бендерахъ. По словамъ Орлика, предъ смертью Быстрицкій прислалъ ему чрезъ своихъ духовника и сына нижеслѣдующее письмо на имя Карла XII [1]: «Наияснѣйшій король, государь всемилостивѣйшій. Не черезъ кого-либо другого потерялъ я жену, дѣтей и имущество, какъ только чрезъ блаженной памяти гетмана Мазепу, именно потому, что не измѣнилъ ему, когда дважды былъ посылаемъ съ письмами къ вашему свѣтл. кор. величеству и продолжалъ службу у Мазепы въ теченіи сорока лѣтъ. Теперь же его милость панъ Войнаровскій забылъ объ этомъ и только водитъ меня обѣщаніями, хотя моя жена была его родственницей, потому что Мазепа при-

---

Іванъ Герцикъ хорунжій енералный—576.—6) Афанасій Герцикъ бунчучный—400.—7) Федоръ Нахимовскій булавничій—400 (отѣхалъ).—8) Попъ Парфеній—200.—Summa 4072 талр.—Два зъ нихъ Федоръ Мировичъ енералъ адютантъ и Федоръ Нахимовскій булавничій отѣхали, безъ вѣдома моего, въ мѣсяцю прошломъ Септевріи, взявши свою провизію на двѣ чверти».

[1]) Ibid., связка 5-я—латинское письмо Орлика къ гофканцлеру фонъ-Мюллерну 12 окт. 1717 г. изъ Христіанстада. Письмо Быстрицкаго приложено въ латинскомъ переводѣ. Подлинникъ, если онъ существовалъ, а не придуманъ Орликомъ, былъ писанъ, очевидно, по-польски. Въ гос. архивѣ подлинника не сохранилось.

ходился ему дядей, а моя жена теткой его милости пану Войнаровскому, изъ дома Городыскихъ. Онъ обѣщалъ мнѣ сперва дать нѣсколько сотъ дукатовъ за то, что я помогъ ему овладѣть казной, когда показывалъ объ имуществѣ блаж. памяти гетмана Мазепы, свидѣтельствуя, что это не войсковая, но его частная казна. Если же сказать сущую правду, то самое вѣрное будетъ то, что Мазепа завладѣлъ сокровищами трехъ гетмановъ: перваго—гетмана Брюховецкаго, второго—гетмана Многогрѣшнаго, третьяго—гетмана Самуйловича и трехъ его сыновей—Симеона, Григорія, котораго царь казнилъ въ Сѣвскѣ, и Якова, который сосланъ въ Сибирь,—всѣхъ ихъ добро перешло къ Мазепѣ. Войсковыя же деньги отъ арендъ остались у Мазепы, а по смерти гетмана Мазепы его милость панъ Войнаровскій все это войсковое добро и войсковые клейноды забралъ, хотя ихъ съ собою не принесъ въ Украину блаж. памяти гетманъ Мазепа: ибо кошевой Сирко прислалъ его въ одномъ жалкомъ плащѣ (solum in una infimae sortis penula) къ гетману Самуйловичу въ Батуринъ; затѣмъ онъ былъ посланъ изъ Батурина въ Москву и по отъѣздѣ оттуда принятъ къ гетману Самуйловичу на дворскую услугу въ теченіи пятнадцати лѣтъ, затѣмъ назначенъ имъ въ генеральные асаулы, и эту должность правилъ шесть лѣтъ, а когда Самуйловичъ былъ сосланъ въ Сибирь, то Мазепа наслѣдовалъ его гетманское достоинство и присвоилъ себѣ всѣ эти сокровища войсковой казны».

Если это письмо и сочинено Орликомъ, то едва-ли можно сомнѣваться въ точности его показаній.

Оглянувшись на результаты шведской протекціи въ 1721 г., одинъ изъ мазепинцевъ Ѳедоръ Нахимовскій (булавничій въ штатѣ Орлика) писалъ своему гетману изъ Вроцлава такъ: ...«по совѣту жіонженція его милости Вишневецкаго, канцлера великого литовского, поихалемъ просто до его милости пана Понятовскаго для полученія вѣдомости о вашей вельможносты, але и тамъ не моглемъ довѣдатися о вашей вельможносты, радилъ мнѣ только его милость панъ Понятовскій, абымъ просто ихалъ до Дрезны до двору королевского величества полского, въ чомъ послѣдуючи совѣту его милости предсявзялемъ тую дорогу и прибувши тутъ

до Вроцлавя 10 сего мѣсяца Октоврія засталемъ фамѣлію вашой вельможносты въ кляшторѣ паненскомъ заключенную, на которую глядячи жаль и плачъ мене пронялъ, звлаща когда выдѣлемъ въ великой нищетѣ, въ которой если бы не помоществовалъ его милость панъ баронъ Менникъ, свойственный вашой вельможносты, то бы до тыхъ часъ зъ голоду поумѣрали, зъ ласки протекціи шведской»... «Якъ вижу, всѣ наши дѣла пошли въ руину, поневажъ прибывши тутъ до Вроцлавя извѣстилемся зъ публичныхъ газетъ, же Шведы надъ надѣю нашу поспѣшилися учинити покой зъ Москвою, а до того еще и войско запорожское зъ трактату екслюдовалы: такая то постоянная протекція шведская, такая вдячность, такая нагорода за вѣрніе войска запорожского службы, которое для шведовъ и сѣчь свою запорожскую съ такъ многими скарбами и екслендорами церковними и войсковими, отъ килка сотъ лѣтъ на мори и на земли отвагою своею набытими [1], и съ 700 арматами спѣжовими стратило, и блаженнія памяти короля его милость зъ пащеки непріятеля выррвавши въ цѣлости до Бендеру запровадило, и кровъ свою и на Украинѣ, и въ Волоской земли, и въ Полщи нещадно проливало, и такъ много товариства своего на розныхъ мѣсцахъ погубыло. *А за тое и*

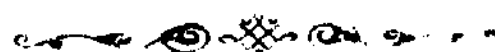
---

[1]) По поводу войсковыхъ клейнодовъ этихъ слѣдуетъ отмѣтить, что Карлъ XII въ началѣ 1712 г. чрезъ особаго гонца просилъ крымскаго хана Девлетъ Гирея отобрать отъ атамана Костя (Гордіенка) захваченныя имъ съ нѣсколькими, бѣжавшими съ нимъ, козаками «multa clenodia bellica». Ханъ, письмомъ отъ 1 реби-уль-евведя 1124 г. рѣшительно отказался вмѣшиваться въ эти козацкія дѣла. Письмо хана получено 28 марта 1712 г. *Шв. юс. арх.*, *Tatarica*, связка 2-я. Не лишено интереса, что тотъ же Гордіенко, письмомъ изъ лагеря при Конанкѣ 20 ноября 1709 г. (очевидно въ Бендеры), просилъ сообщить ему, «quale decreta in causa nostra (т. е. войска запорож.) cum magnifico d-no Woynarowski sperandum et quidquid ibi altissimis suis iudiciis constituent, significent et nobis. quoniam et nos non pro aliquo alio, solum modo pro Rossiaca patria et pro integritate S. R-ae M tis, sicut et *pie defuncti Ducis* (т. е. Мазепы) et vestrarum personarum impendemus curam» etc. *Шв. юс. арх.*, *Cosacica:* Strödda handlingar. Письмо въ копіи, быть можетъ, въ переводѣ.

гроши наши войсковіе побралы, и вельможность вашу отъ протекціи турецкой одорвавши праве усиловне до Швеціи запровадили, где якъ вельможность вашу и насъ по смерти блаженнія памяти короля его милости трактовано—и непріятелеви своему такового трактаменту незичилъ бымъ. Наконецъ уже хотячи насъ и интересъ нашъ до крайней препровадити руини, въ той часъ, когда треба было, вельможносты вашой зъ Швеціи не отпущали, але черезъ полтора рока даремне удержуючи и черезъ килка кварталовъ жадной провѣзіи не даючи, тогда уже вельможность вашу отпустили, когда трактовати зъ Москвою замышляли. а ще найгоршая, и въ суспѣцію шалбѣрства и обманничества передъ ханомъ и передъ войскомъ запорожскимъ вельможность вашу подали, поневажъ вельможность ваша листами своими и хана, и войско упевнялесь, же вцѣле шведы будутъ войну континовати: и не дивно, бо и вельможность ваша былесь при отпуску своемъ тымъ упевненный. А еслибъ вельможность вашу того времены, якъ въ Штоколмѣ старалесся о отпускѣ. заразъ отпущено, неудержуючи черезъ полтора року надаремне, то бы певне и для нихъ, и для насъ дешевный бы москаль былъ, звлаща когда еще въ той часъ Москва и покою вѣчного зъ Портою не чинила, а и теперь вся орда въ готовносты была бы за позволенемъ Порты. Богъ имъ нехай за ихъ правду и за такъ многіе ассекураціи воздастъ» [1])...

Одиннадцать лѣтъ ранѣе этого письма Орликъ, заключая въ Бендерахъ pacta conventa съ Карломъ XII, проводилъ параллель между этимъ безнадежнымъ шагомъ и политикой Б. Хмельницкаго и Карла X Густава: дистанція огромнаго размѣра!

Н. Молчановскій.

[1]) Изъ подл. письма Нахимовскаго 11 окт. 1721 г. *Шв. гос. арх.*, *Cosacica*, т. I.—Fälther. o. underfälther. skrifvelser, 1655—1721.

Къ вопросу объ экономическомъ изслѣдованіи юго-западнаго края.

(«Труды Общества изслѣдователей Волыни», т. I., Житоміръ 1902 г.).

Изъ библіографической замѣтки г. О. Л. въ предыдущемъ нумерѣ нашего журнала о «Трудахъ Общества изслѣдователей Волыни» читатель уже познакомился отчасти съ первыми работами этого симпатичнаго общества, возникшаго недавно въ г. Житомирѣ. Стремясь возможно полнѣе обнять всѣ задачи дѣятельности Общества, намѣченныя его уставомъ, Общество разбилось на четыре секціи, изъ которыхъ каждая уже успѣла проявить себя тѣмъ или инымъ образомъ.

Секція экономическая въ первомъ же засѣданіи поставила на очередь «изслѣдованіе частновладѣльческаго и крестьянскаго землевладѣнія и хозяйства на Волыни» и ко второму засѣданію, при посредствѣ спеціально избранной для этой цѣли коммиссіи, выработала уже и «вопросную» программу для собиранія свѣдѣній этого рода.

Вопросъ этотъ—высокой важности. Нашъ край настолько не изслѣдованъ въ экономическомъ отношеніи, потребность въ подобномъ изслѣдованіи настолько настоятельна, что вопросъ о сплошномъ экономическомъ изслѣдованіи края, какъ извѣстно, ставился на очередь уже въ административныхъ его сферахъ [1],

---

[1]) См. мою статью «Нужды статистики въ юго-западн. краѣ», «Кіевск. Стар.» 1898 г. № 11.

лѣтъ приблизительно еще 8—9 тому назадъ. Не дождавшійся осуществленія предполагавшагося въ то время общаго экономическаго изслѣдованія края, лишенный земства, которое одно только и могло бы приступить къ общей организаціи такого изслѣдованія, край нашъ можетъ въ этомъ отношеніи надѣяться только на починъ и энергію такого рода обществъ, какъ только что огра-организовавшееся Общество изслѣдователей Волыни или бывшій Отдѣлъ Географическаго Общества въ Кіевѣ. Сплоченными, умѣло сьорганизованными силами спеціалистовъ и людей, интересующихся вопросами этого рода, при умѣлой постановкѣ дѣла, можно сдѣлать весьма много для познанія жизни края въ экономическомъ отношеніи.

Вотъ почему нельзя не привѣтствовать отъ всей души приведенное выше рѣшеніе Волынскаго Общества относительно экономическаго изслѣдованія подлежащаго его вѣдѣнію района. И нельзя не пожелать въ то же время, чтобы подобныя общества съ такими же цѣлями и столь же широко и разносторонне разработаннымъ уставомъ сьорганизовались бы и въ другихъ частяхъ юго-западнаго края. Казалось бы, что въ частности въ самомъ г. Кіевѣ, этомъ умственномъ центрѣ края, этомъ средоточіи ученыхъ спеціалистовъ всѣхъ отраслей знанія, учрежденіе подобнаго общества было бы особенно умѣстно и, что Кіевское «общество изслѣдователей», какъ располагающее наибольшимъ запасомъ рабочихъ силъ и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи, могло бы даже брать, въ случаѣ надобности, на себя иниціативу и руководство дѣятельностью разбросанныхъ по краю мѣстныхъ «обществъ изслѣдователей» края...

Своевременность и важность постановки вопроса объ экономическомъ изслѣдованіи юго-зап. края невольно побуждаютъ, въ виду принятаго уже Волынскимъ Обществомъ рѣшенія, посвятить этому вопросу нѣсколько словъ съ цѣлью высказать нѣкоторыя соображенія о томъ, *что* и *какъ* могутъ сдѣлать подобныя «общества изслѣдователей въ этомъ отношеніи и *чего* можно ожидать отъ нихъ и чего нельзя. Попробуемъ освѣтить эти вопросы на конкретномъ примѣрѣ, т. е. путемъ подробнаго разсмо-

тренія техъ задачъ и той программы, которыя поставило себе и выработало Волынское Общество.

Само собою понятно, что вопросъ объ экономическомъ изследованіи края, да еще такого, какъ Волынь, отличающаяся обширностью и чрезвычайнымъ разнообразіемъ местныхъ условій—вопросъ весьма сложный, трудно осуществимый и требующій предварительной всесторонней и обстоятельной разработки. Изъ напечатаннаго въ «Трудахъ» очерка занятій экономической секціи Волынскаго общества, представляющаго по своему изложенію не то краткій сводъ ея занятій, не то рядъ не одинаково подробно сделанныхъ выдержекъ изъ протоколовъ, къ сожаленію, совершенно не видно, обсуждался ли секціею вопросъ о томъ, *какъ* будетъ производиться предполагаемое изследованіе, и потому на этотъ счетъ приходится ограничиться догадками. Выходитъ, что секція какъ будто бы даже и не обсуждала вопроса о самой организаціи изследованія, а прямо приступила къ выработке «вопросной программы для собиранія сведеній», при чемъ эта выработка свелась къ составленію одной только подворной карточки. Небезъинтересно отметить при этомъ, что, едва успевъ поставить на очередь вопросъ объ экономическомъ изследованіи Волыни, секція увлеклась вопросами о разработке базальтовыхъ месторожденій и проведенія железнодорожной линіи Жлобинъ—Житоміръ—Одесса и за оживленными преніями (по поводу, главнымъ образомъ, последняго вопроса [1]), не только не догадалась обсудить вопроса объ организаціи изследованія, но даже не заметила того, что встала въ полное противоречіе сама съ собою. Дело въ томъ, что какъ разъ передъ решеніемъ вопроса объ экономическомъ изследованіи края, въ той же секціи состоялось решеніе возбудить передъ правительствомъ ходатайство «о позволеніи воспользоваться вторыми бланками переписи 1897 года». Необходимость этого ходатайства мотивировалась темъ, что «получивши ихъ въ свое распоряженіе, Общество будетъ обладать такъ называемымъ *основ-*

[1]) въ которомъ все оказались компетентными безъ всякаго предварительнаго изследованія.

нымъ фактическимъ матеріаломъ *безъ котораго невозможно никакое статистическое изслѣдованіе количественнаго и профессіональнаго состава населенія»* [1]). Казалось бы, что разъ такое ходатайство возбуждается и имѣется надежда, что «основной» матеріалъ «безъ котораго невозможно никакое» изслѣдованіе, поступить въ распоряженіе общества, то нѣтъ и надобности въ производствѣ вторичной подворной переписи населенія. Однако, вмѣсто того, чтобы приступить къ выработкѣ такихъ программъ экономическаго изслѣдованія, которыя бы *только дополняли* этотъ «основной» матеріалъ, имѣющій поступить въ распоряженіе Общества, секція занялась выработкой программы *подворной* карточки, т. е. программы того именно «изслѣдованія количественнаго и профессіональнаго состава населенія», матеріалъ по которому и такъ долженъ поступить въ распоряженіе секціи въ случаѣ удовлетворенія ходатайства. Иное дѣло, если его не удовлетворятъ,—тогда, конечно, сталъ бы на очередь и вопросъ о производствѣ самостоятельной переписи населенія; но пока ходатайство еще только возбуждается и есть надежда на его удовлетвореніе, зачѣмъ было тратить время на обсужденіе программы подворной переписи, которая, можетъ быть, будетъ совершенно не нужна? А затѣмъ другой вопросъ—какъ предполагала секція осуществить эту подворную перепись по выработанной ею карточкѣ силами «Общества изслѣдователей Волыни»? Думала ли она, что это совсѣмъ легко—стоитъ только выработать подходящую программу; задавалась ли она самымъ простымъ и неизбѣжнымъ вопросомъ о томъ, сколько людей и сколько денегъ нужно для того, чтобы произвести это изслѣдованіе и гдѣ найдутся эти люди и эти деньги? Вѣдь для одной только разработки уже готоваго матеріала переписи 1897 г. секція рѣшила просить о денежномъ правительственномъ пособіи (безъ опредѣленія суммы необходимой ей для этой цѣли !?). Почему же секція предполагала, что новую подворную перепись населенія по ея гораздо болѣе обширной подворной карточкѣ, чѣмъ при переписи 1897 г., можно произвести безъ денежныхъ

---

1) Курсивъ нашъ.

затратъ и не вдаваясь въ обсужденіе вопроса о томъ, какъ и какими силами будетъ произведена такая перепись?

Секціи, конечно, было не безъизвѣстно, что для переписи 1897 г. потребовался огромный персоналъ счетчиковъ, привлеченныхъ къ этому дѣлу частію денежнымъ вознагражденіемъ, частію обѣщаніемъ «нагрудныхъ знаковъ отличій»—медалей, что предварительно производства переписи персоналъ этотъ былъ такъ или иначе подготовляемъ къ данной работѣ и что въ концѣ концовъ (какъ это видно изъ отзывовъ въ литературѣ) собранный статистическій матеріалъ оказался все-таки съ немалыми дефектами. Въ земскихъ статистическихъ бюро, какъ, можетъ быть, тоже не безъизвѣстно секціи, подворныя переписи давали меньшее количество дефектовъ и болѣе благопріятные, въ смыслѣ точности и полноты данныхъ, результаты, благодаря тому, что производились людьми подготовленными, специализировавшимися на этой работѣ. Но вслѣдствіе невозможности имѣть достаточное число такихъ подготовленныхъ работниковъ и значительности расходовъ на единовременное производство переписи населенія всей губерніи, такія переписи никогда не производились земствомъ разомъ для всей губерніи, а велись постепенно изъ года въ годъ, послѣдовательно переходя изъ волости въ волость, изъ уѣзда въ уѣздъ.

Уже одно постановленіе секціи о необходимости полученія ссуды на разработку матеріаловъ переписи 1897 г. указываетъ съ несомнѣнностью на крайнюю незначительность средствъ, которыми она располагаетъ (уясняя вмѣстѣ съ тѣмъ и то обстоятельство, что у нея не было бы средствъ также и для разработки матеріаловъ, собранныхъ по выработанной ею подворной карточкѣ). Слѣдовательно, вырабатывая новую карточку, секція не могла, вѣрнѣе сказать, не должна была, не имѣла никакихъ основаній надѣяться осуществить сплошную перепись населенія по новой своей программѣ. Если она надѣялась, можетъ быть, на добровольныхъ корреспондентовъ изъ жителей деревни, способныхъ откликнуться на призывъ Общества изъ одного только интереса къ дѣлу, то это была напрасная надежда уже потому, что для сплошной переписи населенія всей губерніи нужно было найти въ каждомъ

мелкомъ районѣ такихъ людей именно столько, сколько было бы нужно для производства переписи сплошь, безъ всякихъ пропусковъ. Опытъ переписи 1897 г., когда трудно было найти вполнѣ удовлетворительныхъ счетчиковъ и за деньги и за обѣщаніе наградъ и при возможности покрытія расходовъ по разъѣздамъ и т. п. только подтверждаетъ это. Перепись же съ пропусками цѣлыхъ селеній и волостей за неимѣніемъ въ нихъ добровольцевъ-любителей статистики, т. е. перепись случайно выхваченныхъ селеній, переписанныхъ только потому что именно въ нихъ и только въ нихъ нашлись такіе добровольцы, не имѣла бы по всей вѣроятности никакого ни научнаго, ни практическаго значенія.

При такомъ недостаткѣ средствъ и силъ, какой, очевидно, имѣетъ мѣсто въ «Обществѣ изслѣдователей Волыни», Обществу этому доступна была бы, по нашему мнѣнію, только подворная перепись *отдѣльныхъ типичныхъ* или наоборотъ представляющихъ какія либо *особенности* мѣстностей или населенныхъ пунктовъ. Намѣтивъ послѣдовательно цѣлый рядъ типичныхъ въ томъ или другомъ отношеніи районовъ въ предѣлахъ изслѣдуемой губерніи, Общество могло бы силами своихъ съорганизовавшихся для этой цѣли компетентныхъ сочленовъ производить въ намѣченныя мѣстности экскурсіи съ цѣлями переписи и опроса населенія, привлекая къ этому дѣлу, въ цѣляхъ увеличенія своего рабочаго персонала, и живущихъ на мѣстѣ добровольцевъ-любителей статистики, болѣе интеллигентныхъ народныхъ учителей и т. п. Такимъ путемъ могли бы быть изслѣдованы—и сравнительно весьма детально изслѣдованы—не только тѣ или иныя типичныя мѣстности, но также и тѣ или иныя наиболѣе выдающіяся занятія населенія,—его наиболѣе распространенные и важные промыслы или отдѣльныя отрасли сельскохозяйственной дѣятельности населенія (напр., скотоводство въ полѣсскихъ мѣстностяхъ, значеніе свекловичнаго производства для помѣстнаго и крестьянскаго землевладѣнія, лѣсной промыселъ, различные кустарные промыслы и т. п.). Изслѣдовавъ болѣе подробно два—три правильно избранныхъ типичныхъ района и обстоятельно разработавъ собранный матеріалъ, Общество уже располагало бы довольно цѣн-

ными данными для сужденія объ экономическихъ условіяхъ жизни цѣлой полосы губерніи, находящейся въ однородныхъ съ ними условіяхъ и имѣло бы возможность дѣлать о ней тѣ или иные, болѣе или менѣе обоснованные выводы и заключенія, которыхъ не могутъ дать разрозненныя данныя переписи случайно переписанныхъ случайными людьми отдѣльныхъ селеній. Словомъ, при данныхъ условіяхъ недостатка рабочихъ силъ и денежныхъ средствъ и впредь до ихъ накопленія, «Общества изслѣдователей» могутъ осуществлять только анкетныя изслѣдованія, только монографическія работы экономическаго характера. Сплошное же собираніе свѣдѣній чрезъ живущихъ на мѣстахъ добровольныхъ корреспондентовъ, путемъ разсылки имъ вопросныхъ программъ, осуществимо лишь по отношенію къ *отдѣльнымъ* отраслямъ текущей экономической жизни, легко поддающимся при томъ непосредственному ихъ наблюденію (напр., сообщеніе свѣдѣній о цѣнахъ на рабочія руки въ каждый періодъ сельскохозяйственнаго года, о цѣнахъ продуктовъ и т. п. данныхъ текущей сельскохозяйственной статистики).

Но и при собираніи отъ нихъ такого рода свѣдѣній поставленные программою вопросы должны быть редактируемы кратко, ясно и точно, а сама программа должна сопровождаться надлежащею *инструкціею*, разъясняющею способы и пріемы собиранія требуемыхъ свѣдѣній, значеніе и пониманіе поставленныхъ въ программѣ вопросовъ и пр. Нечего и говорить, что подобныя требованія тѣмъ болѣе приложимы къ программѣ переписи населенія—къ подворно-переписной карточкѣ. Между тѣмъ въ данномъ случаѣ весьма сложная карточка, выработанная секціею, имѣвшею основаніе расчитывать только на такихъ исполнителей переписи, какъ живущіе на мѣстахъ случайные добровольцы, въ большинствѣ не знакомые съ переписнымъ дѣломъ, не снабжена никакою объясняющею и руководящею инструкціею и сама составлена далеко не удачно.

Извиненіемъ секціи въ этомъ отношеніи служитъ, конечно, новизна дѣла и трудность составленія такой программы. «Всякій, кто хоть сколько нибудь соприкасался съ практическою стати-

стикою—говоритъ проф. А. Ф. Фортунатовъ [1]), хорошо знаетъ, какъ трудно составить порядочную статистическую программу». Но въ распоряженіи секціи была полная возможность испытать эту программу на дѣлѣ, на какомъ-нибудь хоть самомъ небольшомъ, хотя бы на удачу выбранномъ, селеніи, чтобы убѣдиться съ степени пригодности ея къ дѣлу. «Передъ составленіемъ программы всегда полезно произвести нѣкоторое придварительное наблюденіе, хотя бы по немногимъ рубрикамъ и на небольшомъ районѣ» [2]). Нѣкоторые опытные статистики, говоритъ далѣе проф. Фортунатовъ [3])—берутся распознать кабинетную программу отъ обстрѣленной на практикѣ; дѣйствительно, практика изслѣдованія всегда вызываетъ измѣненіе въ программѣ и нерѣдко это измѣненіе бываетъ сокращеніемъ прежде существовавшей программы».

На случай, что «Общество изслѣдователей Волыни» пожелаетъ все таки использовать выработанную секціею карточку подворной переписи, мы прежде всего и рекомендуемъ ему сократить эту программу. Изъ нее надо совершенно выкинуть всѣ бюджетные вопросы, стремящіеся выяснить доходы и расходы (между прочимъ «на книги, *газеты, зрѣлища»!)* крестьянской семьи, такъ какъ при сплошной подворной переписи на такіе вопросы получаются часто весьма вздорные отвѣты. Бюджеты крестьянскихъ семей практичнѣе составлять для *типичныхъ* (богатыхъ, среднихъ, бѣдныхъ и т. д.) семей въ обстоятельной бесѣдѣ съ отдѣльными болѣе толковыми, разсудительными, уяснившими смыслъ и цѣль собиранія этихъ свѣдѣній и довѣрчиво относящимся къ этому дѣлу домохозяевами. Затѣмъ надлежитъ совершенно выкинуть безполезно занимающіе очень много мѣста и «щекотливые» вопросы объ урожаѣ (только даннаго при томъ года) разныхъ хлѣбовъ («посѣяно» и «собрано» льна, гороха, гречихи и пр. и пр.), по которымъ при сплошномъ опросѣ также большею частію

---

[1]) «Сельскохозяйств. статистика Евр. Россіи». М. 1893 г. стр. 20.

[2]) Тамъ же, стр. 20.

[3]) Тамъ же, стр. 21.

даются вздорныя свѣдѣнія и которые должны быть выясняемы обстоятельнымъ разспросомъ наиболѣе толковыхъ и довѣрчивыхъ хозяевъ о среднихъ урожаяхъ главнѣйшихъ хлѣбовъ на крестьянскихъ земляхъ и заносимы не въ подворную карточку, а особо. Съ выключеніемъ только что названныхъ вопросовъ карточка несомнѣнно сразу уменьшится до размѣра четверти листа и такимъ образомъ объемъ ея сдѣлатся удобнымъ для подсчета (пересчета числа карточекъ по соотвѣтствующимъ рубрикамъ), тогда какъ теперешній ея видъ «простыни» для такого подсчета весьма неудобенъ; а это тоже весьма важно, потому что облегчаетъ и ускоряетъ подсчетъ. Выше перечисленными вопросами не исчерпываются, однако, всѣ тѣ вопросы, которые, не подлежа подворной записи, могутъ и должны быть исключены изъ карточки какъ подлежащіе выясненію въ общей бесѣдѣ со всѣми хозяевами и относимы въ рубрику вопросовъ общаго описанія селенія (такъ наз. въ земской статистикѣ «поселенный» или «пообщинный» бланкъ). Къ числу такихъ вопросовъ долженъ быть отнесенъ, напр., и вопросъ о томъ, «не имѣетъ ли крестьянинъ посѣва травъ» и «какъ ими пользуется» и вообще всѣ вопросы относящіеся къ рѣдко встрѣчающимся въ опрашиваемыхъ домохозяйствахъ явленіямъ, такъ какъ подобные вопросы легче и проще выяснить при составленіи общаго описаніи селенія (поселеннаго бланка). Само собою понятно также, что излишни всѣ графы или вопросы программы, повторяющіе вопросы уже включенные въ другія графы; напр., противъ графы (занимающей, надо сказать, чрезмѣрно большой объемъ), требующей отвѣта, изъ какихъ лицъ состоитъ семья, т. е. отмѣтокъ «хозяинъ», «жена», «сынъ» и т. д. безполезно уже ставить графу съ требованіемъ отмѣтить (женскій или мужеской) полъ хозяина, жены, сына и т. д. Необходимо также, чтобы чертежъ каждой графы соотвѣтствовалъ предполагаемому объему отвѣта на поставленный въ ней вопросъ. Напр., для отвѣта на вопросъ «чѣмъ заняты» имѣющіяся у хозяина избы, если у него ихъ нѣсколько, достаточнаго мѣста въ карточкѣ не оставлено и потому отвѣтить на вопросъ будетъ негдѣ; точно также негдѣ отвѣтить и на вопросъ о длинѣ и ширинѣ («аршинъ»)

каждой изъ избъ, если ихъ нѣсколько, или хотя бы только двѣ, такъ какъ графы устроены только для отвѣта по отношенію къ одной избѣ.

Какъ уже сказано выше, вопросы программы должны быть ясно и точно формулированы. «Понятіе объ изслѣдуемомъ предметѣ,—говоритъ проф. Фортунатовъ [1]) должно быть непремѣнно установлено съ возможною точностью, какъ бы просто ни казалось съ виду наименованіе предмета; напр., надо въ хозяйственно-статистическихъ программахъ разъяснять не только, что такое «*селеніе*», но и что такое «*лошадь*», т. е. переписываются ли всѣ лошади отъ момента рожденія, или сосуны не включаются въ регистрацію». Въ разсматриваемой карточкѣ какъ разъ есть графы: «лошадей» и «жеребятъ», но должны ли входить въ число жеребятъ и сосуны неизвѣстно, вслѣдствіе чего, въ свѣдѣнія по этой карточкѣ одни счетчики включали бы въ перепись и сосуновъ, а другіе вносили бы только однихъ «жеребятъ», за исключеніемъ сосуновъ, и данныя о лошадяхъ оказались бы такимъ образомъ, даже безъ вѣдома самой секціи, по разнымъ карточкамъ несравнимыми. Еще менѣе точно формулированъ въ карточкѣ вопросъ: «доходъ съ лошадей», имѣющій объяснительный подзаголовокъ, изложенный словами: «навозъ (сколько лошадей)»— нужно ли тутъ опредѣлить количество получаемаго навоза, или опять повторить цифру имѣющагося количества лошадей (дающихъ навозъ?), или же надобно проставить цифру дохода отъ извоза на этихъ лошадяхъ и т. п.—неизвѣстно! Не менѣе необъяснимо повтореніе вопросовъ программы относительно наемныхъ рабочихъ: сначала требуется помѣстить ихъ въ перечень членовъ семьи съ отмѣткою «особенностей: слѣпъ, глухъ и т. п.», а затѣмъ отдѣльно задается вопросъ «сколько лѣтнихъ рабочихъ». Спрашивается: надо ли въ первомъ случаѣ помѣщать только годовыхъ, мѣсячныхъ и зимнихъ рабочихъ, но безъ лѣтнихъ рабочихъ, или же всѣхъ вмѣстѣ, проставляя въ послѣднемъ случаѣ только итогъ поименованныхъ уже тамъ лѣтнихъ рабочихъ. И спрашивается также, почему считается болѣе важнымъ видѣлить цыфру лѣтнихъ ра-

[1]) Тамъ же, стр. 21.

бочихъ, а не годовыхъ, напримѣръ? Неточность и неясность формулировки вопросовъ сказывается и въ помянутыхъ графахъ объ урожаѣ: требуется, чтобы «все показать въ пудахъ или другихъ общеупотребительныхъ *на Волыни* мѣрахъ». Очевидно въ данномъ случаѣ предполагалось дать счетчикамъ просторъ въ показаніи урожаевъ въ тѣхъ именно мѣрахъ, которыя общеупотребительны не на Волыни вообще, а именно въ *данной* мѣстности: требованіе же предъявлено относительно такихъ мѣръ, которыя «*общеупотребительны на Волыни*», что и можетъ поставить въ тупикъ счетчика, не посвященнаго въ намѣреніе составителей программы и понимающаго или старающагося понимать смыслъ задаваемыхъ вопросовъ буквально.

Все это указываетъ на безусловную «кабинетность» выработанной программы. На это же указываютъ и нѣкоторые существенные пропуски, допущенные въ ней. Еслибы составители попробовали, ради испытанія, примѣнить ее къ дѣлу, то, вѣроятно не преминули бы, вовремя перваго же пробнаго опроса крестьянъ, натолкнуться и на возможность владѣнія крестьянами купленными землями: вопросъ объ арендуемой землѣ они включить не забыли, а о купленой нигдѣ вопроса не задали вовсе!

Не снабдивъ подворную карточку инструкціею, секція забыла и о необходимости составленія программы поселеннаго бланка, т. е. описанія каждаго населеннаго пункта по вопросамъ общаго характера, не подлежащимъ подворному опросу, но служащимъ къ уясненію общихъ экономическихъ условій жизни населеннаго пункта. Благодаря этому, задавшись цѣлью изученія «аграрнаго вопроса» во всей его широтѣ, съ «изслѣдованіемъ помѣщичьяго и крестьянскаго землевладѣнія и вообще положенія земледѣльческаго класса на Волыни», секція вынуждена была оставить безъ вниманія всѣ вопросы о формахъ землевладѣнія и землепользованія, объ условіяхъ найма въ земледѣльческія работы, объ условіяхъ земледѣльческаго хозяйства: способахъ обработки земли и ухода за сельскохозяйственными растеніями, удобреніи, сѣвооборотахъ и пр. и пр. А между тѣмъ, собираніе свѣдѣній по такого рода поселенной программѣ возможно было

бы осуществить для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ типичныхъ или чѣмъ-либо выдающихся мѣстностей или селеній силами секціи, даже и при условіи невозможности производства общей подворной переписи населенія. Между тѣмъ собранныя по такой программѣ данныя могли бы дать много полезнаго матеріала для характеристики того же «аграрнаго вопроса».

Было бы безполезно вдаваться въ еще болѣе подробное разсмотрѣніе выработанной секціею программы, кабинетность и непригодность которой къ дѣлу достаточно выяснилась изъ предыдущаго. Очевидно, ее надобно въ корнѣ передѣлать или, прямо говоря, составить вновь, присоединивъ къ ней программу поселеннаго обслѣдованія, а къ обѣимъ этимъ программамъ подробную инструкцію о порядкѣ собиранія требуемыхъ свѣдѣній, способахъ и пріемахъ опроса, съ поясненіемъ значенія и объема каждаго вопроса программъ, пріемовъ и способовъ записей отвѣтовъ на поставленные въ этихъ программахъ вопросы.

Думается, что указанные выше дефекты выработанной программы, зависѣли, главнымъ образомъ, отъ того, что люди, взявшіеся за ея составленіе, не имѣя надлежащей въ этомъ отношеніи подготовки, были знакомы съ даннымъ вопросомъ только теоретически. Нѣтъ сомнѣнія, что при (весьма желательномъ, повторяемъ) возникновеніи однородныхъ «обществъ изслѣдователей» и въ другихъ мѣстностяхъ края, подобные же факты могутъ имѣть мѣсто и въ другихъ обществахъ. Единственнымъ исходомъ изъ такого положенія дѣла является, по нашему мнѣнію, привлеченіе, хотя бы только къ первоначальной постановкѣ дѣла, компетентныхъ, свѣдущихъ людей, спеціалистовъ, хорошо знакомыхъ съ дѣломъ изслѣдованія не только теоретически, но и практически. Дѣло экономическаго изслѣдованія—дѣло настолько важное и сложное, что для постановки его далеко недостаточно одного добраго и искренняго желанія его осуществить при наличности только диллетантскаго съ нимъ знакомства. Пусть этимъ задлится его осуществленіе, пусть даже, можетъ быть, до нѣкоторой степени увеличатся этимъ расходы на данное предпріятіе, но за то оно будетъ поставлено обдуманно, гарантировано отъ серіоз-

ныхъ неудачъ и обезпечено отъ полученія неумѣло и неполно собранныхъ, недостовѣрныхъ, вздорныхъ свѣдѣній, выводы изъ которыхъ не будутъ соотвѣтствовать дѣйствительности и представятъ экономическое положеніе изслѣдованныхъ мѣстностей въ невѣрномъ, ложномъ свѣтѣ. При невозможности же привлечь такое вполнѣ компетентное лицо остается приниматься только за такія изслѣдованія или работы, полное и теоретическое и практическое знакомство съ которыми самихъ членовъ «общества изслѣдователей» не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Пусть это были бы сравнительно незначительныя работы, захватывающія лишь нѣкоторыя стороны экономической жизни и далеко не въ томъ объемѣ, какой былъ бы осуществимъ при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, все таки онѣ дали бы извѣстные результаты, какихъ не получишь тогда, когда берешься за малознакомую и непосильную работу.

Л. Личковъ.

А. Е. Крымскій, какъ украинскій писатель.[1]

Съ внѣшней стороны біографія А. Е. Крымскаго—это біографія кабинетнаго ученаго.

Онъ родился 3 января 1871 г. во Владимірѣ Волынскомъ въ небогатой семьѣ уѣзднаго учителя исторіи (потомка татарскаго выходца изъ Крыма), среднее образованіе закончилъ въ 1889 г. въ Кіевѣ, въ Коллегіи Павла Галагана, гдѣ на выработку его научныхъ интересовъ въ области украинской филологіи и его эстетическихъ вкусовъ имѣлъ большое вліяніе П. И. Житецкій, извѣстный филологъ и историкъ литературы; въ 1892 г. онъ окончилъ спеціальные классы Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ въ Москвѣ, а въ 1896 г.—историко-филологическій фа-

---

[1]) Произведенія украинскихъ писателей, особенно новѣйшаго періода, изданныя большею частью за границей, а также и критическіе разборы этихъ произведеній, появлявшіеся и появляющіеся въ галицкихъ изданіяхъ, остаются почти совершенно неизвѣстными для широкихъ круговъ нашей читающей публики. Чтобы хотя отчасти восполнить указанный пробѣлъ, Редакція предполагаетъ въ настоящемъ году дать рядъ литературныхъ очерковъ и характеристикъ, посвященныхъ преимущественно дѣятелямъ новѣйшаго періода (съ 70-хъ годовъ) украинской литературы, наименѣе у насъ извѣстнаго. Предлагаемая вниманію читалелей въ этой книжкѣ статья о литературной дѣятельности А. Е. Крымскаго, какъ украинскаго писателя, и представляетъ собою первый изъ такихъ очерковъ. *Ред.*

культетъ Московскаго университета, послѣ чего два года (1896—1898) провелъ въ Сиріи, куда былъ командированъ для подготовленія къ профессурѣ по арабской словесности. Возвратясь, онъ съ 1898 г. читалъ лекціи въ Лазаревскомъ институтѣ, профессоромъ котораго, по арабской словесности и исторіи мусульманскаго востока, онъ состоитъ и въ настоящее время, ведя крайне замкнутую жизнь въ своемъ ученомъ кабинетѣ.

По своей спеціальности А. Е. Крымскимъ изданъ уже рядъ работъ на русскомъ языкѣ [1]). Кромѣ того, онъ участвовалъ или участвуетъ на украинскомъ или русскомъ языкѣ своими научными, беллетристическими и поэтическми работами въ журналахъ: «Правда», «Народ», «Зоря», «Жите і слово», «Літературно-науковий Вістник», «Дзвінок», «Зеркало», «Кіевская Старина», »Этнографическое Обозрѣніе», »Труды Этнографическаго Отдѣла» и др. Кромѣ многочисленныхъ рецензій и замѣтокъ, помѣщенныхъ въ названныхъ органахъ и относящихся къ украинскимъ филологіи, фольклору и литературѣ, г. Крымскимъ напечатаны еще слѣдующія работы, касающіяся украинскаго языка: «Наша языкова скрута и спосибъ зарадыты лыхови» (Зоря, 1891, 472)—статья по поводу возникшаго въ 1891 г. въ украин-

[1]) Ограничиваемся ихъ перечисленіемъ, такъ какъ онѣ не входятъ въ кругъ нашего обзора. Литографически изданы курсы лекцій: «Изъ арабской словесности», «Исторія сасанидскаго Ирана» и «Старѣйшая исторія ислама», «Исторія халифата», „Исторія Персіи, ея литературы и дервишской философіи“, «Лекціи по исторіи семитскихъ языковъ», «Лекціи по корану»; напечатаны: «Очеркъ развитія суфизма до конца III вѣка Гижры» (1895), „Мусульманство и его будущность“ (М., 1899), «Исторія мусульманства» (М., 1903, 2 чч.), „Семитскіе языки“ (М., 1903) и цѣлый рядъ меньшихъ работъ, опубликованныхъ г. Крымскимъ въ качествѣ редактора или сотрудника большей части изданій Лазаревскаго института, сотрудника (а теперь редактора) „Восточныхъ Древностей“ и «Энциклопедическаго Словаря» Брокгауза и Ефрона (по отдѣлу мусульманской исторіи и литературы—около 200 статей); кромѣ того, г. Крымскій пишетъ по-арабски въ бейрутскомъ журналѣ «аль-Машрикъ». Онъ состоитъ секретаремъ Восточной Коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

скихъ журналахъ спора о языкѣ галицкихъ поэтовъ, въ которой основательно указывается на необходимость составленія возможно-полнаго украинскаго словаря, съ обозначеніемъ широты распространенія каждаго слова въ народномъ и литературномъ языкѣ,—только такой словарь далъ бы необходимый матеріалъ для сужденій о языкѣ украинской литературы; того-же вопроса касаются и статьи: «Ще про «обцерусске единство языкове» (Буковына, 1882, № 4) и «Про нашу литературну мову» (Литературно-Науковый Вистнык, 1901, № X); «Филологія и Погодинская гипотеза» [1])—обширная работа, разсматривающая съ филологической точки зрѣнія извѣстную Погодинскую мысль, защищавшуюся одно время и г. Соболевскимъ, о несуществованіи малорусскаго племени на кіевскомъ югѣ въ дотатарскій періодъ,—къ сожалѣнію, работа не окончена въ печати; «О малорусскихъ отглагольныхъ существительныхъ на *енне* и *інне*—въ «Юбилейномъ Сборникѣ въ честь В. Ѳ. Миллера» (1900).

Старой и новой украинской литературы и фольклора касаются статьи: «Іоаннъ Вышенскій, его жизнь и сочиненія» (Кіев. Стар. 1895 и отдѣльно)—разборъ диссертаціи г. Франко о Вышенскомъ: «Къ вопросу о старинныхъ малорусскихъ религіозныхъ сказаніяхъ» (ib., 1896, X)—указаніе источниковъ для нихъ, сдѣланное по поводу статьи проф. Сумцова на ту-же тему [2]); «Михаилъ Петровичъ Драгомановъ» («Этнографич. Обозрѣніе», 1895, кн. XXVII)—обширный некрологъ; «Мыхайло Комаръ» (Зоря, 1896, 358)—литературная характеристика извѣстнаго украинскаго литератора и редактора русско-украинскаго словаря; вступительныя статьи ко II, III и V томамъ «Творів Степана Руданського», изданнымъ (Льв., 1896, 1901) подъ прекрасной редакціей самого-же проф. Крымскаго [3]); «Чому Олекса Стороженко кынувъ пысаты по укра-

---

[1]) Кіевская Старина, 1898, VI, IX; 1899, I, VI, IX.

[2]) Въ VIII т. «Сборника Харьковскаго Историко-филолог. Общества».

[3]) Въ V томѣ помѣщена также статья г. Крымскаго о поддѣльныхъ памятникахъ чешской старины («Краледворской рукописи» и др).

инськы?» (Л. Н. Вистныкъ, 1901, V); «Иванъ Франко»—обстоятельная статья въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза и Ефрона (71-й полутомъ). Слѣдуетъ еще отмѣтить разборъ книги г. И. Стешенка о Котляревскомъ: полный разборъ былъ награжденъ золотой медалью отъ Академіи Наукъ, а часть его напечатана въ «Этнографическомъ Обозрѣніи» (1901, кн. L). Старой малорусской литературы касается и обзоръ состава Румянцевскаго музея въ Москвѣ: «Про Румянцивськый музей у Москви» (Жытє и слово, 1894, т. I и II, 402 и 265).

Кромѣ того, г. Крымскимъ издана еще книга: «В. А. Клоустонъ. Народни казкы та выгадкы, ихъ вандривкы та перемины. Зъ англійской мовы переложывъ А. Крымськый» (Льв., 1896). Это не полный переводъ двухтомной работы Клоустона (Popular tales and fictions, their migrations and transformations), а сборникъ, составленный изъ перевода «Introduction» помянутой работы и главы оттуда-же: «Арабська повисть про Антара»; къ этому прибавлены переводы г. Франка египетской сказки о двухъ братьяхъ и статей о ней Ж. Масперо и Э. Коскена, и все снабжено пояснительными замѣчаніями г. Крымскаго. Книга является цѣннымъ пособіемъ для начинающаго фольклориста.

Обширная эрудиція автора и умѣнье его просто и интересно писать даже о наиболѣе спеціальныхъ и сухихъ предметахъ являются особенностями какъ названныхъ статей, такъ и тѣхъ разбросанныхъ по различнымъ изданіямъ замѣтокъ и научныхъ и литературныхъ рецензій, перечисленіе которыхъ заняло бы слишкомъ много мѣста [1]). Но, кромѣ того, во всемъ этомъ выражена

---

[1]) Перечень его научныхъ трудовъ напечатанъ проф. А. С. Хахановымъ въ „Тридцатилѣтіи Спеціальныхъ классовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ" (М., 1902). Въ украинскихъ журналахъ г. Крымскимъ напечатаны рецензіи и критическіе разборы отдѣльныхъ работъ: Галипа, Гринченка, Заренка, Кобылянской, Осадчаго, Павлика, Тихонравова и Миллера, Тобилевича, Франка, Янчука, Ястребова и др.; также обзоры московской лубочной литературы, относящейся къ Украинѣ: «Украинсько-руськи выдання московськыхъ лубочныкивъ» (Зоря, 1890, 335) и „Лубочна украинська литература"

ярко еще одна характерная черта автора, уже отмѣченная критикой [1]) и проявляющаяся во всемъ, что-бы ни писалъ онъ—въ научныхъ статьяхъ, разсказахъ, стихотвореніяхъ (за исключеніемъ, впрочемъ, лекцій для студентовъ),—это проявленіе индивидуальности автора—впечатлительной, нервной, способной къ горячимъ порывамъ чувства и въ то-же время постоянно стремящейся къ искреннему и объективному раскрытію истины, какъ она представляется автору. Съ точки зрѣнія, требующей отъ ученаго безстрастно-спокойнаго отношенія къ излагаемымъ фактамъ, это, вѣроятно, недостатокъ, но за то—это въ сильнѣйшей степени приближаетъ читателя къ автору, а потому и усиливаетъ вліяніе прочитаннаго.

Но переходимъ къ разскамъ г. Крымскаго. Ихъ немного. всего девять, собранныхъ въ томикѣ: «Повистки и ескизы зъ украинського жыття» [2]).

За исключеніемъ одного разсказа, содержаніе всѣхъ остальныхъ почти цѣликомъ посвящено изображенію жизни образованнныхъ слоевъ общества.

Сильно занимаетъ автора вопросъ объ отношеніяхъ между «старшими» (родителями, учителями) и «младшими» (дѣти, школьная молодежъ). Онъ возмущается, въ разсказѣ «Батькивске право», родителями, не признающими въ дитяти *человѣка*, имѣющаго право на свои собственныя мысли и чувства, и топчущими нравственное *я* ребенка по «праву» своей родительской власти.

—«Отъ учора»,—разсказываетъ кухарка о своей маленькой, только что избитой ею, дочери,—«узяла за щось суперечытысь зо мною: я—слово, вона—дви,—зовсимъ мене забелькотала.—

(ib, 1892, 340, 361). Подъ его-же редакціей издано для народа московскимъ лубочникомъ Губановымъ нѣсколько вещей Г. Квитки.

[1]) И. Франко, Наша поезыя въ 1901 роци. II. (Л. Н. Вистныкъ, 1902, № II, 115).

[2]) Коломыя и Львивъ 1895. Въ 1902 г. три разсказа изъ этого томика изданы въ Москвѣ подъ заглавіемъ: „Изъ повистокъ и ескизивъ".

«Яке ты маешъ право, зийдытелько, усе казать и робыть въ су-коръ? Щобъ ты прыймомъ пропала!» кажу: «чы не тямышъ, що я твоя маты»?—«То що зъ того? Колы жъ на цей разъ *моя* правда!»—«Але я маты! Ты не сміешъ проты матери кырпу гнуты, хырюща дивчыно»!—«Чому?»—пыта вона... «Чому жъ, колы вы маты, я мусю геть въ усёму васъ слухать»? Я зновъ вызвирылась на неи: «Якъ то—чому? Та я жъ тебе зродыла на свитъ! Я тебе годую!»—«Дуже я васъ прохала, щобъ вы мене на свитъ порожалы! Може, воно було-бы й гарнійшъ, якъ бы що я зовсимъ не родылася. А самы породылы, то мусыте й годуваты» (3).

И удивительно, какъ сходится нравственное пониманіе этой «некультурной» Горпыны съ пониманіемъ тѣхъ-же вопросовъ «культурнымъ» господиномъ Ручицкимъ!

«А породылы, то й годуваты мусыте»,—згадалася ёму мова Настунина...—Не мусю! не мусю!—люто подумавъ винъ,—не мусю!! Якъ що я дитьмы опикуюся, то це тилькы моя *ласка!* и воны повынни цинуваты цю ласку та любыты мене та слухатыся!»

Какъ разъ та-же самая аргументація своихъ насилій надъ дѣтской душой, еще болѣе по своей сути возмутительныхъ, чѣмъ избіеніе Горпыной маленькой дочки. Душевное состояніе двѣнадцатилѣтняго гимназистика Гната, у котораго отецъ отнялъ дневникъ и издѣвался затѣмъ по поводу написаннаго тамъ, очень правдиво изображено авторомъ, и у читателя невольно щемитъ при этой сценѣ сердце и онъ понимаетъ грубое и рѣзкое возмущеніе старшаго сына, восьмиклассника Кости. Подъ впечатлѣніемъ подобныхъ отношеній юноша уже успѣлъ возненавидить всѣхъ «старшихъ» и допекаетъ ихъ систематически и сознательно, съ болѣзненнымъ наслажденіемъ.

Еще большее и еще болѣе болѣзненное наслажденіе находитъ въ подобныхъ «допеканіяхъ» герой другого разсказа—«Перши дебюты одного радыкала»—гимназитъ Химченко. Умный, проницательный, онъ какъ только начинаетъ сознательно относиться къ дѣйствіямъ старшихъ, въ данномъ случаѣ—учителей, такъ сейчасъ-же, отчасти подъ впечатлѣніемъ собственнаго опыта, отчасти подъ вліяніемъ прочитанныхъ книгъ (главнымъ образомъ Писа-

рева) замѣчаетъ огромное количество неискренности, лицемѣрія, которое царитъ въ отношеніяхъ учителей къ учащимся. Онъ возмущается поведеніемъ учителей и гимназическаго начальства, затѣмъ поведеніемъ мирящихся со своимъ положеніемъ товарищей и, подъ вліяніемъ цѣлаго ряда столкновеній и конфликтовъ съ тѣми и другими, ожесточается до такой степени, что ссорится съ цѣлымъ классомъ и превращается въ невозможнаго, невыносимаго никѣмъ, придиру съ испорченными нервами и полнымъ отвращеніемъ къ наукѣ—таковъ былъ результатъ «педагогіи», примѣненной къ умному и талантливому мальчику. Дома, на каникулахъ, онъ немного отдохнулъ, но семейная обстановка—полумѣщанская-получиновничья—также была не изъ тѣхъ, которыя способствуютъ успокоенію такихъ натуръ, какъ Химченко. Благодаря этому онъ вѣчно ссорился съ домашними и устраивалъ имъ всякіе непріятные сюрпризы. Онъ давно уже рѣшилъ «зневажаты всяке decorum, бо казавъ, що вси формы прыстойносты—паньськи вытребенькы». И вотъ онъ выказываетъ ко всему этому презрѣніе и является, напр., въ театръ, въ туфляхъ, въ разстегнутой блузѣ и съ отломанной отъ плетня палкой. Помѣстясь во второмъ ряду креселъ, онъ громко говоритъ по украински—не потому, чтобы былъ «украинофиломъ», а просто изъ за того, что украинскій языкъ казался ему наиболѣе мужицкимъ и потому наиболѣе пригоднымъ для оскорбленія аристократическихъ ушей... Онъ вооружается противъ царствущаго въ отношеніяхъ между людьми лицемѣрія и очень умѣло пользуется для своихъ штукъ тѣмъ матеріаломъ, который доставляетъ ежедневная жизнь. Вотъ, напр., отецъ не желаетъ дать гостю «Вѣчнаго жида» Е. Сю и говоритъ, что книги нѣтъ дома, сынокъ-же съ невиннымъ видомъ находитъ ее, а на послѣдовавшіе затѣмъ укоры отца, отвѣчаетъ съ неменьшей невинностью:

— Татуню, та вы жъ булы таки раднипци даты ёму! вы навить казалы, що...

— «Казалы»! Хиба я настоящо казавъ? Мало що инколы балакаеться!

— Тату!! невже вы зважылысь... брехать?!—тыхесенько спытавъ Петрусь, трохы пошепкы.

Одъ сынового тону батько счервонивъ и мовчкы заходывъ по стежци впередъ и назадъ.

— Яки тутъ брехни!—нетерпелыво одмовывъ винъ потимъ:— це жъ дрибныця.

— А вчора, тату, вы казалы Маси, що чесна людына навить у дрибныцяхъ не повынна брехаты николы въ свити.

Слова ци булы вымовлени такъ прыродно, такъ соромляжо, що батько зовсимъ ставъ ни въ сыхъ, ни въ тыхъ»... (109).

Наиболѣе допекаетъ подобными выходками Петрусь своихъ двухъ сестеръ по поводу всякихъ ихъ фальшивыхъ косъ и другихъ дамскихъ тайнъ.

Онъ полагаетъ, что не внѣшняя форма какого либо дѣянія имѣетъ значеніе, а его внутренняя суть, а посему происходитъ слѣдующее. Когда, провожая сестру, онъ является въ галантерейную лавочку еврейки Хавы и когда послѣдняя на моментъ выходитъ изъ лавки, оставя въ ней только ихъ двоихъ, онъ вынимаетъ изъ кармана ключи и пробуетъ отпереть кассу.

«—Боже мій!!—пошепкы гукнула на нёго сестра.—Що ты робышъ?!

— Хочу одимкнуты та подывытысь, чы багацько грошей у Хавы.

— Петре!!!

— А що жъ бо такого? адже не вкраду, подывлюсь тилькы.

— Кынь любчыку мій! кынь!—благала Мася:—надійде Хава, дакъ що ій у голову прыйде?! Думатыме, що ты злодій!

— Хай думае.

— По всёму городу зватымуть тебе злодіякою.

— Хай звуть! а моя власна совисть буде, про те, чыста» (123).

Разсказъ написанъ колоритно, и читатель не можетъ не хохотать, читая описаніе всѣхъ этихъ чудачествъ. Фигура самого Петруся Химченка выходитъ совсѣмъ живою.

Другого рода отношенія находимъ мы въ разсказѣ «Не порозуміються». Деспотизма со стороны родителей (собственно—матери-вдовы) здѣсь нѣтъ, но есть нѣчто другое, столь-же грустное: полное несоотвѣтствіе во взглядахъ и нравственныхъ понятіяхъ между матерью-мѣщанкой и сыномъ-студентомъ. Мать, напр., продаетъ женѣ судьи молочные продукты. Барыня, получивъ счеты за забранное, черезъ прислугу, передаетъ, что въ счетахъ оказались невѣрности, сдѣланныя умышленно въ пользу Лаговской-матери. Лаговскій-сынъ возмущается ложью, идетъ объясняться съ судьихой и не стѣсняется въ выраженіяхъ. Узнавъ объ этомъ, мать тайкомъ отъ сына, бѣжитъ къ барынѣ извиняться отъ его имени. Когда сынъ узнаетъ все и протестуетъ противъ этого, она съ торжествомъ отвѣчаетъ:

— «Вона хоче тебе навить у гости до себе запрохаты... А все те зробывъ нихто, якъ я!—хвалылась вона, тріумфуючы... Я сказала, що ты гарно граешъ на скрыпку. То вона: «Чы не захотивъ бы винъ узавтра прыйты до насъ на вечиръ граты до танцивъ?» А я кажу́: «Винъ дуже радый буде»...

-- Що?!! Що кажете?!!

Маты не зрозумила сынового тону. Вона навить думала, що винъ отакъ згукнувъ зъ несподиваныхъ радощивъ, и казала дали:

— Бачышъ, отъ що: въ неи взавтра буде багацько гостей,—дакъ ій хочеться, щобъ булы танци. Тилькы жъ на горенько нема теперъ у городи музыкъ: пойихалы на село до одного пана. Та есть тутъ одна гувернантка: то вона взавтра гратыме на фортепьянъ а ты гратымешъ укупи зъ нею на скрыпку. Воно й буде такъ неначе оркестръ... Ты будешъ граты, а пидъ твою музыку танцюватыме все панство... И це я зробыла, я!..» (318).

Ея типическое пошлое рабское мѣщанство хорошо изображено авторомъ; но вѣроятно слишкомъ густы краски, которыми онъ изображаетъ другое рабство—служанки Текли (стр. 314—317),—оно во всякомъ случаѣ не такъ ужъ типично. Намъ думается также, что описаніе физическаго отвращенія, вызваннаго у героя-истерика сообщеніемъ о падучей болѣзни матери (стр. 295) могло бы быть съ пользою для разсказа опущено.

До сихъ поръ виновны были «старшіе», но вотъ выступаютъ на сцену и «младшіе». «Вырывкы зъ мемуаривъ одного старого гриховоды»—это, по дополнительному заглавію,—«матеріалы для діагноза psychopathiae sexualis». Послѣднее заглавіе только отчасти соотвѣтствуетъ содержанію, какъ бы раздвоенному: съ одной стороны это размышленія стараго грѣховодника, теперь эпилептика, по поводу половыхъ отношеній, размышленія слишкомъ конкретнаго характера для того, чтобы не получалось впечатлѣнія соотвѣтствующей странички психопатологіи, а съ другой—это воспоминанія взрослаго человѣка о томъ возмутительномъ отношеніи къ матери, которое онъ проявлялъ въ дѣтствѣ и юности. Единственный сынъ вдовы, эгоистъ въ высшей степени и въ то-же время постоянно больной маніей ложнаго стыда, онъ съ одной стороны самымъ безстыднымъ образомъ эксплоатируетъ чувство матери, безконечно его любящей, подвергая ее самымъ незаслуженнымъ оскорбленіямъ и униженіямъ, а съ другой—въ нечастые моменты раскаянія—стыдится сознаться въ своей винѣ. Если бѣдная десятилѣтняя Настуся («Батькивське право») отъ побоевъ и сентенцій матери о ея родительскихъ правахъ должна *защищаться* словами: «самы породылы, то мусыте й годуваты», то здѣсь сынокъ, на основаніи какъ разъ того-же разсужденія (стр. 186), находитъ оправданіе для эгостическаго пользованія силами любящей матери и освобожденія себя отъ всякихъ правственныхъ обязанностей по отношенію къ ней. Изображеніе отношеній между матерью и сыномъ—лучшая часть разсказа, трогающая читателя.

Герой только что разсмотрѣннаго разсказа, сынъ великоросса, мучитъ свою мать-польку, высказывая крайнее презрѣніе къ ея національности. Забитая и малоразвитая мать эгоиста-сына, беззавѣтно ею любимаго, подъ вліяніемъ издѣвательствъ послѣдняго и изъ любви къ нему, рада отречься отъ своей національности; иные результаты даетъ неудовлетворительность или оскорбленіе этого чувства у натуръ болѣе самостоятельныхъ и развитыхъ: здѣсь оно обостряется до болѣзненности, а проявленія его доходятъ до крайностей. Чтобы убѣдиться въ этомъ достаточно прочесть дневникъ молодого украинскаго націонала подъ загла-

віемъ: «Psychopathia nationalis» [1])—безпретенціозно, но прекрасно написанную вещь, проникнутую искренностью и блещущую колоритными картинками народной жизни и природы. Здѣсь чувство національности проявляется въ такихъ формахъ, что и смѣшитъ читателя, и трогаетъ.

Съ отрицательной точки зрѣнія смотритъ авторъ на тѣ проявленія національнаго чувства, которыя изображены имъ въ разсказахъ: «Въ народъ», «Сырота Захарко» и «Історія однiеи подорожи».

«Въ народъ» нѣсколько напоминаетъ «Перши дебюты одного радыкала» (но только безъ достоинствъ этого послѣдняго разсказа) и посвященъ также первымъ дебютамъ одного молодого національгимназиста, идущаго «въ народъ» проповѣдывать національную идею и объединяться съ народомъ. При этомъ онъ, конечно, дѣлаетъ и говоритъ всякія глупости, благодаря чему и терпитъ отъ крестьянъ различныя непріятности—до побоевъ включительно, послѣ чего чуть не бросаетъ своего «національзма», но ограничивается устраненіемъ изъ своего символа вѣры лишь «демократизма», полагая, что можно любить украинскій языкъ и безъ симпатій къ мужикамъ.

Подобнаго же гимназиста-національ, правда,—не такого уже каррикатурнаго,—найдемъ мы и въ лицѣ Олеся въ разсказѣ «Сырота Захарко», и въ лицѣ Александра изъ «Історіи однiеи подорожи»: игра въ національность и пренебреженіе къ положенію трудящагося народа. Обличительное намѣреніе автора въ трехъ послѣднихъ разсказахъ слишкомъ явно, чтобы не идти въ разрѣзъ съ эстетическими требованіями; да и съ принципіальной стороны вопросъ мало обоснованъ: вѣдь не мальчики-же гимназисты являются создателями того направленія, противъ котораго, по справедливости, возстаетъ авторъ. Здѣсь какъ разъ нужно-бы говорить о «старшихъ», а не о «младшихъ».

---

[1]) Дневникъ, подъ заглавіемъ „Нудьга", перепечатанъ въ изданномъ въ Петербургѣ г. Бѣлиловскимъ сборникѣ: „Складка. Альманахъ. 1897".

Впрочемъ, это не уменьшаетъ достоинствъ изображенія фигуръ гимназической молодежи,—вообще всѣ они у г. Крымскаго очень живы, реальны и рельефно нарисованы. Въ помянутыхъ только что разсказахъ особенно хорошъ Олесь съ его смѣшными проектами національныхъ воззваній, его наноснымъ народничествомъ, которое моментально исчезаетъ, какъ только представитель «народа», хлопецъ Захарко, пробуетъ уклониться отъ исполненія прихоти паныча, и съ его религіозными восторгами немедленно послѣ побитія Захарка...

Судьба этого послѣдняго наводитъ на серіозныя размышленія объ отношеніяхъ такъ называемыхъ «образованныхъ классовъ» къ народу. Тѣ отношенія, которыя приводятъ сироту Захарка къ преступленію, а несчастнаго извозчика еврея («Исторія одніеи подорожи») доводятъ до отчаянія, вѣдь слишкомъ распространены для того, чтобы возможно было о нихъ не думать, чтобы не спросить вмѣстѣ съ авторомъ: «Колы вже зазоріе свитло правды и Захарови, и цій невченій пани, и цьому вченому панычеви-украинолюбцеви? Колы? колы?!..» (171).

Въ предисловіи къ своему томику авторъ самъ указываетъ на то, что между его разсказами замѣчается связь, какъ формальная (первоначально нѣкоторые изъ нихъ были частями одного романа), такъ и внутренняя: присутствіе въ различныхъ разсказахъ однихъ и тѣхъ-же типовъ. Въ самомъ дѣлѣ: между Костею («Батькивське право»), Химченкомъ («Перши дебюты»), Котовичемъ («Въ народъ»), Олесемъ («Сырота Захарко»), Александромъ («Исторія одніеи подорожи») и Лаговскимъ («Не порозуміються») несомнѣнное психическое родство. Въ сущности, все это одна и та-же психическая физіономія, но разсматриваемая съ нѣсколькихъ неодинаковыхъ точекъ зрѣнія. Прежде всего это (какъ и герой «Вырывкивъ изъ мемуаривъ») люди нервно-больные, каждый въ большей или меньшей степени, съ сильно развитой чувствительностью, быстро реагирующей на внѣшнія вліянія, и въ то-же время занятые постояннымъ самоанализомъ, ковыряніемъ въ собственной душѣ--чѣмъ кто изъ нихъ старше лѣтами, тѣмъ болѣе этимъ занимается; благодаря этому, способ-

ность ихъ къ выдержанной и стойкой дѣятельности ничтожна (за исключеніемъ отчасти Химченка),—все ограничивается порывами; сильно развитое, иногда до болѣзненности, самолюбіе и у каждаго (даже у Химченка, не смотря на его базаровскія грубости) хоть въ зародышѣ—эстетическая жилка. Типъ очень современный и. къ сожалѣнію, распространенный.

Что можетъ выйти изъ него?

Авторъ пробуетъ самъ на это отвѣтить относительно героя «Не порозуміються»:

— «А що жъ дали буде зъ Андріемъ?—спытае чытачъ.

— Ій Богу не знаю, дорогый чытачу мій! Бо, бачте, я не брехню спысавъ вамъ, а щыру правду. Андрій—людына гистерична: кожнисинькои хвылыны зугаренъ винъ утнуты таку штуку, що нихто й не вгадае чогось такого... Я жъ думаю, що Андрій колысь або повисыться, або увируе въ Бога та й пиде въ ченци». (332).

Герой «Вырывкивъ изъ мемуаривъ» избираетъ повидимому послѣдній путь, а относительно радикала-Химченка авторъ иного мнѣнія, ибо такъ оканчиваетъ разсказъ о немъ:

«Саадій каже: «Ез ебры сійаг баред абы сепид»—Зъ чорнои хмары ллеться ясный дощъ». (137).

Хорошо, если этотъ дождь будетъ благодѣтельнымъ дождемъ, дающимъ жизнь!.. Но какъ мало въ окружающей обстановкѣ благопріятныхъ условій для этого—видно и изъ разсказовъ г. Крымскаго. Мало ихъ въ быту образованныхъ классовъ, мало и среди народа.

Уже и въ разсмотрѣнныхъ здѣсь разсказахъ г. Крымскій даетъ намъ образцы очевиднаго знанія народной жизни. Особенно хороши народныя сцены въ разсказахъ «Сырота Захарко»,—напр., полная здороваго юмора сцена въ кухнѣ (стр. 140—152) и вообще вся фигура мальчика Захарка—умнаго, способнаго, доведеннаго до ошибки тѣми-же, которые возмущались его проступкомъ и затѣмъ безсердечно наказали его... Не менѣе тяжелую картину находимъ мы и въ единственномъ у автора разсказѣ изъ народной жизни: «Такъ хто-жъ справди вынenъ?!» Здѣсь изображена вѣчная распря мужа и жены, двухъ людей, которые никогда не

должны были бы жить вмѣстѣ и, однако, скованы для совмѣстной жизни, которая хуже каторги. Авторъ, всегда возстающій противъ всякаго насилія личности надъ личностью, вѣренъ себѣ и въ этомъ разсказѣ, гдѣ полная реальность изображенія соединена съ художественностью. Читаешь эту исторію несчастной пары и кажется, будто дѣйствительно слышишь голосъ разсказывающей женщины. Этому въ сильной степени помогаетъ и языкъ—образный, выразительный и почти безукоризненно народный,—жаль, что не всѣ разсказы г. Крымскаго написаны такимъ языкомъ!.. «Такъ хто жъ справди винен?!» кажется намъ, изъ всѣхъ беллетристическихъ произведеній г. Крымскаго, вещью, наилучше написанный, хоть и не самой интересной по содержанію.

Беллетристикѣ нашего автора вредитъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ субъективный тонъ, доводящій до обращеній автора къ читателю по поводу того или иного поведенія героевъ («Батьк. право», «Исторія одн. подорожи» «Сырота Захарко»),—старый пріемъ, непріятно теперь поражающій [1]). Въ лирическихъ стихотвореніяхъ, по самому свойству этого рода поэзіи, наоборотъ—проявленіе личности автора нисколько не вредитъ; даже болѣе: чѣмъ сильнѣе и искреннѣе проявляется чувство автора, тѣмъ большее впечатлѣніе производитъ лирика. Это и замѣтно на оригинальныхъ лирическихъ произведеніяхъ г. Крымскаго.

Впрочемъ, сперва обратили на себя вниманіе не оригинальныя, а переводныя стихотворенія г. Крымскаго. Для переводовъ предъ нимъ широкое поле, благодаря его знанію языковъ: кромѣ трехъ индоевропейскихъ мертвыхъ, онъ располагаетъ весьмью живыми европейскими, не считая всѣхъ славянскихъ и чуть-ли не десяткомъ восточныхъ. Благодаря знанію послѣднихъ, г. Крымскій внесъ въ украинскую литературу совершенно новую струю своими переводами восточныхъ поэтовъ—Хейяма, Фирдуси, Гафиза, Саадія, Абуль-Аля, Антара, Хамâсы, равно какъ чисто народныхъ турецкихъ пѣсенъ («Народ», 1890, № 18) и многіе изъ

---

[1]) Въ книгѣ „Изъ повистокъ и эскизивъ“ авторъ нѣсколько сгладилъ это въ двухъ первыхъ разсказахъ.

этихъ переводовъ (особенно изъ Хейяма)—прекрасны. Къ сожалѣнію, большая работа г. Крымскаго—переводъ «Шаг-Наме» Фирдуси остается неоконченной: появилась только первая часть [1]). Изъ другихъ поэтовъ г. Крымскій переводилъ мелкія стихотворенія Сафо, Гете, Байрона, Ростана, а больше всего—Гейне, изъ котораго переведено около тридцати мелкихъ стихотвореній и—очень хорошо—«Вицли-Пуцли».

Свои стихотворенія (оригинальныя и небольшую часть переводовъ) г. Крымскій издалъ сборникомъ подъ заглавіемъ: «Пальмове гылля. Экзотычни поэзіи» [2]).

Въ этомъ томикѣ сотрудничаетъ два автора: лирическій поэтъ Крымскій даетъ прекрасныя стихотворенія, а профессоръ Крымскій—поясненія къ нимъ.

Сознаемся, что мы предпочитаемъ поэта. Всякій поэтъ печатая книгу, обращается ко всѣмъ интересующимся поэзіей, ко всѣмъ чувствующимъ ее, а профессоръ Крымскій неуклонно въ обоихъ изданіяхъ «Пальмового гылля» утверждаетъ, что его книга издана въ свѣтъ «не для людей физычно-здоровыхъ, а тилькы для людей трохы слабыхъ, зъ надламаною жытьевою снагою або нервамы... для тыхъ людей, що... зугарни часомъ дизнаты бильше втихы й радощивъ изъ звисткы про новитній свижый кучерявый паростокъ на гималайській кедрыни-деодари, нижъ изъ телеграммы про зныженье таксы на силь». «А котри чытачи здоровисиньки на тило й на серце... жваво рвуться на смилыву боротьбу за цилу прыгничену голодну суспильнисть»—тѣмъ рекомендуется не разворачивать сборника, а если они это, по ошибкѣ, сдѣлаютъ, то должны поскорѣй забыть и стихи, и ихъ автора. («Заспивъ»). Конечно, къ больному человѣку слѣдуетъ относиться съ бо́льшей

[1]) Первоначально о журналѣ «Жыте и слово» (1895), а затѣмъ, по его прекращеніи, отдѣльно: «Шаг-Наме Абуль Касима Фірдовсія. З перськоі мови переклав А. Кримський. Частина перша. Льв. 1896. (Літературно-наукова бібліотека. Нова серія. Кн. 7).

[2]) Ссылки, кромѣ отдѣльно указанныхъ случаевъ, дѣлаемъ по второму изданію (Звенигородка, 1902).

внимательностью и предупредительностью, но зачѣмъ-же обижать здоровыхъ за то только, что они здоровы и интересуются экономическими вопросами и соціальной борьбой, не исключающими интереса и къ поэзіи вообще? Хорошая вещь поэзія,—пусть же нею интересуется всякій, кто захочетъ.

Обратимся и мы къ ней.

Пейзажи Сиріи и Кавказа, отзвуки пѣсенъ Ливанскихъ горъ и іерусалимскихъ окрестностей, шелестъ пальмъ и запахъ туберозъ и наркотическихъ гвоздикъ... и истерзанные нервы европейца XX вѣка, украинца XX в., не могущаго среди этой роскоши чуждой природы забыть родного края:

Горди пальмы... Думни лавры...
Манячлывый кыпарысъ...
Океанъ тропичныхъ квитивъ...
Ще й цвите цытрынный лисъ...

Я хытнувсь, бо наче впывся
Зъ аромату тыхъ квитокъ.
Ажъ поглянy: коло пальмы
Простый жытный колосокъ.

«Гей земляче»!—шепче колосъ,
Похылывшысь на стебло:
«Мы чужи для цёго раю,—
Що жъ сюды насъ прынесло?»

И снова чуждыя, но опьяняющія своей красотой картины природы, много прекрасныхъ картинъ и еще больше плача истерзанныхъ нервовъ и снова крикъ:

Нене-голубко! до тебе й лыну:
Тутъ я чужый чуженыця.
Аще забуду тя Ерусалыме,—
Будь ми забвенна десныця!

Най до гортани языкъ мій прылыпне,
Скоро тебе позабуду

И въ чужыни одибъюся одь службы
Нашому ридному люду!

И затѣмъ эпилогъ:

Спиваю писню, повную огня,
Изъ неи віе духъ жывый и смилый,—
Нихто й не домиркуеться, що я—
Давно вже трупъ, увесь захолодилый.

А между тѣмъ началомъ и этимъ концемъ—двѣ исторіи о любви: исторія про «Нечестыве кохання» и исторія про «Кохання по людському», написанныя поэтомъ Крымскимъ въ формѣ двухъ цикловъ стихотвореній и объясненныя профессоромъ Крымскимъ въ духѣ «Крейцеровой сонаты» Л. Толстого.

Герой охваченъ внезапнымъ и непобѣдимымъ чувствомъ къ женщинѣ, принадлежащей другому и, быть можетъ,—кому то близкому для героя. Онъ мучится сознаніемъ безнадежности своей любви и, какъ часто бываетъ въ такихъ случаяхъ, сознаніемъ ея безнравственности:

Розумъ зважывъ: се кохання марне,
Нерозумне, дывне та й мерзенне.

Онъ даетъ себѣ обѣщаніе никогда не обнаружить его передъ той, которую любитъ:

Ни, николы одъ мене не вчуешъ,
Що тебе я люблю:
Циле небо було бъ захыталось
На ту сповидь мою.

Затемнылось бы яснее сонце,
Поспадалы бъ зиркы;
Срибный мисяць зъ такого бъ нечестя
Росколовсь на шматкы.

Ни, николы видъ мене не вчуешъ,
Що тебе я люблю:
Вся прырода була бы вжахнулась
На ту сповидь мою.

Застогналы бъ могутніи кедры,
Розчахнулась земля,
И морськую безодню збурлыло бъ
Нечестыве чуття.

Но сейчасъ же герой протестуетъ, во имя законовъ той-же самой природы, противъ какого-бы то ни было ограниченія чувства:

Якъ я родытысь мавъ на билый свитъ,
Дакъ не пытавсь нихто моеи згоды...
Я маю право *все* любыть!
Отсе законъ прыроды.

Понятно, что при такомъ напряженіи чувства признаніе въ любви вырывается самымъ неловкимъ образомъ, да еще и при самыхъ неудобныхъ условіяхъ. Оно отвергнуто, но не умерло въ сердцѣ героя, который продолжаетъ жить сладостно-мучительными воспоминаніями своей любви. Сознаніе ея безнадежности съ одной стороны и неустранимости съ другой—заставляетъ героя утѣшать себя мыслью о скверне любви сексуальной и достоинствахъ любви платонической, и прекрасный циклъ заканчивается переводомъ стихотворенія Ростана, въ которомъ говорится о любви почти уже не къ опредѣленной женщинѣ, а къ какому-то созданному собственнымъ воображеніемъ образу:

А я—дакъ кохаю, кого и не знаю:
Далеку Царивну...

Совершенно естественный конецъ для чувства всякаго здороваго и богатаго духовной жизнью человѣка, ни коимъ образомъ не доказывающій преимуществъ платонической любви, о чемъ

говоритъ профессоръ Крымскій въ предисловіи. (Заспивъ, 7). Вѣдь для каждаго ясно, что съ теченіемъ времени образъ «Далекои Царивны» долженъ поблѣднѣть, а съ тѣмъ вмѣстѣ можетъ появиться на сцену и новое чувство къ новой личности. Однимъ изъ многочисленныхъ примѣровъ можетъ служить Данте съ его «Далекою Царивною»—Лаурой съ одной стороны и женою Джеммою и четырьмя дѣтьми—съ другой...

Неплатонической любви посвященъ циклъ «Кохання по людському», гдѣ она изображена упоительной сперва и имѣющей всѣ признаки разврата впослѣдствіи [1]). Профессоръ Крымскій увѣряетъ насъ, что всякая неплатоническая любовь оканчивается тѣмъ, что является «огыда до цилого свиту... и зъ жывои людыны робыться безсылый духомъ манекенъ або бидолашный ходячый духовный трупъ, що й высоки громадськи идеи вже не ожывляють ёго надовго до справжнёго жыття» (8). Крайности этого утвержденія до такой степени очевидны, что нѣтъ большой надобности даже приводить доказательства противнаго; позволимъ себѣ развѣ назвать имена такихъ людей какъ Гете, Шекспиръ, Байронъ, В. Гюго, Гарибальди и др., которыхъ никоимъ образомъ нельзя обвинить въ пренебреженіи къ неплатонической любви и въ то-же время нельзя и сказать, что они были ходячими духовными трупами, не оживленными высокими общественными идеями. Для доказательства своего положенія авторъ заканчиваетъ циклъ двумя сильными стихотвореніями общественнаго характера, а затѣмъ приписываетъ уже извѣстный намъ эпилогъ:

Нихто й не домиркуеться, що я
Давно вже трупъ, увесь захолодилый.

Но дѣло въ томъ, что циклъ написанъ въ 1900 г. (см. «Заспивъ»), а два помянутыя стихотворенія—«Весняна розмова» и «Тарасове свято на чужыни»—появились въ печати за нѣсколько

[1]) См. стих. «Нудьга въ души, ломота у кистках» и «Шумыть-кыпыть бульварь»—стр. 69 и 71 львовск. изданія.

лѣтъ до того и написаны такимъ образомъ совершенно независимо отъ цикла, въ который вставлены чисто механически, лишь для подтвержденія теоретическаго положенія. Но даже если-бы ими и доказывалось положеніе, то его можно было-бы распространить только лишь на людей больныхъ, болѣе или менѣе ненормальныхъ, потому что герой этого цикла стихотвореній—человѣкъ больной: авторъ изобразилъ здѣсь дѣйствительно видѣнное имъ лицо: «таку безталанну людыну, у якои пессимистычный свитоглядъ и огыда до всихъ людей зросталы пароксизмамы, параллельнымы до іи полового жыття». (8). Понятно теперь, почему стихотвореніе «Шумыть-кыпыть бульваръ» (стр. 71 львовск. изд.) такъ напоминаетъ медитаціи стараго грѣшника изъ разсказа «Вырывкы изъ мемуаривъ одного старого гриховоды», болѣзнь котораго, по опредѣленію самого автора,—psychopathia sexualis. Но какимъ-же образомъ къ людямъ здоровымъ могутъ быть приложены выводы, сдѣланные на основаніи состоянія человѣка больного?

Но, оставивъ въ сторонѣ этотъ вопросъ, мы найдемъ въ циклѣ «Кохання по людському» много хорошихъ стихотвореній [1])

[1]) Есть, однако, образы слишкомъ изысканные, сравненія слишкомъ натянутыя и производящія непріятное впечатлѣніе. Для примѣра укажемъ на стихотвореніе: «Гей винокъ»! (67), гдѣ попадаются такія, напр., сравненія:

Ой не билая жъ то рожа:
Била жиночка хороша.
. . . .
Ой не сыняя жъ то хвыля,
А хвылястая мантиля;
Мармуровый замокъ звуть
Билоснижна грудь.

Или въ другомъ стихотвореніи:

Ой не пыты воду зъ моря:
То-жъ солона гиркота!..
Дасть *вона* своеи *слыны*—
Посолодшае вода. (59)

Кромѣ того, критика справедливо указывала на небрежныя риѳмы г. Крымскаго,—впрочемъ, онѣ кое-гдѣ исправлены во 2-мъ изданіи сборника.

„ЗА ГОТАРЪ“.[1]

(Нарысъ зъ сильського жыття).

Зима.

Старенькый панъ-отець села Д. повильнымъ, утомленымъ крокомъ и зъ натугою прямувавъ сильською дорогою пидъ лисъ. Дорога трудна: снигомъ завіяна. Винъ послидними днямы падавъ и падавъ, неначе сыпаный невыдымою рукою, и нарисъ высокою билою верствою. Куды не глянуты—царство ёго. За дрибнымы сильськымы хатамы знималысь били могылы, наметени витромъ, и ночамы блестилы проты мисяця холоднымъ крышталёвымъ блыскомъ.

Морозъ тыснувъ и пикъ, и хиба що хто мусивъ—выходывъ зъ хаты.

А старенькый панъ-отець мусивъ.

Двое газдивъ[2]), оденъ молодый, а другый старый, вступылы до ёго хаты и поставылы пытання: «Що зъ чужымъ робыты, що не знаты звидкы навіявся, убогый подорожный якыйсь, и лежыть на-пивъ мертвый на лисовій дорози недалеко хаты чорнои Магдалены?... Слабисть збыла ёго зъ нигъ, бо выдко, що розболилый, повалывся середъ пустои дорогы; якъ разъ за селомъ, пидъ лисомъ.

---

[1]) Такъ называютъ русскіе люди на Буковинѣ «межу, або границю».

[2]) Хозяевъ.

Тому треба було питы и поглянуты на несчасного. Може покажуть слиды яки, звидкы винъ, а може ще и заговорыть... може зможе ще пиднятыся и дали питы; такый чужынець, що не знаты звидкы, и що—лыше клопитъ для села; загыне—то и ховай даромъ, трудысь за Богъ зна яки грихы... Винъ не любывъ даромъ трудытысь. Старый вже бувъ, а що найважнійше—якый хосенъ [1]) ёму зъ того... А то акурат...

— Эхъ, що за дорога, що за дорога! се кара Божа спадае на васъ, кара Божа!—бурмотивъ, засапуючысь и опыраючыся важко на грубу, ковану палыцю. Била довга борода ажъ штывнила на морози.

— Таже давъ Богъ святый снигъ, а якъ-же,—видказавъ молодшый, «а може воно и добромъ выйде весною земли?»

— А—и, «добромъ», дурню! гришыте та пьёте, та крадете та грабуете, свидчыте фалшыво оденъ на другого; на Боже [2]) не даете—и *добромъ* мае ставаты стужа та фортуна? Не пливъ-бы си дурныць! »

Молодый замовкъ.

Винъ засунувъ одну руку въ рукавъ другои, зигнувся, опустывъ голову внызъ, и старався опертыся гострому, пекучому витрови, що такъ и палывъ облычча. Не мавъ винъ охоты говорыты: по правди сказавшы—боявся панъ-отця.

Ёго товарышъ—старый балакунъ, сильськый вартивныкъ—поглянувъ бокомъ на панъ-отця и обизвався:

— Що мы малы робыты, панъ-отчыку? Двирныка не було вдома, щобъ въ ёго порадытысь, выйихавъ въ мисто, а що до васъ намъ найблыжче, то и поступылы до васъ за доброю порадою. Се не нашъ чоловикъ, панъ-отчыку, се чужый. Ніякъ першого липшого чужого, та ще и въ хороби, въ хату затягаты. Биду може затягнуты. Мы йшлы оба до лиса, я та й *отсей*... и выдымо недалеко саду чорнои Магдалены... саме блызько готаря лежыть чоловикъ. Прыступаемо... дывымося... се *не* зъ нашого села.

---

[1]) Прибыль.

[2]) На церковь.

— И не зъ сусиднёго!—закынувъ молодый.

— И не зъ сусиднёго!—повторывъ старый. Вмисто кучмы [1]) въ нёго капелюхъ на голови соломьяный, а вмисто сердака [2]) або кожуха—полотнянка.

— Зъ *Галиціи!*—закынувъ, якъ перше, сухо молодый.

— Такы такъ, кажу.

— Може, замерзъ!—каже *отсей.* Або заслабъ кажу я—тай и грымнувъ.

— Або упывся, або упывся!—клыкнувъ роздразненымъ голосомъ панъ-отець, опынывшысь, щобъ видитхнуты, бо якъ разъ взнымалась дорога горбомъ мижъ полямы.

Оба селяне розсміялыся.

— Може хтивъ зогритыся!—закынувъ старшый, та и збигла горивка въ ногы и звалыла.

По хвыли довшого мовчання поспытавъ панъ-отець:

— А далеко ще тамъ до нёго?

— Та нибы не далеко. Недалеко Магдаленынои хаты, коло іи городця, недалечко *готаря...*

— Котрои Магдалены?

— Та-же *чорнои*, панъ-отчыку, чорнои...

— Ага... ага!!..—обизвався панъ-отець протяжно, *чорнои...*— и замовкъ.

Ажъ надто добре винъ іи знавъ. Трынадцять разивъ вступавъ въ іи хату. *Трынадцятеро* дитей поховала вона, то та Магдалена.

Вона вже теперъ за себе и за свого чоловика гаруе [3]), бо ёму и ногы и рукы геть покрывыло,—почавъ оповидаты старый вартивныкъ.

— Видъ чого покрывыло?—спытавъ панъ-отець.

— Або може знаты... Кудысь ходывъ на роботу, и видколы вернувъ—два рокы буде тому на Мыколая, то все лежить, та й лежыть... и рукы и ногы ёму покрывыло. Мае вона добру пар-

---

[1]) Смушевая шапка.

[2]) Безрукавый кожухъ.

[3]) Трудится сильно.

тыку [1]) на симъ свити.—Не дай Боже нашому таке. Ще и диты вмыраютъ. Отсе остатне що ще держытся іи—та и то вже такъ якъ бы не іи вже було. Лыше очыма свитыть. Худе... жовте, и день и ничъ кахукае та й кахукае.—Бида!

— Овъ!..—клыкнувъ панъ-отець—и зновъ на хвылыну прыстанувъ. Потимъ додавъ видитхнувшы: до неи ще далеко. Десь забудувалася видъ села, якъ видъ ворогивъ.—То... кажешъ... іи мала слабуе?

— Слабуе. Вже що вона не робыть,—куды и не ходыть по ликы, а дытына все не така, якъ други диты. До святого Ивана чудотворного Сучавського на прощу водыла. Мабуть не выросте іи и отся дытына.

— Та колы такъ, то певне що не выросте.—Але вона чемна жинка; на Боже не забувае. Дае на службы... и добра робитныця. Колы не пишлешъ по неи—вона зразу зъявытся. На все мае часъ.

— Чемна жинка, що правда,—притакнулы чоловикы,—лышъ то одно, що щастя не мае. Диты повыростаютъ, зъ найгиршои биды повыдовбуются, а потимъ акуратъ якъ бы хто свыснувъ на ныхъ—воны идутъ. Вона вже така збиджена зъ грызоты и зъ выдаткивъ, що чымъ разъ то бильше чорніе. Не дурно и прозвалы іи *чорною*.—Лышъ хрыстыть та й хороныть, хрыстыть та й хороныть.—Не знаю, якъ іи земля носыть; яка у неи душа зъ жалю. А пальци іи такъ само покрывыло, якъ чоловикови, лыше ій зъ роботы. Смерть и слабисть въ хати все повыжыралы. Якъ бы не ота дытына, що свитыть въ хати очыма, вона бы сама въ землю пишла, а такъ дытына, та й робота—держуть іи пры соби. Така іи вже партыка на симъ свити.

— Але бо и партыка!—ажъ заспивавъ молодый товарышъ. И зновъ хвыля мовчанкы пидчасъ котрои чулося лыше сапання панъ-отця и стукання кованои палыци по замерзлій дорози.

— Що то у де-котрого змалку нема доли, якъ отъ хоть бы и у Магдалены!—потягнувъ зновъ на свое старый. А дывить, сы-

---

1) Доля, участь.

ротою лышылося; въ наймы пишло, якъ лышъ лазыты почало. А видтакъ якъ виддалася, запосилася смерть на диты, потимъ чоловикови рукы и ногы покрывыло, та й не знаты чому? Чому оно такъ? *Бидна*—та й годи. А кажуть: диты въ неи таки розумни, якъ стари. Все, каже, «знають».

— Бо вмыраты мають!—закынувъ молодый сухо. Спытайте у якои жинкы, въ котрои померла дытына,—яка вона була за жыття? И послухайте, що вамъ розскаже: Таке и таке було--и се знало и *то* знало, и *то* выцило и *то* чуло... а нашъ чоловикъ и постаріется и змарнуется, а такого всёго такы не знае!

— Сыла Божа!—видповивъ побожно вартовныкъ.

— Ану-ко, ще не выдко Магдаленынои хаты?—клыкнувъ наразъ по-задъ бесидуючыхъ панъ-отець, котрого почала мандривка нетерплывиты.

— Выдко, вже выдко!!—поспишылы сповистыты газды. И справди, зъ-пидъ лиса, мовъ грыбокъ, показалася соломъяна, почасты снигомъ перевалена стриха малои хатыны.

— Ну прецинь добылыся!!

. . . .

— Хата Магдалены дывытся лыцемъ въ лисъ—сказавъ молодшый.

— Бо люта, що за плечыма чыгае вже чуже село,—видповивъ старшый. За іи же городцемъ вже готаръ. Одже простягается сусидня толока.—Іи хата саме на роздорижжи стоить. Слухае, якъ вовкы лисомъ выють и фортуна ничью гуляе. Абысте зналы—додавъ объясняючы—що тому въ неи и стилько недоли. Се, кажуть, щастя обмынае того, хто на готари сыдыть. Воно тягнется або въ одну сторону, або въ другу, а хто на готари стае, тому ничого не дистается. Але, дывится, вже выдко бидолаху, що лежыть. Слава Богу на мисце добылыся, а то бъ то панъ-отець дали йты не захотилы...

Станулы на мисце.

Въ-округы тышына и лышъ гудиння лисомъ... Темный велыканъ дыше лёдовымъ холодомъ и стоить якъ муръ неповорушно. По-пры ёго бижыть вузенька сильська дорога, а край до-

рогы «лыцемъ звернена до ёго» хата Магдалены.—За хатою мизерный садокъ, що опырается о толоку вже чужого села.

Але въ тій хвыли хата «Магдалены» никого не займае. Вона видъ трёхъ мандривныкивъ ще добрыхъ двисти крокивъ виддалена.

Вся увага людей звернена на чужынця, що лежыть въ билій полотнянци край дорогы пидъ лисомъ и не ворухается... Лыце у ёго зъ болю выкрывлене, жовте, нибы задеревило. Пальци стыснени.

Смутный выдъ.

— Господы Исусе Хрысте!—клыкнувъ молодшый, перехрестывшысь.

— Ёму вже душа на плечахъ!—сказавъ другый.

— Ану мой [1]), потермосы [2]), абы знаты чы жывый чы ни...—розсказавъ нетерплыво панъ-отецъ.

Винъ, зобачывшы чужынця, все зрозумивъ: убогый селянынъ мандривныкъ занедужавъ въ дорози и якъ разъ тутъ повалывся. Мизерна одижъ, зужыта торбына пры боци, худе якъ вискъ лыце розъясныло ёму все.

— Рушается? [3])

Несмилывою рукою обмацувавъ старшый газда чужынця, и доглянувъ: «жывый»!—клыкнувъ—рушается...

Хвылына напруженого мовчання.

Панъ-отецъ задумався, а чоловикы мовчалы. Оглядалы цикавымъ окомъ несчасного, якъ лежавъ и ледви чутно стогнавъ. Незвычайно було.

Звидкы йшовъ?.. Хто винъ?... А ни старый винъ, а ни молодый... зъ роботы може якои вертавъ. Рукы въ ёго дёгтемъ помарани, неначе дёгтемъ гандлювавъ. Отъ що несчасного въ дорози постыгло... На разъ постукавъ панъ-отецъ нетерплыво палыцею не промовывшы ни словечка. Газды поглянулы допытлыво на ёго, а видтакъ старшый знову зигнувся.

---

[1]) А ну-ка.

[2]) Потряси, потормоши.

[3]) Движется.

— Жывый винъ, жывый панъ-отчыку—впевнывъ якъ передше. Але до смерти ёму вже не далеко. Губы посынилы... Що тутъ робыты?

— Що робыты?

— Свичку прынесты, абы безъ свичкы не вмеръ!—додавъ поважно молодшый.

— Дурню!—залаявъ панъ-отецъ. Видтакъ выкрывывъ старечи уста погирдлыво.

— Плентаются кудысь!—процидывъ,—блудять свитомъ, марнуются, а на остатку спадають тягаремъ на другыхъ.—*Хто визьме ёго на себе?* Хто справыть похоронъ? Хто понесе вси выдаткы? Чоловикы вытрищылыся зъ переляком на ёго и змовклы.

Очы панъ-отця засіялы недобрымъ блескомъ; била довга борода ёго задрижала... винъ нагнувъ плечи ще бильше, якъ звычайно, и, пиднявшы руку высоко вгору, указавъ довгою палыцею на пусту завіяну толоку сусиднёго села.

— *За готаръ*—прошептавъ зимнымъ, хытростю переповненымъ голосомъ. *Затягнить ёго за готаръ... Сусидне* село нехай соби зъ нымъ голову бье...—И видвернувшысь роздражненымъ рухомъ видъ всихъ, потюпавъ кваппою ходою билою дорогою назадъ.

Люде остановылысь.

Не промовывшы ни словечка, стоялы добру хвылыну зъ нерищучымъ выдомъ: видтакъ схаменувся старшый:

— Понесемъ?—спытавъ.

— Ни!—видповивъ молодшый:—не на моеи земли лежыть.

— И на моеи ни—разъ; а по друге—хто ёго знае, що винъ за оденъ?..

О тій самій пори чорна Магдалена сыдыть въ своій хатыни и пряде. Видъ часу до часу спыняется іи велыкый журлывый поглядъ на своій трынадцятылитній дытыни, що—лышъ въ сорочыни... сыдыть на печи, дере пирья и перерывае глыбоку тышыну

довгымъ кашлемъ. Чоловикъ на постели, зверненый лыцемъ до стины, лежыть мовчкы.

Видъ довшого часу вые собака въ буди коло малои стайни, де знаходытся ихъ одыноке багацтво, корова,—и не може успокоитыся.

— Вые, якъ бы вовкивъ зачула...—обизвався немощный зъ постели, перерываючы глыбоку тышыну, и зъ голосомъ, пеначе бъ прысутни малы те саме на думци, що винъ.

— Иды, жинко, глянь, якъ держыть вона голову. Колы въ гору то передъ вовкамы, що десь ихъ зачувае, а колы въ дилъ—то смерть.

Жинка поглянула на ёго, видтакъ повела очыма на дытыну.—Вона не сподивается смерти. Хочъ дытына въ неи хора, хочъ день и ничъ кахукае, а вона смерти не сподивается. Господы Исусе Хрысте, якъ бы воно іи згынуло!

— Вона поставыла роботу на бикъ и встала. Высока, чорна, худа постать була покирно склонена, неначе видчувала на соби якись провыны цилого ряду поколинь, и просыла прощеня. Прекрасна була вона колысь.

Колысь іи чорне якъ шовкъ волосся лыстилося [1]) по молодыхъ плечахъ и грудяхъ; смагляве лагидне лыце виддавало молодостю, а очи—чудови, прекрасни ти чорни зори—горилы огнемъ сылы и надіи. Теперъ такожъ горилы воны, але огнемъ невгасаючого жалю.

— Мамцю, и я пиду зъ вамы на двиръ!—клыкнуло дивчатко жыво зъ печи. Воно пидвело голивку и засвитыло очыма на матиръ, тымы самымы чорнымы зиркамы, що горилы и въ лыцю іи матери.

— Чого доньцю?—спытала лагидно маты. Нема чого. Бачышъ яка студинь [2]). Витеръ стысне тоби груды и станешъ гирше кашляты.—Сама пиду. Мени треба ще и по силь въ село

---

[1]) Блестѣло.

[2]) Холодъ.

забигты. Нема соли и свитла. Ты сиды та й пыльнуй тата и хату. Я пиду сама та й заразъ вернусь; слухай, доньцю...

Вона закынула довгый чорный сердакъ на плечи и, обвывшы стараннійше билымъ рушныкомъ голову и темне облыччя,—выйшла зъ хаты.

Биля стайни заглянула за собакой, що на іи выдъ успокоилася: видтакъ подалася на лисну дорогу въ село.

Ледви що видбигла килька сотъ крокивъ видъ хаты, якъ вже и опынылася: напиткнула на несчасного чужынця, и зъ остраху ажъ въ голосъ скрычала. Але тутъ же опынылася Оденъ поглядъ на одижъ ёго и схудиле пожовкле облычча—и, неначе недавно панъ-отець, угадала вона теперъ положения чужынця.

Рижни думкы заграли роемъ въ іи голови. Хто винъ? Видкы йшовъ? Що ёму було? Зъ голоду упавъ? Заслабъ?—А потимъ: нежывый? *Цилкомъ* нежывый?

А видтакъ заволодило нею одне чувство, що наплыло могучою фылёю на іи душу и наказувало лышъ одне: до хаты забраты несчасного. Якъ найбирше до хаты. Про дальше вона не думала. Зигнулася нызько надъ нымъ, впываючыся въ ёго своимы велыкымы зжуреными очыма, удержуючы пры тимъ виддыхъ. Не мигъ ще буты мертвый... Господь велыкый...

Видтакъ скрывывъ гиркый усмихъ іи уста. Ему въ грудяхъ клекотило, якъ въ китли...

Оглянулася зъ розпукою округъ себе. Не зъявытся яка людська душа, щобъ прыбула іи сюды на помичъ?... Хтила ёго до своеи хаты затягнуты; якъ найборше. Вже вечиръ зблыжався, морозъ тыснувъ, а винъ вже гасне... вже деревіе...

Ничого не побачыла. Въ-округы тышына, тутъ лисъ, темный, понурый, а тамъ завіяни поля и толока... о Господы, рятуй!!

— Вуйко...[1]) татку... заблагала зъ неопысаною щыристю въ голоси—здіймиться[2]). Я васъ хочу до хаты забраты. До теплои

[1]) Дядюшка.

[2]) Приподнимитесь.

хаты, татку, и теплои стравци подамъ. Лыше трошечкы... трошечкы здіймиться... здіймиться, татку!!

Вона старалася пиднесты хорого и несты сама, але не здолала. Винъ тяжкою колодою важывъ въ іи рукахъ и мовъ до мисця прыковувавъ.

Зновъ оглянулася вона.

Велыки іи чорни очи впылыся далеко въ сильську дорогу и благалы розпачлыво: спишить на помичъ люде!—несчасный гыне, прыходить рятуваты. Прыходить, бійтеся Бога! Лыше одробына [1]) ще якои иншои сылы—и вона затягне ёго въ хату. Вона бы взяла зъ-заду за плечи пидъ рамена, а хто-небудь иншый за ногы и затаскалы бы въ хату. Лыше одробыны! Винъ виджые... заговорыть и все буде добре... Спишить, прыходить, люде добри!.. И зновъ обглянулася, и зновъ: хорого воликты по земли и що вже и такъ зъ свитомъ прощався—годи. Грихъ! Доволи горя, що чужынцемъ гынувъ на дорози, мовъ звирюка...

Наразъ заворушылося щось недалеко іи хаты биле на снигу. Заворушылося, видтакъ збильшылося и метнулося прямисько до неи. Розпростерло рученята мовъ въ полети—гнало якъ разъ проты неи. Мамцю... мамцю!.. я за вамы! Вона зойкнула [2]),—іи дытына, мовъ той янголъ, такъ злетила. А потимъ зъ наглого переляку ажъ задеревила... Дытына въ сорочынци и лышъ хустку закынуло на голову. Вона же въ неи одынока...

— Бижы назадъ въ хату и загорнысь!—скрычала.

Але мале не слухало. Бигло прямо до неи и вже и опынылося биля неи...

Зъ дытыною потаскала хворого въ хату и на постели своеи уложыла.

Тры дни пизнише йшла зъ ранка горстка людей зъ сусиднёго села далекою пустою толокою на ярмарокъ.

---

[1]) Малость.

[2]) Воскрикнула.

— Тай такъ...—сказавъ оденъ чоловикъ, колы зблыжылыся вже до готаря, не далеко хаты Магдалены. У Магдалены бувъ зновъ похоронъ.

— Що вы кажете, бадико?[1]) похоронъ?—клыкнула одна жинка.—Дытыну поховала?

— Ни, теперъ не дытыну.

— А хыба жъ чоловика?

— Чоловика.

— Господы Исусе Хрысте, вже и чоловика?

— Та де вже *чоловика!!*—вона *чужого* спрятала[2]). Не чулысьте?

— Та де вже чула? Що чула?... Що тамъ, бадико?

— Е!!—ажъ заспивавъ чоловикъ и засунувъ шапку на бикъ. То бануйте[3]), якъ бы булы чулы, то бы булы забиглы до Магдалены на помынкы, а такъ утратылы. А помынкы булы въ неи не абы яки. Такъ красно поховала бидного... та такы помынкы справыла—що ей де! Ничого не жалувала.

— Та якого чужого?.. Що за чужого?.. кажить, бадико, та же я, дывить, ничого не чула...

— Ну, колы не чулы, то и ваша шкода.—була спокійна видповидь.—Выбигла вона зъ хаты, абы—кажуть—поглянуты, чы собака що заедно выла коло хаты, держала голову въ дилъ, чы въ гору. А собака, якъ побачыла іи, забигла въ буду. Такъ якъ бы не хтила, абы газдыня бачыла, що вона іи хати похоронъ заповидае. Видтакъ подалася вона ище въ село, абы свитла и соли въ хату внесты, бо акуратъ выйшло и свитло и силь, та й надыбала такы недалеко своеи хаты на дорози якогось чужого розболилого чоловика, що вже геть мавъ душу свою на видходи. Тай забрала нуждаря[4]) до себе въ хату. Доглядала ёго—кажуть—якъ ридного тата свого. Доглядала, огривала, годувала,—а винъ до неи

---

[1]) Дядюшка.

[2]) Похоронила.

[3]) Пожалѣйте.

[4]) Бѣднягу.

а ни слова. Лышъ стогнавъ та й стогнавъ. А видтакъ якъ попавъ третёи ночы въ сонъ... видъ о-пивночи кажуть,—то вже и не пробудывся бильше. Перейихавъ на тамъ-той свитъ.

— Ей Боже!..

— Тай такъ.

— И не сказавъ якъ называется?

— Ни.

— А ни звидкы йшовъ?

— Ни.

— А ни куды йшовъ?

— Ничого не казавъ. Якъ на-помацкы вмеръ. И слиду одного, словечкомъ однымъ по соби не лышывъ. Гадайте разъ!

Жинка ажъ заспивала зъ зачудовання. Видтакъ зитхнула и перехрестылася. Ажъ страшно такого чоловика въ хати маты!—додала заляканымъ побожнымъ голосомъ. Хай Господь Богъ бороныть. Я бъ вмерла зъ остраху.—Хто зна що се за оденъ бувъ? Що въ ёго на души було? по людяхъ рижне ходыть, и добре и лыхе. Ни—додала вона жыво.

— Я бы була такы и въ хату не брала. Дежъ вже такъ—чужого! зъ дорогы. Разъ що зъ дорогы!...

— Ну,—видповивъ чоловикъ,—а вона, дывить, взяла, тай справыла ёму похоронъ, тай справыла ёму помынкы... тай на службу за чужу душу дала, тай и попа сама заплатыла. Яка бидна—а заплатыла. Остатній скорцыкъ [1]), кажуть, до жыда виднесла, и папъ-отцеви за похоронъ заплатыла!—Кажуть, теперъ по тимъ похорони въ іи хати, мовъ въ улыю, порожно стало. Въ ній не було и такъ багато, а теперъ що и було—пипило за умерцемъ...

-- Боже!!...

Мовчанка.

. . . .

Колы вечеромъ верталы—зустринула ихъ недалеко хаты чорнои Магдалены одна жинка и сама задержала.

---

[1]) Коверъ.

-- Люде добри!—сказала,—хоть вы незнакоми, а не мынайте, не помолывшыся, Магдаленынои хаты. Идить, вступить до неи, тай зговорить *отченашомъ* за душу померщу. Магдаленына Настунька вже покійна. Въ саме полудня сёгодня перенеслася... Люде поставалы, нибы скаменилы.

— Що вы кажете, жинко?

— Сёгодня въ полудня. Ще оногды... такы заразъ по похорони кынуло іи въ гарячку, а видтакъ мучыло, мучыло, ажъ Богъ святый не змылувався надъ нею.

Люде забидкалыся, а одна жинка ажъ рукы заломыла.

— Най Богъ бороныть. Се вже остатне въ неи було.—Якъ бысте було выдилы, що та жинка заводыла, що та жинка доказувала!—Вы бы... оповидаюча перервала и сплакала.—Якъ кровъ червона—такый бувъ въ неи жаль. Дурила—головою до стины была, крычала. Чоловикови не то що, а волосся дубомъ на голови ставало.—А іи чоловикъ поволикся мовчкы до стайни и доси тамъ лежыть.—Адже теперъ вже всёму кинець... Такъ закинчыла жинка свою оповистку и побигла кваппо дальше.

Ярмаркови занимилы.

Ишлы воны не промовляючы ни однымъ словомъ йиденъ до одного. Въ хату Магдалены не вступалы. Въ ныхъ иначе видвагу видобрало. Одно по другимъ миряло хату и мали, свитломъ переповнени, виконця, боязько цикавымъ окомъ, и пишлы дали.

— Завтра пиду!—подумало кожде зъ окрема. Ажъ по довгій, тяжкій хвыли мовчання обизвався йиденъ. Се бувъ найстаршый зъ гурту и билоголовый.

— Я вамъ кажу, люде, що отсе зъ Магдаленою щось йе, сказавъ винъ. Я іи не видъ сёгодня знаю, а зъ малку знаю. Я вамъ кажу, вона кривавытся *за грихы.* И не думайте, що за свои грихы. А ни, не гадайте, що за грихы тата або мамы. Ни. Такъ якъ воно въ неи показуется, то воно воличется вже видъ викивъ давнихъ якыхъ, а ни мы, а ни вона не памятае. За *грихы другыхъ.* Тай знайте: вона вже змалку воличе той чорный тягаръ [1]).

---

[1]) Тяжесть, тягота.

А зъ малку тому, що видъ мамы перебрала. Мама не була тутейша, и якъ куря [1]), таке мале покынула.

Слухачи зитхнулы не промовывшы ни слова.

— И все такъ выходыть—толкувавъ билоголовый дали, що въ неи все инакше, якъ у другыхъ. А дывить! Навить десь хату поставыла пидъ лисомъ, окремо видъ людей, якъ бы до нашого гурту не належала. Саме на готари. А чоловикови бидному, що за нею взявся,—а винъ добрый чоловикъ и розумный,—знаете що на старисть зъ рукамы и ногамы зайшло. Покрывыло. Тай навить—дывить—таке, якъ отся бида зъ чужымъ, ій въ пайку прыпало.—Якъ разъ коло іи хаты мусивъ винъ звалытыся. Якъ разъ вона мусила зъ хаты выйты и ёго подыбаты. Акуратъ—вона; мусила вона ёго въ хату дистаты...

— Най Господь бороныть!

Зновъ мовчанка. Симъ разомъ побожна... покирна, боязнею переповнена, мовчанка.

— Але чимъ вона теперъ похоронъ справыть, диду?—спытала знаёма вже жинка,—колы все що було въ іи хати, якъ кажуть: за «чужымъ» пишло?—Панъ-отець даромъ не сховають!

— Спродасть коривку!—видповивъ билоголовый.

— На що коривку спродаваты, колы вона и безъ грошей удасть!—обизвався йиденъ чоловикъ, що доси цилкомъ мовчкы заховувався.

— Та якъ вже безъ грошей?

— Та такъ. Видробыть. Люде зкынутся... панъ-отець почыкае... а прыйде весна—вона видробыть. Ій не першына дытыну ховаты, не бійтеся!

Жинка окынула ёго недобрымъ поглядомъ...

— Не добре угадалы вы се, бадико, що такъ кажете!—видповила вона.—Вже по тій дытыни Магдалена не стане по поляхъ сапаты! Вже колы була въ неи сыла и миць, то була,—але по чотырнадцятій вже скинчылася. Дытыною жыла и дыхала вона,—а теперъ вже все скинчылось...

---

[2]) Цыпленка.

— Якось поховають покійне, не журится!—видказавъ чоловикъ зъ легкымъ глумомъ. Хоть въ неи хата по вмерци якъ «вулей» порожня, а дытыну якось поховають...

Витеръ зирвався зъ пустои толокы дыкымъ рухомъ и загравъ широкою струею. Куды бъ не простягалась ривнына... гонывъ винъ шаленымъ лётомъ до неи и все одно розносывъ: «*За готаръ!*»... «*За готаръ!*»...

Ольга Кобылянська.

Чернивци, въ серпни 1902 р.

Украинскія колядки.

(Текстъ волынскій).

Украинскія колядки, эти обрядовыя пѣсни, заключающія въ себѣ такой обильный этнографическій матеріалъ, играющія такую большую роль въ духовной жизни нашего народа, давно привлекали мое вниманіе, результатомъ чего явилось у меня значительное собраніе записанныхъ мною пѣсенъ этого цикла. Выходъ большихъ сборниковъ пѣсенъ (Чубинск. и другихъ), гдѣ давался обширный матеріалъ для всякаго рода сопоставленій, давно натолкнулъ меня на мысли и соображенія, которыя мнѣ хотѣлось изложить въ особой замѣткѣ; но,—какъ это часто случается,—отвлекшись другими темами, я не приводила въ исполненіе своего намѣренія... Тѣмъ временемъ о колядкахъ вышло нѣсколько изслѣдованій, между прочимъ такихъ солидныхъ, какъ труды профессоровъ Потебни, Сумцова, Веселовскаго.—Моя скромная работа начала мнѣ самой казаться излишней... Но мое собраніе колядокъ пополнилось такимъ интереснымъ, на мой взглядъ, матеріаломъ, что прежде всего мнѣ жаль класть его «подъ спудъ»,—хочется вывести на свѣтъ Божій. При томъ, быть можетъ, и соображенія мои по поводу этого матеріала не будутъ совсѣмъ излишней лептой въ общей сокровищницѣ изысканій въ области нашей этнографіи, хотя бы и при наличности капитальныхъ трудовъ спеціалистовъ-ученыхъ.

Предупреждаю, однако, читателя, что въ моихъ комментаріяхъ предлагаемаго матеріала онъ не найдетъ примѣненія того метода, который получилъ теперь такое широкое распространеніе и безъ котораго не рѣшаются выпустить въ свѣтъ сколько-нибудь солидную замѣтку. Я имѣю въ виду такъ называемый у насъ фольклористическій методъ,—методъ широкаго международнаго сравненія частей матеріала,—и позволю себѣ откровенно высказать по этому поводу свою мысль, хотя бы съ рискомъ, что она покажется странной ересью.

Сравнительный методъ въ области фольклора (какъ и вездѣ) имѣетъ большія заслуги:—онъ расширилъ горизонты, указалъ множество фактовъ, указалъ связь и преемственность многихъ элементовъ, которые могли казаться изолированными, онъ побудилъ мысль и къ дальнѣйшимъ исканіямъ.

Но что́ искать и ка́къ искать?.. Въ этомъ заключается оборотная сторона пріема. Гдѣ въ каждомъ данномъ случаѣ тотъ вѣрный компасъ, который бы помогъ найти вѣрные пути отважному пловцу, бросающемуся въ это безбрежное море, называемое научнымъ фольклоромъ? Если прибавимъ, что море это не только безконечно обширно и глубоко, но еще имѣетъ множество различныхъ теченій, часто переплетающихся между собою и сбивающихъ на сторону ладью отважнаго пловца, то мы должны признать, что надо быть геніемъ для безошибочнаго слѣдованія по его путямъ! А геніи такъ рѣдки...

Оставивши метафоры и возвратившись къ изслѣдованіямъ указаннаго типа въ области народнаго творчества или вообще этнографіи, мы должны вспомнить, что многія изъ нихъ не оправдываютъ труда, положеннаго на нихъ авторами (именъ я не хочу называть): получается масса фактовъ, масса разрозненныхъ элементовъ и чѣмъ ихъ больше, тѣмъ меньше они «держатся купы»; авторъ погонится за ними по всему свѣту, «растечется по древу» генеалогическому взятаго предмета—и, въ концѣ концовъ, вы совершенно утратите явственное представленіе объ этомъ предметѣ, вамъ начнетъ казаться, что вы даже меньше знаете его, чѣмъ знали прежде...

Говорятъ:—«конечно, эта литература не для профановъ». Но для кого-же? Для нѣсколькихъ человѣкъ, составляющихъ какъ бы тѣсный цехъ спеціалистовъ? Трудно понять желаніе принадлежать къ такому цеху! Притомъ если даже рамки работы раздвигаются на столько универсально, если въ разработку предмета кладется столько эрудиціи, то и это еще не служитъ гарантіей безошибочности выводовъ спеціалистовъ-ученыхъ. Въ области филологіи наведенія могутъ быть такъ многообразны и растяжимы, что можно съ одинаковымъ убѣжденіемъ и успѣхомъ доказывать и то, и другое. (Смотри напр. споръ о Лелѣ, «божествѣ ученыхъ», въ Объясненіяхъ малор. пѣсенъ Потебни).

Да, требуется много если не геніальности, то во всякомъ случаѣ,—кромѣ учености,—много такта и чутья, чтобы выходить съ должнымъ успѣхомъ въ этихъ изслѣдованіяхъ «по требованіямъ современнаго научнаго метода».

Вотъ поэтому я и не плыву въ «безбрежное море»... и прошу читателя сразу имѣть въ виду, что я хочу остаться только въ данномъ заливѣ и показать, что̀ представляетъ онъ самъ по себѣ, an sich und für sich.

Теперь вернемся къ нашимъ колядкамъ. Относительно предлагаемаго матеріала скажу, что весь онъ—лично мною записанный [1]); затѣмъ—записанъ онъ только въ одной области, Волыни, и при томъ большая часть его—на полѣсской Волыни. Считаю, что въ извѣстныхъ цѣляхъ подаваніе этнограф. пѣсеннаго матеріала изъ одной какой-либо тѣсной области имѣетъ свое значеніе, такъ какъ онъ показываетъ наглядно, что̀ въ данной мѣстности живетъ параллельно; я была бы очень рада, если бы помѣщаемый мною теперь на страницахъ «Кіев. Стар.» волынскій матеріалъ имѣлъ такой же интересъ, какъ колядки и обряды полтавскіе, изъ одного лубенскаго уѣзда, сообщенные глубокоуважаемымъ собратомъ, г. Милорадовичемъ.

То, что записи мои сдѣланы на Полѣсьи, придаетъ имъ еще особое значеніе, такъ какъ населеніе этой мѣстности, затерянное въ

---

1) Личнымъ записямъ я придаю особое значеніе (какъ натуралистъ--личнымъ наблюденіямъ извѣстнаго явленія).

лѣсахъ и отдаленныхъ отъ новѣйшихъ вліяній уголкахъ, лучше сохранило старую пѣсенность.

Записывала я свой матеріалъ, какъ онъ мнѣ случался, въ нѣсколькихъ мѣстахъ все того же вол. полѣсья (въ новоградв., луцкомъ и ковельскомъ уѣздахъ); очень сожалѣю, что размѣры моего настоящаго сообщенія не позволяютъ мнѣ разсказать многія любопытныя частности, наблюденныя мною во время этого записыванія,—частности, характерныя для края и его населенія. Разскажу лишь о послѣдней своей нарочитой экскурсіи, въ с. Запрудье, ковельскаго уѣзда,—(изъ каковаго села и является большая часть предлагаемыхъ колядокъ стараго типа). Это было всего три недѣли назадъ, въ началѣ декабря 1902 года. Время было и подходящее для записыванія колядокъ (какъ близкое къ Рождеству), и не совсѣмъ подходящее, такъ какъ все-же былъ еще фил. постъ и можно было опасаться, что колядокъ не станутъ пѣть. Но отчего было не попробовать, разъ мнѣ приходилось быть въ Запрудьѣ именно тогда.

Село Запрудье я видала, была въ немъ лѣтомъ; но теперь оно имѣло особенно глухой видъ,—заваленное обильно выпавшимъ снѣгомъ; только деревья казались необыкновенно красивыми въ нарядѣ изъ инея. Оригинальный видъ представляла небольшая церковка (бывшая уніатская), отдѣльно стоящая за селомъ, окруженная огромными деревьями:—на одномъ изъ этихъ бѣлыхъ, сіяющихъ инеемъ деревьевъ высоко виднѣлся оставленный тамъ и на зиму большой улей съ «пчилкамы ярымы»... Тишина кругомъ, неподвижность...

Пріѣздъ мой, конечно, не имѣлъ въ себѣ ничего страннаго для жителей Запрудья, такъ какъ я находилась въ гостяхъ у знакомыхъ, «у двори». Благодаря нѣкоторымъ стараніямъ помѣщицы,—вообще ладящей съ селянами,—ко мнѣ явилась на другой день особенно знающая баба, которая и пропѣла многія колядки. Но мнѣ захотѣлось послушать ихъ еще изъ другого источника и при томъ въ самой хатѣ, въ крестьянской семьѣ.—Былъ уже вечеръ, сквозь маленькія окна вездѣ въ хатахъ свѣтился огонь,

Эти окна [1]) и придаютъ особый видъ полѣсскимъ хатамъ,—въ общемъ имѣющимъ типъ малорусскій. Дивчына «зъ двора» привела меня къ одной хатѣ по своему выбору и, такъ сказать, отрекомендовала меня. Я сразу сказала о цѣли моего прихода,—что «хочу научиться колядокъ»,—и мнѣ охотно ихъ пѣли, даже не смущаясь тѣмъ, что я тутъ же записывала ихъ.

Были ли вы, читатель когда нибудь въ «курной» хатѣ?.. Особенность ея заключается въ томъ, что печь (такая же большая, «варыстая» печь, какъ вообще въ нашихъ хатахъ), не имѣетъ при себѣ трубы, выводящей дымъ непосредственно изъ печи; вслѣдствіе этого дымъ валитъ просто въ хату,—куда ему угодно...

Въ то время, когда мы пришли, какъ разъ топилась печь. Вся большая семья была въ сборѣ; «господыня» варила вечерю, невистка и дочь пряли, дидъ лежалъ на печи (и, повернувшись головой къ хатѣ, часто подавалъ голосъ оттуда), сынъ и какой-то гость сидѣли у огня и курили трубки.

Этотъ огонь,—«свитець»,—былъ еще болѣе замѣчателенъ, чѣмъ первобытная печь!—Весь этотъ приборъ для освѣщенія хаты состоитъ въ слѣдующемъ: въ глиняный полъ вбита желѣзная каблучка (довольно массивное кольцо), въ нее вставленъ колъ, (высотою въ аршинъ), который называется «дидокъ»; когда-то «дидокъ» былъ деревцемъ, теперь у него вѣтки были обрублены при ихъ развѣтвленіи,—но не совсѣмъ, а оставлены отростки, на столько выступающіе, что на нихъ можно положить плоскій камень; на камнѣ-же (замѣняемомъ иногда кускомъ желѣза, жести) кладутъ лучины, (по преимуществу сосновыя щепки), которыя и горятъ, давая освѣщеніе хатѣ. Вотъ это все вмѣстѣ и называется «свитéць». Можно, читатель, взяться написать цѣлый томъ объ одномъ этомъ свитцѣ. Прежде всего одно названіе чего стóитъ!.. А затѣмъ—свѣтъ, очагъ, жертвенникъ, при огнѣ—культъ предковъ, («дидокъ»), желѣзное кольцо, дерево, камень и т. д., и т. д... А

[1]) Бóльшія въ ширину, чѣмъ въ высоту.

еще если прибавить подобные «свитцй» у всѣхъ народовъ и во всѣ времена!..

Говорятъ, что и въ курную хату уже проникаетъ керосиновая лампочка (кот. называется «газыльныкъ», отъ слова «газа»,—керосинъ), но ту хату, гдѣ я сидѣла, освѣщалъ «свитець».

На нѣкоторой высотѣ надъ свитцемъ устроена деревянная труба, расширеннымъ концомъ спускающаяся надъ свитцемъ, а другимъ пробивающая потолокъ, крышу и выносящая дымъ отъ свитця и печки.

Но труба эта довольно далеко отъ печки (она приходится съ-боку, близь наружной стѣны, гдѣ окна) и уноситъ лишь часть дыма; для того-же, чтобы дать выходъ остальному дыму,—открывается дверь въ сѣни и на дворъ.

Въ виду того, что дверь въ хатѣ именно такъ была открыта (а на дворѣ былъ сильный морозъ), я должна была снова надѣть шубу, которую вначалѣ сняла.

Не скажу, чтобы дымъ такъ ужъ очень мнѣ мѣшалъ,—онъ клубился вверху; только стоять я не могла, потому что тогда дымъ начиналъ ѣсть глаза. А сидѣть и писать можно было. Такъ мы сидѣли и знимались колядованіемъ. Нѣкоторыя колядки,—чтобы можно было лучше запомнить мотивъ и провѣрить записанное,—были пропѣты нѣсколько разъ.

Пѣвшіе объяснили, что на самое Рождество («на кóляду») у нихъ не поютъ колядокъ, а только передъ новымъ годомъ; называли другое село, гдѣ поютъ «щедривки» на коляду (на 1-ый день Рожд.) Вообще, я вывела заключеніе, что въ краѣ нѣтъ опредѣленнаго дня для колядованія,—колядуютъ, (или «щедруютъ») въ продолженіе всего праздничнаго времени, отъ Рождества и до новаго года (считая также и первые дни его),—гдѣ какъ придется, лишь бы на «святá». Названіе «колядки» и «щедривки», повидимому,—синонимы, да и содержаніе ихъ—одинаковое, за исключеніемъ очень небольшого числа щедривокъ, относящихся къ св. Васылю (1-му января).

Къ тому времени, какъ я кончила писать, дидъ слѣзъ съ печки, усѣлся на «полу» [1]) и вступилъ тоже въ общій разговоръ. Между прочимъ, онъ какъ-то задумчиво спросилъ:—Звидки тіи писни беруться?.. (Мы говорили уже вообще о пѣсняхъ).—Люде прыдумують,—сказала я.—А у насъ кажуть, що писни зъ моря.—Якъ зъ моря?—Такъ: есть, кажуть, таки люде, що половына людыны, а половына рыбы—и воно спива, та такъ жалибно, що не можна вытрымать!.. То ихъ убываютъ.—На що?—Яжъ вамъ кажу, що не можна вытрымать!

Вотъ, читатель, куда забрались сирены!..

Возвратясь въ Кіевъ, я имѣла свой запасъ колядокъ значительно дополненнымъ. Кромѣ внутренняго значенія колядокъ моихъ записей, меня побуждаетъ къ напечатанію ихъ еще одно обстоятельство. Много, много разъ мнѣ приходилось спорить съ случайными собесѣдниками о языкѣ, которымъ говоритъ народъ на Волыни; откуда-то возникло странное убѣжденіе, что языкъ этотъ не малорусскій, что онъ сильно «ополяченный»; даже приходится слышать такой абсурдъ, что языкъ волынскаго населенія представляетъ собою «смѣсь польскаго съ жидовскимъ». Казалось бы, есть этнографическіе сборники, въ которыхъ помѣщены волынскія пѣсни, сказки и пр., съ прекраснымъ малорусскимъ языкомъ,—нѣтъ, все таки абсурдъ повторяютъ (въ особенности, я должна сознаться, повторяютъ это мои заднѣпровскіе земляки)... Конечно, это происходитъ отъ полнѣйшаго незнакомства съ предметомъ, чтобы не сказать—невѣжества нѣкоторыхъ земляковъ, ибо можно было бы не говорить странныхъ вещей, зная хотя бы то, что правый берегъ Днѣпра является по отношенію напр. къ полтавщинѣ [2])—метрополіей; да, наконецъ, стоило бы только не ограничиваться знакомствомъ съ двумя-тремя словами, слышанными на Волыни, напр., отъ прислуги, *старающейся* коверкать языкъ въ угоду тѣмъ же «панамъ», которые её судятъ, стоило-бы отправиться въ любое волынское село—и тамъ услышать прекрасную малорусскую рѣчь. Но невѣжественныя отзывы продолжаютъ раздаваться!.. Не упу-

[1]) Т. е. на примостъ для спанья.

[2]) Самой ужъ «настоящей Малороссіи».

скаю поэтому случая и хочу напечатаніемъ именно волынскаго текста колядокъ лишній разъ доказать фактически, что языкъ волынскихъ селянъ—малорусскій и при томъ очень чистый.

Для тѣхъ, кому интересны мелкія діалектическія измѣненія, укажу напередъ нѣкоторыя фонетическія особенности полѣсскаго текста: напр. измѣненіе суфиксовъ въ словахъ «молодейкій», «донейка», перенесеніе смягченія въ такихъ словахъ, какъ «сьватый» (вмѣсто святый), отсутствіе смягченнаго слога «ря» (поэтому «радно»—вмѣсто «рядно»); нѣкоторыя другія мелочи—будутъ видны въ чтеніи текста сами собою.

Что до содержанія колядокъ, то я, конечно, совсѣмъ не думаю, что всѣ онѣ являются совершенно новыми,—напротивъ, я сама могла бы указать варіанты ихъ въ другихъ сборникахъ. Думаю, впрочемъ, что найдётся въ нихъ кое-что и совсѣмъ новое, или въ интересныхъ комбинаціяхъ. Не дѣлаю «алгебрическихъ сводокъ» и указаній, чтобы не раздроблять цѣльности впечатлѣнія выбранныхъ колядокъ, какъ извѣстной иллюстраціи.

Распредѣленіе предлагаемыхъ колядокъ зависѣло отъ моего взгляда на нихъ и отношенія къ нимъ.

Но прежде—нѣсколько общихъ положеній. Прежде всего украинскія колядки занимаютъ меня сами по себѣ. Безъ сомнѣнія, по своему происхожденію онѣ не стоятъ и не могутъ стоять совсѣмъ изолированно, такъ сказать, въ словесномъ мірѣ, въ исторіи слова,—онѣ имѣютъ во многихъ корняхъ своихъ родственную связь съ словеснымъ творчествомъ другихъ народовъ,—по міровоззрѣнію, фантазіи и даже отдѣльнымъ элементамъ (образамъ, сравненіямъ, размѣрамъ стиха и пр.). Но колядки наши имѣютъ вѣдь и свою физіономію.—Какъ разобраться во всёмъ этомъ?

Разбираться пробовали многіе. О колядкахъ, непосредственно и по касательству ихъ къ другимъ пѣснямъ, существуетъ огромная литература; но тѣмъ не менѣе вопросъ о нихъ не разъясненъ... Вопросъ, правда не легкій. Будучи во всякомъ случаѣ пѣснями очень древними и при томъ въ своемъ родѣ священными для народа и отражавшими его міросозерцаніе и творчество мысли, фантазіи на протяженіи многихъ вѣковъ, колядки наши

очень многообразны и различны по содержанію; хотя обрядовая пѣсня болѣе устойчива, чѣмъ иная, но все-же за время существованія колядокъ одинъ культъ смѣнилъ другой, двѣ религіозныя обрядности вступили въ борьбу между собою и до значительной степени переплелись одна съ другой; все это, конечно, не могло не отразиться на содержаніи и формахъ колядки,—что́, вмѣстѣ взятое, и составляетъ трудность рѣшенія вопроса о нихъ.

Къ нему подходятъ съ разныхъ сторонъ и каждый рѣшаетъ его по своей теоріи. Пожалуй, каждый бываетъ по своему правъ: въ колядкахъ такъ много всякаго рода матерьяла, что каждый найдетъ тамъ что-нибудь для себя.

Находитъ и обобщаетъ.

Благодаря этому одни находили въ колядкахъ только отраженіе старой до-христіанской миѳологіи (при чемъ одинъ ученый видѣлъ въ нихъ по преимуществу отраженіе миѳа солнечнаго, другой,—главнымъ образомъ, миѳа облачнаго и бога громовника и т. д.); иные старались наоборотъ искать въ колядкахъ по преимуществу христіанскіе мотивы и слѣды христіанской апокрифической литературы: можно было находить въ колядкахъ и слѣды реальной жизни, разсматривая ихъ какъ пѣсни историческія.

Шли споры... А между тѣмъ вопросъ значительно бы упростился, если бы приложена была къ колядкамъ—средняя мѣрка: еслибы не было то слишкомъ огульныхъ опредѣленій, между прочимъ—«малорусская колядка—серьёзна», «мал. колядки есть величаніе»—то, съ другой стороны, слишкомъ конкретныхъ разщепленій колядокъ на отдѣльные мелкіе элементы (образы, уподобленія и проч.), которые выбирались, каждый отдѣльно, по всей линіи колядокъ и штудировались конкретно; когда къ этому присоединялась еще выборка того-же образа по чужимъ источникамъ, по широкой, разрозненной международной цѣпи ихъ, то... колядка исчезала совсѣмъ, по крайней мѣрѣ исчезали типическія черты ея физіономія.

Желая показать, что́ представляютъ наши колядки сами по себѣ, какія ихъ *типическія* черты (а не одна общая черта, или многія разрозненныя черточки—элементы), я попробую раздѣлить

предлагаемыя колядки, какъ характерные образцы, на три главныхъ типа: 1) Колядка—веснянка, 2) Колядка—легенда и 3) Колядка—вирша.

При этомъ дамъ имъ всѣмъ возможность больше говорить—самимъ за себя.

Можно было бы для каждаго отдѣла дать больше матерьяла, но я думаю, что для даннаго случая достаточно дать меньше матерьяла, за то цѣльнаго и характернаго.

I.

Колядка—веснянка.

Слова—«Колядка-веснянка» звучатъ вначалѣ странно... Однако, эта странность—лишь кажущаяся. Колядка относится къ празднику Колядѣ. «Колядою», какъ мы видѣли, зовутъ и теперь праздникъ Рождества Христова на Волыни, да и въ нѣкоторыхъ другихъ украинскихъ мѣстностяхъ («Коляда», а также весь циклъ Рожд. праздниковъ, включая и новый годъ, называютъ иногда и множественнымъ именемъ—«коляды»: се було на «коляды» [1]).

Весь циклъ колядованія (съ его пѣснями и обрядностями) производятъ отъ римскихъ «календъ», сближаютъ съ праздникомъ классическаго міра,—праздникомъ (съ извѣстными обрядами и пѣснями), относившимся къ концу декабря и началу января,—началу года, «рожденію солнца», т. е. ко времени «про́весны» [2]). Г. Веселовскій ставитъ малорусскія и другія пѣсни-колядки въ преемственную зависимость отъ римскаго вліянія, поддерживая это утвержденіе фольклористическими изысканіями въ области колядокъ, указывая въ особенности на сходныя частности въ колядкахъ румынскихъ съ такими же въ колядкахъ нашихъ: (мѣна коня, бесѣда молодца съ конемъ и другія). Но дѣло въ томъ, что *сходство* еще не есть непосредственная преемственность,—

[1]) Подобно тому, какъ говоритъ наша интеллигенція—„Рождественскіе праздники“ (включая сюда рождественскую недѣлю и новый годъ).

[2]) По нѣкоторымъ источникамъ праздникъ этотъ продолжался до половины марта.

оно можетъ быть родствомъ, имѣющемъ основы болѣе отдаленныя и древнія. Въ этомъ отношеніи очень краснорѣчивыми являются изслѣдованія въ области коляднаго обихода народностей кавказскихъ,—о чемъ смотри любопытную статью Хаханова въ Этногр. Обозрѣніи (1890 г. кн. Ш. Празднованіе новаго года у грузинъ). Между прочимъ, у абхазцевъ новый годъ называется *«коланда»*, въ виду чего сходность съ римскими «календами» названій «chalendes»—у французовъ, «calendas»—у провансальцевъ, «colinda»—у румыновъ, «koleda»—у южныхъ славянъ, (всѣхъ этихъ народовъ, «находившихся подъ прямымъ или косвеннымъ римскимъ вліяніемъ»),—теряетъ значеніе, указываемое спеціалистами. Новѣйшія археологическія раскопки на Кавказѣ позволяютъ наглядно сближать данныя древней культуры народовъ, населявшихъ этотъ край въ древности, съ таковыми же данными, добытыми археологіею у насъ, въ Южной Россіи. (Не углубляясь слишкомъ въ этотъ предметъ, все же позволю себѣ указать хобя бы на посуду,—глиняные горшки,—которые можно было видѣть на харьковской археологической выставкѣ: не только форма этихъ древнихъ кавказскихъ горшковъ, но и узоры, вытѣсненные на нихъ, были *поразительно* похожи на наши). Такимъ образомъ, новѣйшія этнографическія и археологическія данныя могутъ и относительно «коляды» и «колядокъ» опровергать мнѣніе, что онѣ пришли къ намъ непремѣнно изъ классическаго міра, «вмѣстѣ съ христіанствомъ», «подъ прикрытіемъ котораго переселились и классическія обрядности, а также пѣсни» «календъ»; можно выводить преемственность въ этомъ случаѣ отъ болѣе далекихъ народовъ, но состоящихъ въ болѣе древнемъ культурномъ и иномъ родствѣ, при чемъ корни словъ и римскихъ календъ, и нашихъ колядъ и абхазской коланды окажутся сближенными въ *древнѣйшихъ* корняхъ пра-языка далекой родины—иранской.

Но возвращаясь къ вопросу, что́ собственно представляютъ наши пѣсни-колядки *теперь* и напомнивши, что въ первую, самую древнюю, группу мы ставимъ колядки-*веснянки*, должно признать, что въ этомъ ихъ характерѣ *веснянокъ* нѣтъ ничего стран-

наго, разъ всѣ «колядки» (разныхъ народовъ пѣсни съ этимъ корнемъ) относятся къ празднику, сливающемуся съ началомъ новаго года: это начало, это «рожденіе солнца», эта вѣсть о веснѣ [1]), конечно, должны будить чувство довольства, жизнерадости,—которымъ и проникнуты колядки перваго типа, колядки-веснянки. Основныя темы ихъ:—воспѣваніе красоты юности, «женыханье», «таночки», «зелени лискы», «мурижокъ», «садъ виноградъ»,—даютъ черты природы свѣтлой, язычески-жизнерадостной. Мы не согласны съ общимъ опредѣленіемъ почтеннаго проф. Сумцова (Научное изученіе колядокъ и щедривокъ) относительно «свѣтскаго сюжета идиллически-сентиментальной любви», что «въ малорусскихъ колядкахъ и щедривкахъ ничего подобнаго не встрѣчается», что «малорусская колядка серьёзна и эротическій элементъ почти не коснулся ея». Какъ *общее* для всѣхъ колядокъ это опредѣленіе не вѣрно. Но пусть указываемыя нами колядки древнѣйшаго типа, колядки-веснянки, говорятъ сами за себя. Вотъ онѣ.

№ 1.

Ой въ лиску-лиску, та й на мурижку,
Рай—Рожество!
Ой тамъ Ганнуся волыкы пасе.
Рай—Рожество! (послѣ каждаго стиха).
Прыйшло до еи тры пахолыкы:
Одно пахоля—конемъ выграе,
Друге пахоля—золоти дае,
Трете пахоля—за ручку бере.
Одному коня та й завернула,
Другому дару назадъ вернула,
Найхорищому перстенькъ дала,
Перстенькъ дала, поцилувала.
(с. Незвиръ, луцк. уѣзда).

[1]) Приходившей въ предполагаемой древней родинѣ гораздо раньше; да и у насъ вѣдь не даромъ говорятъ послѣ Рождества: «вже не къ Риздву, а къ Велыкодню»...

Сравните начальные мотивы извѣстныхъ веснянокъ: «Ой тамъ на морижку», а также: «Ой весна, весна, весняночка, Де твоя дочка паняночка? Погнала бычкы» и т. д. Приводимая колядка есть именно свѣтлая «идиллическая картинка», съ прибавленіемъ мотива «женыхання» и идеальнаго выбора. Лишь припѣвъ «Рай—Рожество» напоминаетъ, что пѣсня принадлежитъ къ циклу рожд. колядокъ (но и самый этотъ припѣвъ только по созвучію принадлежитъ къ христіанскому празднику, Рождеству Христову, а по своему происхожденію есть образъ стараго весенняго миѳа).

№ 2.

У стаинци у новейкій
Стоить коныкъ воронейкій;
Тамъ Степанко осидлае,
Изъ татойкомъ розмовляе:
— Ой, сынойку, голубойку,
Куды йидешъ?—За горойку.
За горойку, по дивойку,
Свиты, свиты, мисячейку.
Свиты, свиты, зоре ясна,
Выйды, выйды, панно красна!
Свиты, свиты, найяснища,
Выйды, выйды, найкраснища!
(Село Запрудье, ковельск. у.)

Колядка эта представляетъ тоже образецъ чистой колядки-*веснянки*!

№ 3.

Ой рано, рано куры запилы,
Святый вечоръ, куры запилы!
А ще найраній Хведорко уставъ;
Хведорко уставъ, въ звоны зазвонывъ,
Въ звоны зазвонывъ, братте побудывъ:
Вставайте, братте, бо вже й не рано,

Та пойидемо въ чыстое поле,
Въ чыстое поле, на полюванне;
Уполюемо въ полю сокилку,
Въ полю сокилку, Хведоркови дивку!
(С. Запрудье, ковельск. у.).

№ 4.

Въ зеленимъ саду, на выноградy,
Ой тамъ Хведорко коныка пасе,
Коныка пасе, на поводу водыть,
На поводу водыть, зъ конемъ говорыть:
—Ой косю, косю, продамъ я тебе!—
—Не продай мене, сидлай-но мене!—
Якъ мій кинь скочыть, копытъ не вмочыть,
А въ мого коня золота грыва,
Золота грыва, персты покрыла,
А въ мого коня шовкови хвосты,
Шовкови хвосты слидъ замитають,
Слидъ замитають, дивкы пытають.
(С. Запрудье, ков. уѣзда).

№ 5.

Ой рано-рано куры запилы,
Святый вечоръ, куры запилы!
А ще найраній Оксеня встала,
Оксеня встала, косу чесала.
На́дылась вона трое женыхивъ:
Ой едни сталы по-за садамы,
А други сталы подъ воротамы,
А трети сталы подъ синьмы зъ киньмы.
Що за садамы—тымъ одказала,
Подъ воротамы—хустойку дала,
Подъ синьмы зъ киньмы—сама молода,
Сама молода—отъ якъ ягода!
(С. Запрудье, ков. уѣзда).

№ 6.

Ой ясна-красна въ лузи калына,
Ягóдо!
Ой ягидóчко, красна панночко, Оксеню! [1])
А ще красниша у пана дочка
Ягóдо! (и т. д.).
По двору ходыть, якъ мисяць сходыть;
Ой и тожъ вона рано вставала,
Рано вставала, свичы сукала:
Пры першій свичы косу чесала,
Пры другій свичы—суконькы брала,
Пры третій свичы до свитлоньки йшла.
До свитлоньки йшла, якъ зоря зійшла;
Въ свитлоньку ввійшла,—панычи сыдять,
Панычи сыдять, шапци знимають,
Шапци знимають, еи пытають:
—Ци ты царивна, ци короливна?
—Я-жъ не царивна, не короливна,
Я въ батька дочка,—якъ паняночка!
А за цымъ словомъ сьваткуй здорова,
Сама собою и зъ своимъ родомъ!
(С. Запрудье, ков. уѣзда).

№ 7.

Ой въ лиску, лиску, на жовтимъ писку,
Святый вочоръ, на жовтимъ писку!
Тамъ пава ходыла, пирье ронила,
Панна [2]) ходыла, пирье збирала,
Пирье збирала, въ хвартушокъ клала,
Зъ хвартушка брала,—виночка вьıла,
Виночка звыла, въ таночокъ пишла.

---

[1]) Повторяется послѣ кажаго стиха.
[2]) Или же вставляется имя дѣвушки.

Прыйшовъ до еи татойко еи:
— Ой часъ, донейко, часъ до домоньку!—
— Постій, татойку, танця доведу,
Танця доведу, до-дому пиду!—
Танця довела, до-дому не пишла.
Прыйшла до еи матинка еи:
— Ой часъ, донейко, часъ до-домоньку!—
— Постій, матинко, танця доведу,
Танця доведу, до-дому пиду.—
Танця довела, до-дому не пишла. [1])
Прыйшовъ до еи мыленькій еи:
— Ой часъ, мыленька, часъ до-домоньку!..
— Постій, мыленькій, танця доведу!—
Танця доведу, до-дому пиду!—
Танця довела, зъ мыленькымъ пишла.
(С. Запрудье, ков. уѣзда).

№ 8.

Жала Ганнуся шовкову траву по зóри,
Гей по зóри, по мисяцеви ясному!
Та й загубыла золотый перстень по зóри,
Гей по зóри, по мисяцеви ясному! [2])
Клыкала вона свого батенька по зóри;
Батенько прыйшовъ, перстня не знайшовъ по зóри,

—

Жала Ганнуся шовкову траву по зóри,
Та й загубыла золотый перстень по зóри.
Клыкала вона свою матинку;
Матинка прыйшла, перстня не знайшла [3]).

—

[1]) За тѣмъ поется о такомъ-же безуспѣшномъ приходѣ брата, сестры.

[2]) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

[3]) Далѣе такой-же безуспѣшный приходъ брата, сестры.

Жала Гаппуся шовкову траву по зòри,
Гей, по зори, по мисяцеви яспому!
Та й загубыла золотый перстень по зòри,
Гей, по зори, по мисяцеви яспóму!
Клыкала вопа свого мылого по зòри,
Гей, по зòри, по мисяцеви ясному!
Шукай, мыленькій, шукай перстеня по зòри,
Гей, по зòри, по мисяцеви ясному!
Мыленькій прыйшовъ, перстеня знайшовъ по зòри,
Гей, по зòри, по мисяцеви ясному!
(с. Незвиръ, луцкаго у.).

Этотъ мотивъ предпочтенія милаго, бóльшаго успѣха его у дѣвушки, сближаетъ колядки-веснянки съ нѣкоторыми свадебными пѣснями; близость эта уже давно бросилась мнѣ въ глаза при записываніи свадебныхъ пѣсенъ на Волыни. Приведу примѣръ очень красивой пѣсни[1]), которую поютъ невѣстѣ дружки. Начинается она такъ;

Пишла Маруся у садъ-виноградъ зеленый:
— Хто жъ мене знайде въ симъ виногради,
Зъ тымъ сяду й на посади!—

Далѣе,—такъ-же, какъ въ приведенныхъ колядкахъ,—поётся о томъ, что приходятъ отецъ, мать и другіе, но никто дѣвушки не находитъ; въ концѣ-же её находитъ милый. Мотивъ несомнѣнно—сходный; но это было все-же лишь сходство *главнаго* мотива, для котораго сложилась пѣсня;—въ послѣднюю-же мою экскурсію (въ ков. уѣздѣ) мнѣ попалась колядка, которая поразила меня *полнымъ* сходствомъ съ давно записанной мною, въ другомъ мѣстѣ Волыни, свадебной пѣснею.

Вотъ эта колядка, которая можетъ идти слѣдующимъ по порядку номеромъ, такъ какъ она принадлежитъ къ тому-же первому типу колядокъ-веснянокъ:

---

[1]) Изъ новоградволынскаго уѣзда.

№ 9.

Ой литала чорна галка по полю,
А за нею сывый соколонько зъ прозьбою:
— Ой постій, постій, чорна галко, ты-жъ моя..!
Вона-жъ ёму стала одщебетала: не твоя!
Иды соби, шукай соби чорнищеи галкы, якъ есть я!—
— Облитавъ же я чотыри лисы, въ пьятому есть,
Не знайшовъ же я чорнищеи галци, якъ ты есть!—

***

Ой ходыла красная панна по двору,
А за нею красный панычыкъ зъ прозьбою:
— Ой, постій, постій, красная панно тыжъ моя!—
Вона-жъ ёму стала одповиджала,—не твоя!
Иды соби, шукай соби, хорищеи панны, якъ есть я!—
— Обйиздывъ же я чотыри сели, въ пьятому есть,
Не знайшовъ же я хорищеи панны, якъ ты есть!—
(с. Запрудье, ков. у.).

Такова колядка, записанная въ ковельскомъ уѣздѣ, а вотъ свадебная, изъ новоградволынск. уѣзда (м. Мирополя):

Ой литае чорна галочка по полю,
А черкае крылечкамы по долу.
Ой то-жъ вона не крылечкамы черкала,
Ой то-жъ вона своге сокола шукала:
— Ой полынь, полынь, сывъ соколоньку видъ мене,
Може ты знайдешъ чорнишу галку за мене.—
Ой вжежъ бо я чотыри лисы облитавъ,
А чорнишои за тебе галкы й не выдавъ.

Ой ходыла молода Ганнуся по двору...
Ой тожъ вона не словечкамы картала,
Ой тожъ вона свого мылого пытала:
— Ой пойидь, пойидь, ты мій мыленькій [1]) одь мене,

[1]) Или же вставляется имя жениха.

Може ты знайдешъ кращую дивку за мене!—
— Ой вжежъ бо я уси стороны обійизжавъ,
Кращои дивкы, якъ ты, Ганнусю, не выдавъ.

—

Надѣюсь, сходство обѣихъ пѣсенъ—очевидное: та-же основная тема, тѣ-же образы, почти тѣ-же слова. Несомнѣнно, обѣ пѣсни относятся къ одному циклу, одному и тому же настроенію, или побужденію, создавшему ихъ.

Если вдуматься въ предметъ, то даже перестаетъ казаться странною близость колядокъ древнѣйшаго типа, колядокъ-веснянокъ, съ пѣснями свадебными. Кромѣ того что онѣ [1]) представляютъ олицетворенія стараго миѳа,—и тамъ и тамъ, такъ сказать, ситуація—та-же самая: торжество юности, любви, избранія; то-же чувство довольства, сознанія красоты, силы—со стороны «избранныхъ» и восхваленіе ихъ ближайшими, переходящее въ *величаніе:*—въ веснянкахъ-колядкахъ по случаю праздника, имѣющаго своей древней основой «рожденіе солнца», новаго года, весны, въ свадебныхъ—по случаю торжества, вѣнчающаго союзъ «молодыхъ», избраніе «найкращои», «наймылищого».

Однако близость древнихъ колядокъ къ свадебнымъ сильно подрываетъ идею происхожденія колядованія отъ римскихъ календъ: съ послѣдними наши свадебныя пѣсни не обязаны имѣть общность, если же имѣютъ общіе мотивы съ колядками, то, значитъ, относятся къ культу, въ которомъ потонутъ и римскія календы... какъ въ болѣе древнемъ, арійскомъ.

Таковы колядки 1-го, древнѣйшаго типа. Конечно, въ нихъ, какъ сказано, можно находить образы стараго миѳа. Въ приведенныхъ колядкахъ укажемъ, напр., на главнѣйшій:—сравненіе дѣвушки съ мисяцемъ и зорею, въ чемъ можно видѣть олицетвореніе утренней зари; но не погоня за этими признаками занимала меня: увлекшись разыскиваніемъ того-же образа и подобныхъ ему [2]) вообще въ колядкахъ, а за тѣмъ вообще въ нашихъ пѣс-

[1]) Какъ колядки-веснянки, такъ и свадебныя, въ нѣкоторыхъ мотивахъ.

[2]) Перстень, вѣнокъ, садъ-виноградъ и др.

ніяхъ, далѣе въ сказкахъ, пословицахъ, загадкахъ, можно было растеряться въ подробностяхъ и—остаться при одной массѣ подробностей; меня занимало и побуждало сдѣлать главную внутреннюю характеристику извѣстнаго разряда пѣсенъ, отдѣляемыхъ мною въ особый типъ по ихъ характерному внутреннему содержанію и настроенію, ихъ проникающему.

Конечно, путемъ сравненія отдѣльныхъ признаковъ опредѣляется и *общая* характерность пѣсенъ; при фольклорномъ методѣ могутъ выясниться и особенности, *отличающія* пѣсни одного народа отъ пѣсенъ другого. Въ этомъ отношеніи—наприм. въ разысканіи г. А. Веселовскаго, гдѣ онъ говоритъ о румынскихъ колядкахъ, меня заняло не то, что и въ нашихъ колядкахъ, и въ румынскихъ молодецъ сѣдлаетъ коня, и тамъ и тамъ разговариваетъ съ нимъ, а то, что румынскія колядки имѣютъ гораздо болѣе страстный характеръ, т. е. обстоятельство относящееся къ общему характеру пѣсенъ. Я не соглашаюсь съ г. Сумцовымъ, что любовный элементъ въ нашихъ колядкахъ «почти совсѣмъ отсутствуетъ», я говорю, что онъ служитъ даже *основою* колядокъ-веснянокъ, но формы выраженія въ нихъ этого чувства—другія, чѣмъ въ румынскихъ колядкахъ, а потому и общій характеръ получается—своеобразный. Малорусская пѣсня въ выраженіи любовнаго чувства и восхищенія тѣлесной красотой любимаго лица—вообще очень сдержана и эстетична (не даромъ эта «цѣломудренность чувства» и его выраженія была замѣчена такъ давно, такимъ художникомъ какъ Гоголь и критикомъ-эстетикомъ Боденштетомъ). Какъ часто для вызова въ воображеніи милаго образа наша любовная пѣсня вспоминаетъ лишь о «чорныхъ бривонькахъ»...

Эта главная черта пѣсеннаго выраженія любовнаго чувства нашимъ народомъ служитъ между прочимъ причиною тому, что и въ разрядѣ колядокъ, который можно было бы назвать пѣснями любовными,—въ колядкахъ-веснянкахъ,—нѣтъ выраженія «вакхической» страстности.

Возникши на общей древнѣйшей почвѣ языческой жизнерадости и обрядности въ честь рожденія весны, украинскія колядки-веснянки представляютъ собою тѣ наши весенніе цвѣты

«прôлиски», которыя не имѣютъ остраго запаха, но плѣняютъ своей наивной красотой и свѣжестью.

Останавливаясь на эстетической сторонѣ колядокъ-веснянокъ я хочу сказать о музыкальныхъ мотивахъ, на которые онѣ поются. Но прежде два слова вообще о музыкѣ пѣсенъ съ точки зрѣнія этнографической. Очень жаль, что наши этнографы сравнительно мало обращаютъ вниманія на эту сторону дѣла: музыкальный мотивъ есть душа пѣсни, и хотя, конечно, можно и безъ нея разсѣкать части пѣсни аналитическимъ ножемъ, но въ полности характера пѣсни мы не можемъ знать, не слыхавъ, что говорила она своею душой,—мелодіей. Можно съ увѣренностью сказать, что кто никогда не слыхалъ старой украинской думы въ пѣніи кобзаря (или же лица, точно перенявшаго кобзарское исполненіе думы), тотъ не будетъ имѣть полнаго понятія о думахъ.

Въ извѣстной степени это можетъ относиться и къ другимъ характернымъ пѣснямъ. Я не смѣю ставить себя въ примѣръ для подражанія, но должна сказать, что мнѣ всегда была очень полезна привычка непремѣнно запоминать также мелодію пѣсни, которая почему-либо казалась мнѣ интересной по содержанію и стоющею записыванія. Очень сожалѣю, что предлагаемыя вниманію читателя колядки являются безъ музыкальныхъ мотивовъ:—они вполнѣ подтвердили бы мою характеристику этихъ пѣсенъ. Мелодіи этого типа колядокъ не имѣютъ въ себѣ ничего «набôжнаго», это мелодіи быстраго темпа, свѣтлыя, игриво-веселыя; изъ нихъ особенною красотою отличаются мелодіи номеровъ 6-го и 8-го.

Но не одними только идиллическими и любовными мотивами исчерпывается содержаніе колядокъ древнѣйшаго типа, колядокъ-веснянокъ: въ нихъ говорится о подвигахъ удальства, войны. Мы не найдемъ въ этомъ ничего удивительнаго, если припомнимъ, что и въ настоящихъ, такъ сказать, безспорныхъ веснянкахъ,—въ пѣсняхъ весняныхъ «танковъ», поется о тѣхъ же подвигахъ.

Антоновичъ и Драгомановъ, комментаторы «Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа», были правы, когда брали какъ «историческій» матеріалъ нѣкоторыя веснянки и колядки; по-

жалуй, можно оспаривать принадлежность нѣкоторыхъ упоминаній извѣстнымъ историческимъ личностямъ и событіямъ, но указанія комментаторовъ на существованіе въ этихъ пѣсняхъ нѣкоторыхъ *бытовыхъ* черть дружиннаго и княжескаго періода нашей исторіи были вѣрны: сюда относятся сборы на войну, рады, снаряженіе лодокъ, поединки, осада и пр. Хотя и въ этихъ пѣсняхъ *основа* чувствуется—древне-мифическая...

По самой сущности весеннихъ пѣсенъ, повидимому, нѣтъ ничего страннаго, если въ нихъ упоминаются или даже восхваляются юношескіе подвиги удали, силы, чувствуемой и возвеличаемой; при томъ эти подвиги связываются и съ элементомъ любовнымъ.

Въ № 3-мъ нашихъ колядокъ-веснянокъ можно такимъ образомъ усматривать, пожалуй, намёкъ на «умыканіе»... (Молодецъ зоветъ дружину, чтобы «уполювать» дѣвушку)[1]. А вотъ колядка того же типа, обращенная къ дѣвушкѣ, но восхваляющая не красоту ея, а мужественность и воинственность:

№ 10.

Була вдова блызько двора,
Рай—Рожество!
Мала вона тры доненькы,
Рай—Рожество [2])!
Една доненька—Ганнусенька,
Друга донепька—Костусенька
Третя донейка—Настусенька,
— Ой, мое дыте, а Ганнусенько,
Пойидь, пойидь а на войноньку!—
— Моя матинко, а голубонько,
Я на войноньку не пойиду:
Я не вмію коня сидлаты,
А на ёму та й пойихаты.—

[1]) Въ то-же время этотъ мотивъ есть въ приговоркахъ сватовъ.
[2]) Припѣвъ послѣ каждаго стиха.

— Ой, мое дыте а Костусенько,
Ой пойидь, пойидь а на войноньку!—
(отвѣчаетъ тоже отказомъ).
Ой мое дыте а Костусенько,
Пойидь, пойидь а на войноньку!—
Моя матинко-голубонько,
Я на войноньку та й пойиду:
Я вмію коня осидлаты,
А на ёму та й пойихаты.—
Маты дочку уряджала,
Уряджаючы, научала:
Мое дыте а Настусенько,
Пойидь, пойидь на войноньку!
Навпередъ війська не выбывайся,
Назадъ війська не оставайся:
Навпередъ війська—намовонька,
А назадъ війська – погононька,
Насередъ війська—розмовонька.—
Вона матинкы не послухала,
Напередъ війська выйихала,
Ой выйихала, ще й выкрыкнула,
Шабелькою та вымахнула.
(с. Облапы, ков. уѣзда).

Этотъ мотивъ во многихъ сборникахъ является въ примѣненіи къ молодцу[1]). Совѣтъ матери есть общее мѣсто, встрѣчается и въ бытовыхъ пѣсняхъ; оригинальность этой колядки (рѣдкой, но въ этнографіи извѣстной, по мотиву), заключается въ томъ, что въ ней дѣйствующими лицами являются однѣ женщины и что отважнымъ воиномъ является—дѣвушка. Чѣмъ не «поляница», Амазонка, Валькирія?...

---

[1]) Желающіе гоняться за нимъ имѣютъ обширное поле въ сборникахъ Чубинскаго, Головацкаго и другихъ.

Таковы черты колядокъ древнѣйшаго типа, колядокъ-веснянокъ. Онѣ имѣютъ свои корни, которыхъ надо искать въ младенческой жизни народовъ, свои образы, утратившіе теперь для поющихъ свой первоначальный смыслъ, но все еще живущіе въ словѣ [1]), свои общія мѣста. Но моей задачей не было останавливаться на этой сторонѣ дѣла, меня занимала, такъ сказать, психологія этихъ пѣсень и потому лишь къ этой области и относилась какъ характеристика ихъ, такъ и сближеніе.

Олена Пчилка.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

1) Какъ образы, имѣющіе реальныя формы.

Къ біографіи Н. А. Некрасова.

Въ настоящее время, въ виду 25-лѣтія со дня смерти поэта Н. А. Некрасова (27 декабря), имя его привлекаетъ къ себѣ особенное вниманіе.

Въ журналахъ появляются статьи, посвященныя ему и его поэзіи, въ газетахъ сообщается о предполагаемыхъ въ городахъ чествованіяхъ памяти поэта; біографіи поэта возстановляются.

Случай доставилъ намъ въ руки метрическую выпись о вступленіи въ бракъ отца Н. А. Некрасова, которую мы считаемъ не лишнимъ опубликовать.

Этотъ документъ даетъ, кажется, возможность восполнить нѣкоторые пробѣлы и неточности біографическихъ подробностей.

Въ біографическомъ очеркѣ, приложенномъ къ однотомному собранію сочиненій Н. А. Некрасова изд. 1882 года, говорится, что Алексѣй Сергѣевичъ Некрасовъ «женился на старшей дочери его (Закревскаго) Александрѣ Андреевнѣ, противъ воли родителей». То же сказано и у. Г. Скабичевскаго въ очеркѣ «Николай Алексѣевичъ Некрасовъ». (Сочиненія Т. II. стр. 331). Третій авторъ, Г. П. Гриневичъ, въ статьѣ, посвященной Некрасову, «Муза мести и печали», напечатанной въ ноябрьской книжкѣ «Русскаго Богатства», говоритъ: «Въ точности не знаютъ даже, гдѣ онъ родился, какъ звали его мать (по однимъ свѣдѣніямъ Александрой, по другимъ—Еленой)».

Метрическая выпись изъ церковной книги мѣстечка Юзвинъ, винницкаго уѣзда, подольской губерніи, устанавливаетъ имя матери—Елена: подъ этимъ именемъ, какъ мы видимъ, она записана въ метрическую книгу.

Далѣе г. Гриневичъ говоритъ (стр. 17), что мать Н. А. Некрасова была «полька по воспитанію, религіи и языку». Въ метрической книгѣ, какъ видно, Елена Андреевна Закревская значится вѣроисповѣданія «грекороссійскаго».

Эта же метрическая выпись вызываетъ нѣкоторыя недоумѣнія при сопоставленіи съ имѣющимися у меня подъ руками біографическими очерками.

Г. Скабичевскій, говоря о несогласіи родителей на бракъ дочери ихъ съ отцомъ Некрасова, вдается въ подробности и говоритъ: «Тогда, не долго думая, Алексѣй Сергѣевичъ увезъ свою возлюбленную прямо съ бала и обвѣнчался съ нею по дорогѣ въ свой полкъ».

Какимъ же образомъ, экспромтомъ увезенная съ бала дочь польскаго магната», игравшаго въ Варшавѣ «видную роль», оказалась во время вѣнчанія «грекороссійскаго исповѣданія»? Если предположить, что она приняла православіе предъ вступленіемъ въ бракъ, то это не сходится съ экстреннымъ вѣнчаніемъ по пути въ полкъ.

«По однимъ извѣстіямъ—въ Варшавѣ, а по другимъ—въ херсонской г., онъ (отецъ Н. А.) случайно познакомился съ семействомъ богатаго польскаго магната, Андрея Закревскаго, и женился на старшей дочери его Александрѣ Андреевнѣ, противъ воли родителей» [1]).

Бракъ въ глухомъ мѣстечкѣ Юзвинѣ, расположенномъ въ 18 верстахъ отъ г. Винницы, бракъ противъ воли родителей, уводомъ невѣсты, повидимому ясно показываетъ, что Закревскіе жили не такъ ужъ далеко, вѣроятно не въ херсонской губерніи и ужъ, конечно, не въ Варшавѣ. Трудно предположить, чтобы изъ Варшавы или Херсонщины везъ А. С. Некрасовъ свою невѣсту, чтобы повѣнчаться въ какомъ-то мѣстечкѣ Юзвинѣ; вѣроятнѣе предположить, что Закревскіе были помѣщиками подольской губерніи.

[1]) Біограф. очеркъ при изд. 1882 г.

Не буду вдаваться въ область гаданій, но считаю не лишнимъ привести имѣющіяся подъ руками справки о Закревскихъ, помѣщикахъ подольской губерніи.

Въ «Трудахъ Подольскаго Епархіальнаго Статистическаго комитета, выпускъ IX. Приходы и церкви Подольской Епархіи», имѣются слѣдующія свѣдѣнія о Закревскихъ.

Какой то Закревскій въ XVI и XVII в.в. владѣлъ с. Котлубаевцами, каменецкаго уѣзда, расположенномъ въ 7 верстахъ отъ г. Каменца. (стр. 472).

Генералъ Закревскій (Закржевскій) въ 1817 году былъ пожалованъ на 12 лѣтъ слѣдующими селеніями, ушицкаго уѣзда: с. Бахтынъ (стр. 975), с. Вороновцы (стр. 977) и с. Петриманы (стр. 990).

Какой то Закревскій въ XVI в. владѣлъ с. Соколецъ, ушицкаго уѣзда.

Титулярный совѣтникъ Игнатій Закржевскій (Закревскій) показанъ владѣльцемъ с. Берестяги, гайсинскаго у. (стр. 362).

Нѣкто Михаилъ Закревскій названъ «осадчимъ той слободы» (основателемъ), впослѣдствіи села Разношинцы, балтскаго уѣзда. (стр. 90).

Предположеніе о близости Закревскихъ къ мѣсту совершенія брака подтверждается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что поручителями записаны однополчане Некрасова,—генералъ-маіоръ Шекацкій, капитанъ Аліонка и штабсъ-капитанъ Визинскій, и что въ м. Юзвинѣ, или вблизи него, былъ расположенъ полкъ, гдѣ служилъ А. Некрасовъ, и, конечно, это мѣстечко было не слишкомъ далеко отъ мѣста жительства Закревскихъ.

Метрическая запись о бракѣ отца Некрасова въ м. Юзвинѣ, въ связи съ указаніемъ біографовъ, что «Н. А. родился еще во время походной жизни отца въ 1821 году 22 ноября, въ подольской г., винницкомъ уѣздѣ, въ какомъ то еврейскомъ мѣстечкѣ». дала поводъ предположить, что не въ томъ ли Юзвинѣ родился поэтъ. Но просмотрѣвъ метрическую книгу о родившихся Юзвинской церкви, съ 1817 года по 1827 годъ, я не нашелъ въ ней записи о рожденіи поэта. Нынѣшній священникъ м. Юзвина, о.

Ятвинскій, любезно откликнувшійся на просьбу дать справки о рожденіи поэта, пишетъ, что «не разъ уже забирались самыя точныя справки, и теперь провѣрены метрическіе акты съ 1818 г., со дня бракосочетанія отца поэта, за двадцать лѣтъ. Вопросомъ этимъ Юзвинскій приходъ больше всѣхъ интересуется, но поэтъ, видно, здѣсь не родился».

Такимъ образомъ, имѣющіяся у насъ данныя не даютъ возможности установить съ точностью мѣсто рожденія поэта, но можно предположить, что онъ родился дѣйствительно въ подольской г., винницкомъ уѣздѣ, какъ говорятъ біографы его, такъ какъ со времени вступленія А. С. Некрасова въ бракъ въ м. Юзвинѣ (11 ноября 1817 года) и до дня рожденія поэта (22 ноября 1821 г.) прошло всего четыре года. За это время А. С. Некрасовъ изъ полка не ушелъ, такъ какъ онъ вышелъ въ отставку, дослужившись до чина капитана, а полкъ, стоявшій въ 1817 г. несомнѣнно въ винницкомъ уѣздѣ подольской г., врядъ ли ушелъ оттуда далеко.

Впрочемъ, та же метрическая выпись о бракѣ даетъ намъ въ руки нить къ розысканію мѣста рожденія поэта. Какъ видно изъ разсматриваемаго документа, отецъ Некрасова служилъ въ 28-мъ Егерскомъ полку. Но 28-й Егерскій полкъ въ 1833 году вошелъ въ составъ 67-го Тарутинскаго полка (См. Энциклопедію военныхъ и морскихъ наукъ, Т. V. 11, стр. 441), нынѣ расположенномъ въ г. Красноставѣ, люблинской г. Вѣроятно, въ Тарутинскомъ полку сохранился архивъ его предка, и тамъ найдется и послужной списокъ отца поэта и приказъ по полку о занесеніи въ послужной списокъ, на основаніи метрической выписи, его сына Николая Алексѣевича, а по этому приказу можно узнать, гдѣ было совершено крещеніе. Въ архивахъ полка, а, если составлена уже исторія полка, то и въ этой исторіи, можно узнать, гдѣ квартировалъ 28-й Егерскій полкъ въ періодъ времени отъ 11 ноября 1817 года по 22-е ноября 1822 года.

Такимъ образомъ, доставленная намъ метрическая выпись о вступленіи въ бракъ отца поэта Н. А. Некрасова даетъ возможность вполнѣ точно выяснить мѣсто рожденія его и изъ біогра-

фіи будетъ вычеркнуто «какое то еврейское мѣстечко», винницкаго уѣзда, подольской г., а будетъ опредѣленно указано это мѣстечко, а мы, винничане, быть можетъ, будемъ присутствовать и принимать участіе въ открытіи какого-либо образовательнаго учрежденія (школы, библіотеки-читальни) на мѣстѣ рожденія дорогого намъ поэта скорби народной.

К. Оберучевъ.

Г. Винница 5-го декабря 1902 года.

ВЫПИСКА

изъ Книги, данной Подольской Епархіи изъ Винницкаго духовнаго правленія Винницкаго повѣта мѣстечка Юзвина Успенской церкви священно - и церковно-служителямъ для записки въ оной на основаніи духовнаго регламента 29 пункта и Святѣйшаго Правительствующаго Синода 1802 года маія 16 дня указа въ томъ приходѣ бракосочетавшихся.. 1815 года сентября 25 дня».

Часть вторая о бракосочетавшихся въ 1817 году. Стр. 1-я: Двадцать восьмого Егерскаго полка третей Брыгады Адъютантъ Поручикъ Алексій Сергіевъ сынъ Некрасовъ грекороссійскаго исповѣданія, Титулярнаго Совѣтника Андрея Семеонова Закревскаго съ дочерью дѣвицею Еленою тогожъ исповѣданія по учиненіи въ церквѣ предъ народомъ троекратныхъ извѣщеній и по взятіи указаннаго обыска винницкимъ Повѣтовымъ Протоіереемъ Петромъ Вилентіемъ первымъ бракомъ вѣнчаны. Юзвинской части Благочинный Іерей Григорій Скалскій.

Поручители были того-жъ полка Генералъ-Маіоръ Шекацкій. Капитанъ 'Аліонка, штабсъ-капитанъ Визинскій.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Священникъ Фока Назарьевичъ Струтинскій и его полемическая замѣтка противъ „Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“. Священникъ Ф. Н. Струтинскій—это одно изъ самыхъ замѣчательныхъ сельскихъ духовныхъ лицъ Кіевщины въ 1-ю половину XIX в.—Родился онъ въ 1805 г., въ с. Красномъ Лѣсѣ, васильковскаго уѣзда, кіевской губерніи и былъ сыномъ тамошняго священника о. Назарія. Въ малыхъ лѣтахъ лишился отца и воспитывался въ старой кіевской академіи—въ бурсѣ, т. е. на казенный счетъ; но окончилъ курсъ ученія уже въ кіевской духовной семинаріи въ 1827 г. въ числѣ лучшихъ студентовъ ея. Былъ сначала учителемъ въ Кіево-Подольскомъ духовномъ училищѣ—до 1831 г., а затѣмъ, женившись на дочери умершаго протоіерея села Гореничъ, кіевскаго уѣзда (въ 25 верстахъ отъ Кіева), Аннѣ Васильевнѣ Мощинской, за которою былъ предоставленъ этотъ приходъ,—онъ посвященъ былъ во священника церкви села Гореничъ—и прожилъ на этомъ мѣстѣ до самой кончины своей, послѣдовавшей въ декабрѣ 1854 г.

У о. Фоки Струтинскаго былъ природный литературный талантъ. Но такъ какъ въ то время негдѣ было проявиться ему, ибо тогда на печатное слово смотрѣли очень боязливо въ духовной средѣ, и поэтому лица даже съ высшимъ, духовно-академическимъ образованіемъ рѣдко печатали свои труды, то о. Фока самъ создалъ себѣ органъ для проявленія бывшей у него потребности высказываться письменно именно—онъ сталъ вести дневникъ и записывалъ въ него не только факты своей обыденной жизни, свои наблюденія, мысли и чувства, но

и свои чисто литературныя произведенія, которыя любилъ излагать преимущественно въ стихахъ не только русскихъ, но и малорусскихъ. Дневникъ этотъ онъ началъ вести еще будучи учителемъ въ Кіевѣ и затѣмъ безостановочно продолжалъ его все остальное время жизни, и въ немъ—въ этомъ дневникѣ—нѣтъ записей только за дня три до кончины его трудолюбиваго и талантливаго автора...

Дневникъ о. Фоки Струтинскаго въ числѣ семи большихъ томовъ хранился сначала у вдовы его, Анны Васильевны; а послѣ ея смерти хранится у дочерей его. Благодаря добротѣ покойной Анны Васильевны Струтинской и ея дочерей, въ особенности Настасіи Фокичны Кисилевичъ и Александры Фокичны и Ольги Фокичны Струтинскихъ,—мы въ 70-хъ годахъ получили возможность изучить этотъ дневникъ обстоятельно и сдѣлали изъ него большія выдержки, напечатанныя въ петербургскомъ историческомъ журналѣ, нынѣ прекратившемся,—«Древняя и Новая Россія» за 1880 и 1881 годы. Тамъ же мы сообщили и довольно подробныя біографическія свѣдѣнія объ авторѣ дневника, на основаніи его собственныхъ признаній и воспоминаній. Въ числѣ послѣднихъ особенно много чертъ для характеристики бытовой школьной жизни автора въ старой кіевской академіи и затѣмъ въ семинаріи, а также для біографіи его начальниковъ и наставниковъ.

По нашему мнѣнію, дневникъ о. Фоки Струтинскаго во всемъ своемъ объемѣ, представляетъ драгоцѣнный матеріалъ для бытовой исторіи нашего сельскаго духовенства и крестьянства въ первую половину XIX в.—Въ особенности важны факты изъ исторіи панщины... Недаромъ бывшій редакторъ «Древней и Новой Россіи» П. А. Гильдебрандтъ говорилъ, что дневникъ Струтинскаго слѣдуетъ печатать цѣликомъ, а не въ отрывкахъ, подобно тому, какъ напечатаны Записки Болотова... Объ этомъ писалъ намъ изъ С.-Петербурга Иванъ Даниловичъ Павловскій, тоже замѣчательнѣйшій литературный труженикъ, къ сожалѣнію скончавшійся во цвѣтѣ лѣтъ—(26 апрѣля 1881 г. на 30 г. жизни) близъ Полтавы, въ Лонощинскомъ погостѣ, гдѣ онъ проводилъ послѣдній годъ жизни у своего дяди-священника, удрученный тяжелою болѣзнію послѣ неимовѣрныхъ трудовъ по редактированію «Церковно-Общественнаго Вѣстника»...

Итакъ, повторяемъ, весь запасъ своихъ богатыхъ дарованій о. Фока изливалъ въ своемъ дневникѣ. Но разъ онъ попробовалъ написать статейку для печати—именно для Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдо-

мостей. Въ 40-хъ и 50-хъ годахъ прошлаго вѣка рѣдко кто изъ сельскихъ священниковъ осмѣливался посылать свои статьи въ Кіевскія Губернскія Вѣдомости. Съ 1856 г., со времени общаго обновленія Россіи, такихъ смѣльчаковъ явилось больше... Но до этого времени, насколько мы знаемъ, только имя бердичевскаго протоіерея о. Михаила Дашкевича можно было иногда встрѣчать на страницахъ губернскаго органа. О. Михаилъ Дашкевичъ любилъ исторію Малороссіи и печаталъ иногда статьи между прочимъ о малороссійскихъ козакахъ. Вотъ по поводу одной статьи о. протоіерея и написалъ свою очень остроумную замѣтку о. Фока Струтинскій. Но, какъ видно, она осталась не напечатанной, и даже не была и послана въ редакцію. Не рѣшился, должно быть, отецъ Фока Назарьевичъ, хотя подписалъ ее псевдонимомъ: *Ка. Фо.* Такое тогда было время!...—Вотъ эта статейка, которую мы списали съ подлинника.

ЕПИФОНЕМА

по прочтеніи замѣчанія Редакціи Губерскихъ Вѣдомостей къ замѣчаніямъ, присланнымъ отъ протоіерея Дашкевича, помѣщеннымъ въ 16 № (1846 г.) на стр. 146-й.

Similis simili gaudet! Сирѣчъ: Бездна бездну призываетъ! Или: Воронъ ворону глаза не выклюетъ! А по просту, по-наськи: Насьміялась верша зъ болота!...

Редакція, щелкнувъ усерднаго соревнователя, приславшаго свои замѣчанія на «Историческое обозрѣніе города Канева», незнаніемъ ортографіи, послѣ проявляетъ свою признательность почтенному отцу протоіерею за его участіе въ раскрытіи истины... Слуга покорный!... Это очень щекотливо должно показаться не только о. протоіерею, но и всѣмъ знающимъ о. протоіерея... По прочтеніи прочитаннаго замѣчанія невольно вздумалось первому мнѣ воскликнуть: Similis simili gaudet!..

Теперь разъяснимъ эту древнюю латинскую пословицу примѣнительно къ обстоятельствамъ. Отецъ протоіерей, какъ можно думать, внимательно перечитывая Губернскія Вѣдомости, и находя въ нихъ много ошибокъ противъ ортографіи, а особенно опечатокъ,—не удивительно, что и самъ сдѣлался не твердъ въ ортографіи... Такіе опечатки замѣчать можно во многихъ мѣстахъ Губернскихъ Вѣдомостей, особенно въ справочныхъ цѣнахъ продаваемыхъ на рынкѣ съѣстныхъ

припасовъ и другихъ продуктовъ, которыя бы должны быть выставляемы преимущественно какъ можно исправнѣе· Часто судакъ цѣнится дороже самаго осетра—и вмѣсто 5 или 7 копѣекъ серебромъ вдругъ въ нѣкоторыхъ №-рахъ цѣнится необыкновенно выше. т. е. 25 копѣекъ за фунтъ; также пеньковое масло, которое продавалось фунтъ по 7 или 7½ копѣекъ, вдругъ въ какомъ либо № возвышается до 20 копѣекъ серебромъ. Подумалъ бы, что это цѣна на ассигнаціи, но тамъ яснымъ шрифтомъ напечатано *серебромъ* [1]). И покорные ваши слуги—любители Губернскихъ Вѣдомостей и судака, жаренаго въ пеньковомъ маслѣ, при всемъ своемъ гастрономическомъ вкусѣ, не рѣшаются послать гонца въ Кіевъ, за покупкою необыкновенно вздорожавшихъ, по Вѣдомостямъ, судачины и пеньковаго масла, а тихо сидя въ деревнѣ, подъ соломенною кровлею, радуются о изобрѣтеніи,—на мѣсто обыкновеннаго сельскаго мыла,—помѣщеннаго въ 12 № другого мыла изъ золы; а иногда усердно принимаются плакать, начитывая, какъ ужасно страдаетъ малороссійскій языкъ, въ описаніи Гайдамачины.

Отецъ протоіерей, вѣроятно предугадалъ, что редакція въ № 16-мъ отдѣла 1-го (не во всѣхъ, впрочемъ, листахъ) крупными буквами напечатаетъ вмѣсто 19 апрѣля—12-го и рѣшился, съ ортографическими нѣкоторыми ошибками, послать и свой посильный трудъ, особенно въ такой №, который на челѣ своемъ носитъ значительную опечатку, и думалъ, что по пословицѣ: *всякъ человѣкъ ложь и ты тожъ,* редакція хоть на первый разъ будетъ такъ снисходительна, что за открытіе исторической истины покроетъ его двѣ или три ошибочки противъ ортографіи... Но вышло противное. И это противное подернуло мракомъ какой-то боязни и нерѣшимости чела не многихъ рѣшающихся послать слабые свои труды въ редакцію. А чтобы сколько-нибудь разсѣять этотъ мракъ и вызвать оробѣвшихъ охотниковъ на поле губернской литературы, то не благоугодно ли будетъ редакціи помѣстить гдѣ-нибудь въ уголочкѣ Губернскихъ Вѣдомостей и мою слабую, по глубокому смиренію, но согрѣтую чувствомъ справедливости, *эпифонему.*

1846 г. 1 мая. Ка. Фо.

—

[1]) Эти ошибки найдутся въ № 5, 6 и 7. *(Примѣч. автора).*

Въ заключеніе настоящей нашей замѣтки считаемъ долгомъ своимъ упомянуть, что давно пора кіевскимъ историческимъ обществамъ обратить надлежащее вниманіе на принятіе мѣръ къ обезпеченію дальнѣйшей сохранности рукописныхъ томовъ дневника о. Фоки Струтинскаго. Большой будетъ грѣхъ, если эти рукописи, не обезпеченныя въ частныхъ рукахъ отъ разныхъ непредвидѣнныхъ случайностей,— получать такой или иной ущербъ, а то и совсѣмъ исчезнутъ... Нужно дать болѣе прочное помѣщеніе этому замѣчательному историческому памятнику, представляющему вѣрную картину жизни нашего народа и духовенства за четверть съ лишнимъ прошлаго вѣка (1827 г. по 1854-й),—а затѣмъ кстати замѣтимъ, что нужно обратить вниманіе на розысканіе и другихъ подобнаго рода памятниковъ. Среди нашего сельскаго духовенства были нерѣдко скромные *Несторы Лѣтописцы*, которые въ тиши своихъ келій вели безостановочно записи своей, а вмѣстѣ и народной жизни. Для примѣра можемъ назвать дневникъ покойнаго протоіерея мѣст. *Дашева* (Липовец. у.) *о. Луки Григ. Кисилевича...*

Сообщ. **Л. М.**

Пѣсня дяка про свою долю.

Що ся въ свити діе? Чы все то Богъ знае?
Ой що кождый пипъ дяка за наймыта мае!
Скоро де дякъ видвенется, заразъ посылае:
— «Ходы, дяче, тай до насъ, бо панъ-отець лае».
Ой скоро дякъ навернувся, ставъ ёго ругаты:
— «Куды, дяче, къ чорту ходышъ? Кони напуваты!»
Напоивши кони, кажуть запрягаты:
«Беры батигъ, сидай на визъ»—ёму поганяты.
Прыйихавъ до миста, не мавъ я выгоды:
Не йивъ, не пывъ цилый день, та й терпивъ голоденъ.
Ой йидемъ до-дому, попадя пытае:
— «Ой десь нашъ дякъ не обидавъ, що такъ поганяе?»
Прыйихавъ до дому, не знавъ що початы:
Схватывъ мене за чупрыну, давай обертаты!
Якъ вырвався я изъ рукъ, та й ставъ утикаты,
Прыбигъ въ школу—накрычавъ: «ходимо спиваты!»

Выспивалы мыску мукы́ и по́зонокъ соли,
Наварылы галушокъ, найилысь доволи!

Примѣч. Записана въ подольской губерніи въ 1840-хъ гг.— Мы еще помнимъ то время (40-ые годы XIX в.), когда сельскіе причетники *(дьячки* и *пономари)* сидѣли *на ко́злахъ* у священниковъ, особенно у *благочинныхъ*, и погоняли лошадей.

Сообщ. **Л. М.**

Малорусское нищенское причитанье. Лѣтомъ 1879 г. былъ я въ гостяхъ у священника села Хмелевки, липовецкаго у., кіевск. губ. О. Вал. Н—го... 21 іюля, въ воскресенье, ходилъ въ Хмѣлевскую церковь; здѣсь, возлѣ «цвынтара,» стояла слѣпая женщина Марія; я подалъ ей монету и она стала приговаривать и очень удачно, импровизаціей... «Це я сама такъ. Рятныкъ (урядникъ) запрещае стояты на гребли,—а то,—гово́рить,—въ Кіевъ, на казённый хлѣбъ пидешъ».— Я попросилъ ее зайти къ батюшкѣ, имѣя въ виду записать кое-что изъ ея причитаній. Она зашла, пообѣдала и стала молиться... Вотъ нѣчто изъ ея рѣчей, ибо за скоростью нельзя было всего уловить:

Помяны, Господы,—татуньци и мамуньци (иногда
татки и матки).
Помяны, Господы, братикы и сестрычкы
Помяны, Господы, дидуньци и бабуньци,
Диды и прадиды,
Бабы, унукы и правнукы,
Диточкы маленькы—блазеньци [1])!
И за знающыхъ, и за незнающыхъ,
Котори на водахъ потопають,
Котори въ огняхъ погарають.
Которыхъ звиръ пойидае,
Которыхъ гримъ побывае,
Котрого свята земля покрывае.

[1]) *Блазеньци*—это,—объясняла она,—колы дытя родытся и нехрещенымъ помырае.

Котрый зъ наглои смерти помырае [1])...
И за тыхъ, що по свиту прохожають
И за всихъ и за вся!
И за всенькій мыръ хрещеный!
Що вы не оставылы
При таки ныщоти, пры такимъ калицстви
Душечкамъ царство небесне
И вашимъ диточкамъ...
За вашу худибочку
Въ комори, въ обори
За ихъ часточку, за ихъ поставочку
Святая земле, молы Бога за ныхъ.
Царю Небесный—молы Бога о насъ
И святый Мыколай!...

Сообщ. Л. М.

Изъ прошлаго Полтавщины. 1) *Объ устройствѣ въ Полтавѣ заведенія для спасенія утопающихъ.* Въ Полтавѣ, при рѣкѣ Рогизнѣ (нынѣ не существующій рукавъ р. Ворсклы), по инициативѣ князя Н. Г. Репнина, бывшаго малороссійскаго генералъ-губернатора (1816-1834 г.), было устроено въ 1829 году „заведеніе для спасенія утопающхъ". По плану архитектора Карташевскаго, былъ устроенъ домъ о четырехъ комнатахъ, стоимостью въ 1376 р. 50 к. Въ немъ была квартира цирюльника, подававшаго первую помощь утопленникамъ. По проекту врачебнаго инспектора Нейгеборна, въ этомъ домѣ была устроена ванна и шкафъ, гдѣ хранились слѣдующія вещи, необходимыя для оказанія помощи: двѣ щетки, перья для „произведенія щекотанья", листовой табакъ, промывательная трубка, 10 арш. толстаго сукна и кровопускательные инструменты—шниперъ и ланцетъ. Надворный совѣтникъ Иванъ Сессъ, выписанный еще кн. А. Б. Куракинымъ для должности провизора первой аптеки, основанной въ Полтавѣ тѣмъ же Куракинымъ, отпускалъ безвозмездно лѣкарства. На

[1]) Нѣкоторыя выраженія изъ этой молитвы за умершихъ буквально сходны съ выраженіемъ канона, читаемаго на утрени въ поминальную субботу передъ недѣлей страшнаго суда...

должность цирюльника былъ приглашенъ отставной юнкеръ Лабезниковъ, бывшій до этого старшимъ штабъ-лѣкарскимъ помощникомъ. Этотъ Лабезниковъ очень усердно занимался оспоприививаніемъ, за что, по высочайшему повелѣнію, награжденъ былъ книгой (какой—не извѣстно). Врачебный инспекторъ Нейгебернъ составилъ очень подробную инструкцію, какъ нужно спасать утонувшаго· Прежде всего запрещалось качать на бочкѣ или на рукахъ, какъ обыкновенно дѣлали въ то время, а также нельзя было его трясти и опрокидывать на голову. Вытащеннаго изъ воды нужно было внести въ комнату, уложить въ теплую постель на правый бокъ такъ, чтобы голова была выше тѣла, обложить тѣло подушками, обсыпая его пескомъ или золою. Между же подушками надо положить плотно--закупоренные кувшины съ горячими бутылками, къ ногамъ разгоряченные камни, а на грудь положить завязанный бычачій пузырь съ теплою водою. Сдѣлавши все это, надо было сильно тереть ноги щетками, а затѣмъ все тѣло и спину тряпкою, пропитанною камфорнымъ спиртомъ, или фланелью, смоченною въ уксусѣ. Во время натиранія очень легко надо было пошевеливать тѣло и постукивать въ спину противъ груди. Давши понюхать нашатырный спиртъ, цирюльникъ приступаетъ къ щекотанью перьями во рту и ноздряхъ, а затѣмъ надуваетъ «по-маленьку»,—какъ сказано въ наставленіи,—воздухъ черезъ ротъ въ легкое посредствомъ трубочки, чубука или перышка. Если замѣчалось при этомъ, что ребра нѣсколько подымаются, то надуваніе должно остановить, а протирать и нажимать грудь отъ реберъ кверху. Спустя нѣкоторое время, надуваніе слѣдуетъ повторить. Если все это не приведетъ утонувшаго къ жизни, то взять губку, обмочить её въ холодной водѣ и съ высоты двухъ, трехъ аршинъ капать съ разстановкою «крупныя и одинаковыя капли» на больного. Затѣмъ посадить его въ теплую ванну на четверть часа и, уложивъ въ постель, поставить клизму изъ соли, воды, уксуса или теплаго молока. Если и послѣ всего этого не появится „знаковъ жизни", то зажечь на ляшкахъ маленькіе кусочки губки, ветоши или бумаги. Если и это не подѣйствуетъ, то пустить кровь изъ ноги или, лучше, изъ „тайной жилы" (Vena pigularis). Когда утопленникъ покажетъ признаки жизни, то давать ему по ложкѣ камфорнаго спирта и теплаго чая съ виномъ или немного водки. Опытъ указалъ,—говорится въ инструкціи,—что 8 или 10 часовъ недостаточны для возвращенія къ жизни утопленника. Правила эти, надо прибавить,—составлены были врачебнымъ инспек-

торомъ совмѣстно съ врачомъ Тишевскимъ, служившимъ въ полтавской врачебной управѣ акушеромъ. При „заведеніи" былъ лоцманъ и два водолаза. Какъ только окажется утопленникъ, то Лабезниковъ обязанъ былъ объ этомъ увѣдомить всѣхъ врачей въ городѣ, которые по предписанію врачебной управы, должны были немедленно явиться какъ «по долгу христіанскому, такъ и по самому требованію экстреннѣйшаго случая». За кровопускательные инструменты платили не дешево: шнитеръ стоилъ 10 р. асс., а ланцетъ—6 р. Этотъ Лабезниковъ получалъ жалованья 450 р. Въ первый годъ по основаніи этого „заведенія" изъ 5 утонувшихъ было возвращено къ жизни 4., а въ 1830 г. изъ 4 утопленниковъ только 2 были спасены. Когда купальный сезонъ прекращался, то Лабезниковъ обязанъ былъ посѣщать богоугодное заведеніе для усовершенствованія въ лѣченіи больныхъ. но онъ посѣщалъ его рѣдко, а если и бывалъ, то не занимался дѣломъ, а жалованье между тѣмъ просилъ выдать, противъ чего возсталъ бывшій тогда попечителемъ богоугодныхъ заведеній, извѣстный украинскій писатель И. П. Котляревскій. «Почитаю, писалъ онъ въ приказъ Общественнаго Призрѣнія, что отставной юнкеръ Лабезниковъ не имѣлъ права требовать отъ меня жалованья и я нахожу себя необязаннымъ выдавать деньги такимъ людямъ, кои къ заведенію не принадлежали и для пользы онаго не трудились». Было ли выдано жалованье Лабезникову, а также долго ли просуществовало въ Полтавѣ заведеніе для утопающихъ, изъ дѣла не видно. (Архивъ Полт. Губ. Земства. Прик. О. Призр. по описи № 270).

---

2) *Проектъ основанія въ Лубнахъ скотоврачебной лѣчебницы.* Въ августѣ мѣсяцѣ 1803 г. министръ внутреннихъ дѣлъ графъ В. П. Кочубей представилъ императору Александру I докладъ о необходимости устройства въ Россіи скотоврачебныхъ училищъ, «кои давно бы уже существовали, если бы,—прибавляетъ министръ,—правительство, неоднократно помышлявшее о необходимости оныхъ, неотлагало не извѣстно по какимъ причинамъ приведеніе въ дѣйство видовъ своихъ». Выяснивъ въ докладѣ этомъ значеніе скотоводства въ Россіи, министръ ставитъ цѣлью учрежденія этихъ училищъ снабженіе «кавалеріи нашей коновалами (слово «ветеринаръ» не употреблялось въ то время) и кузнецами, чтобы доставить правленіямъ и заводамъ нашимъ таковыхъ же людей». На первый разъ проектировалось устроить училища въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Лубнахъ. На Лубнахъ министръ остановился,

главнымъ образомъ, потому что здѣсь былъ въ то время большой ботаническій садъ съ лѣкарственными запасами, и городъ Лубны имѣетъ поэтому, какъ выразился гр. Кочубей, «важное медицинское заведеніе, Петромъ Великимъ созданное». Съ другой стороны, Лубны были центромъ Полтавской губерніи и расположены невдалекѣ слабодско-украинской и курской губерній, гдѣ въ то время не мало было конныхъ заводовъ. Курсъ ученія въ этихъ училищахъ долженъ былъ имѣть въ виду: 1) фундаментальное познаніе скотоврачеванія и приготовленіе къ профессурѣ, 2) ученіе лѣкарственное и 3) приготовленіе коноваловъ и кузнецовъ. Въ Лубнахъ проектировалось только лѣкарственное ученіе и приготовленіе коноваловъ и кузнецовъ. Для этого училища предполагалось построить особое зданіе. Предполагалось, что въ немъ будутъ и казенные стипендіаты изъ солдатскихъ дѣтей, но большинство своекоштныхъ, при чемъ послѣдніе, какъ сказано въ проектѣ, должны были «жить одинаковою съ казенными воспитанниками дисциплиною». При училищѣ должна быть конюшня и хлѣвы для больныхъ лошадей, рогатаго скота и овецъ. Помимо 4000 р., ассигнованныхъ на оборудованіе этого училища, была составлена смѣта ежегоднаго содержанія въ 21 тыс. руб. Кромѣ директора, съ жалованьемъ въ 1800 р. асс., полагалось три профессора: патологіи и физіологіи—съ жалованьемъ въ 2 тыс., анатоміи и хирургіи—въ 1800 р. с., химіи и физики—въ 1200 р.; два адъюнкта—по 750 р. и трупоразсѣкатель—400 р. с. Этотъ проектъ былъ Высочайше утвержденъ, но не былъ приведенъ въ исполненіе, по какимъ причинамъ—неизвѣстно. Въ 1822 году, въ январѣ мѣсяцѣ, генералъ-губернаторъ князь Репнинъ, указывая на частые падежи скота въ Малороссіи и на отсутствіе свѣдущихъ ветеринаровъ, просилъ того же гр. Кочубея возобновить свое ходатайство объ учрежденіи скотоврачебнаго училища въ Лубнахъ, но ходатайство это не было уважено. (Архивъ Полт. губ. Правленія, дѣло № 191).

И. Ф. Павловскій.

Къ малорусскому переводу Евангелія. Въ декабрьской книжкѣ «Кіевской Старины» прошлаго года, въ статьѣ о литературной дѣятельности Морачевскаго помѣщены свѣдѣнія о четвероевангеліи въ переводѣ на малорусскій языкъ Ф. С. Морачевскаго, законченномъ еще въ 1860 году и до сихъ поръ неизданномъ, не смотря на весьма

благопріятные отзывы академиковъ—Востокова, Никитенка и Срезневскаго которые признали, что «евангеліе на народномъ нарѣчіи малороссіянъ весьма много способствовало бы ихъ нравственно-религіозному образованію».

Считаемъ нужнымъ дать по этому поводу справку, что такого-же взгляда на малорусскій текстъ евангелія держались и нѣкоторыя авторитетныя духовныя лица, Такъ на страницахъ одного изъ распространенныхъ въ то время журналовъ «Духовная Бесѣда» (1861 г., №№ 12, 13 и 17), по поводу перевода Священнаго Писанія на малорусскій языкъ можно найти сужденіе, близко подходящее къ академическому. Принадлежитъ оно архимандриту Іосифу, автору статьи о «Малорусскомъ переводѣ четвероевангелія XVI в.»—извѣстнаго Василія Тяпинскаго.

Этотъ Тяпинскій, «изъ посередку русинъ», какъ выражается онъ самъ въ „Передмовѣ" къ своему «Катехизъ або сума науки детей в Христѣ Исоусѣ», въ этой же „Передмовѣ" сообщаетъ, что „въ его друкарнѣ уже выдрукована на двухъ языкахъ—словенскомъ и русскомъ светая евангелія, писаная чрезъ светого Матѳея и светого Марка, и почитокъ Луки". Затѣмъ далѣе авторъ „Передмовы", указавши на недостатокъ школъ и духовнаго образованія между его соотечественниками, замѣчаетъ: „а прежде не такъ було,—вси народы любили мудрость; у всихъ народовъ були учители, которые умѣли перекладати священныя книги на свои властные и природженые языки", и затѣмъ перечисляетъ тѣ народы, кои донынѣ въ церквахъ своихъ читаютъ „Святую Библію" на родныхъ своихъ нарѣчіяхъ.

Ясно, что писавшій эти строки въ 3-й четверти XVI в. имѣлъ правильный взглядъ на дѣло перевода на родной языкъ священныхъ книгъ.

Изложивъ все вышеупомянутое и коснувшись слегка языка перевода, авторъ статьи о Тяпинскомъ, архимандритъ Іосифъ заключаетъ свою статью слѣдующими знаменательными словами:

„Разсмотрѣнный нами малорусскій переводъ четвероевангелія можетъ въ настоящее время послужить, съ одной стороны, *историческимъ основаніемъ*, а съ другой—нѣкоторымъ пособіемъ для составленія *новыхъ опытовъ малороссійскаго перевода Библіи, которые бы для нынѣшнихъ малороссіянъ служили къ объясненію церковно-славянскаго*"...

Сообщ. **В. Д.**

Текущія извѣстія.

Къ вопросу о школѣ для бандуристовъ и лирниковъ въ Полтавщинѣ Губернскому земскому собранію нынѣшней сессіи, Полтавская губ. управа приготовила между прочимъ, докладъ объ учрежденіи въ губерніи, на первый разъ, одной школы для обученія слѣпцовъ—юношей отъ 14—15-лѣт. возраста, игрѣ на бандурѣ, лирѣ или скрипкѣ, съ пѣніемъ думъ и пѣсенъ историческихъ, псальмъ и пѣсенъ бытовыхъ, юмористическихъ и сатирическихъ, а также для изученія доступныхъ слѣпцамъ ремеслъ. Съ цѣлью же ознакомленія губернскихъ гласныхъ съ сохравшимися въ средѣ слѣпцовъ произведеніями народнаго творчества и традиціонною игрою на бандурахъ и лирахъ, былъ устроенъ въ залѣ 2-го общественнаго собранія «этнографическій» вокально-музыкальный вечеръ, на которомъ пѣли и играли бывшіе на XII Археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ всѣ бандуристы и слѣпцы, съ прибавкою туземной (изъ Диканьки) «музыки троистои» (2 скрипки, 2 віолончели и бубенъ), благодаря любезности инженеръ-технолога И. М. Хоткевича, прибывшаго со слѣпцами изъ Харькова.

«Этнографическій» вечеръ 7 декабря совпалъ по времени съ опернымъ (Фаустъ) спектаклемъ въ городскомъ театрѣ: тѣмъ не менѣе многіе губернскіе гласные во главѣ съ губернскимъ предводителемъ дворянства и его семействомъ, пріѣзжая княгиня и мѣстныя дамы высшаго круга, а также масса городской интеллигенціи, были слушателями небывалаго концерта слѣпцовъ-бандуристовъ и лирниковъ. Программа отличалась разнообразіемъ и состояла изъ 3-хъ отдѣленій: I) думы и историческія пѣсни: 1) Дума про вдову та трёхъ сынивъ, 2) писня про Морозенка, 3) дума про трёхъ самарськыхъ бративъ, 4) дума про Хмельныцького та Барабаша, 5) дума «Буря на Чорному мори». Каждый № исполнялся соло, причемъ солистами были представители бандуристовъ изъ губерній черниговской, полтавской и харьковской, а также лирникъ изъ послѣдней, и самъ г. Хоткевичъ (псевдонимъ Галайда). Во II отдѣленіи—псальмы и бытовыя пѣсни: 1) Інсусе мій, прелюбезный (исполняли слѣпецъ, лирникъ и 3 бандуриста), 2) Псальма «Ангели душу пробуджувають» (3 бандуриста), 3) Псальма Сковороды (лирникъ и бандуристъ), 4) свадебныя пѣсни (музыка троиста), 5) И шумыть и гуде, Ой за гаемъ, гаемъ (всѣ

6 бандуристовъ). Въ III отдѣленіи пѣсни юмористическія и сатирическія: 1) Зъ часивъ уніи (соло бандура), 2) Кисиль (тоже), 3) Мищанка (лирникъ), 4) Комезлыва жинка (бандуристъ), 5) Чечитка (тоже), 6) Скыну кужиль на полыцю (всѣ бандуристы), 7) Дудочка (всѣ бандуристы и лирники), 8) Горлыця, Гречаныкы (всѣ бандуристы, лирники и музыка).

И вотъ на ту самую эстраду, на которой услаждали публику знаменитыя пѣвицы, какъ, наприм., Мравина, Фостремъ и многіе другіе пѣвцы и пьянисты, а также хоры Славянскаго, Архангельскаго, знаменитый Чешскій квартетъ и т. п., г. Хоткевичъ выводитъ по одиночкѣ слѣпцовъ-бандуристовъ и лирниковъ въ вышеозначенномъ порядкѣ. Среди многочисленной отборной публики моментально водворяется мертвая тишина; слѣпецъ усаживается и начинаетъ играть на лирѣ или на бандурѣ короткую прелюдію, послѣ которой просто и трогательно передаетъ своимъ слушателямъ думу или пѣсню подъ аккомпаниментъ своего инструмента. Раздается финальный аккордъ — и слѣпецъ поднимается со своего мѣста при живомъ одобреніи слушателей отъ перваго до послѣдняго ряда и хоръ въ залѣ. Конечно испытанныя пѣвцомъ и его очень дешевымъ инструментомъ невзгоды при пѣніи на открытомъ воздухѣ по ярмаркамъ и т. п. во всякое время года и при всякой погодѣ—отразились на голосовыхъ средствахъ пѣвца и на силѣ звуковъ его инструмента; конечно, онъ не поражаетъ блескомъ фіоритуръ и другими украшеніями болѣе или менѣе знаменитыхъ пѣвцовъ, но глубокое впечатлѣніе производитъ его проникновенная, задушевная музыкальная декламація, безъ жеманства, безъ заученныхъ пріемовъ. Этимъ пѣвцы вызвали неподдѣльное одобреніе разборчивыхъ слушателей,—въ особенности черниговскій бандуристъ Т. Пархоменко пѣсней про Морозенка, харьковскій бандуристъ М. Кучеренко думой про Хмельницкаго и Барабаша, и нашъ землякъ М. Кравченко—думою про трёхъ самарськыхъ бративъ. Манера игры и пѣнія послѣдняго живо напоминала мнѣ покойнаго старика Остапа Вересая, котораго въ свое время слышали, быть можетъ, уже немногіе изъ современныхъ читателей «Кіев. Стар.». Второе отдѣленіе началось очень стройнымъ и гармоническимъ квинтетомъ въ характерѣ церковнаго пѣнія, съ правильнымъ раздѣленіемъ въ иныхъ мѣстахъ на четыре голоса. Не останавливаясь на дальнѣйшихъ подробностяхъ, скажу, что весьма эффектно вышли № 4 и 5. Настроенныя въ мажорные тоны, бандуры, сначала сдержанно, а потомъ въ учащенномъ темпѣ, задорно

переливались звуками, такъ что музыканты оживились и подхватили «И шумыть и гуде», а потомъ «Ой за гаемъ, гаемъ»—и вызвали цѣлую бурю одобреній съ требованіемъ повторенія. Третье отдѣленіе прошло очень оживленно; и здѣсь каждый изъ пѣвцовъ, сохраняя серьезность и сосредоточенность, безъ кривляній и подчеркиваній, весьма оригинально передавалъ произведенія народнаго юмора и сатиры, вызывая въ слушателяхъ неудержимый хохотъ и шумныя одобренія по окончаніи каждаго №.

Что касается пѣнія и игры самаго г. Хоткевича, то не разсыпаясь въ комплиментахъ по его адресу, не могу не сказать, что онъ является замѣчательнымъ представителемъ культурнаго бандуриста. Всѣ и каждый слушали его не только съ удовольствіемъ но и съ наслажденіемъ, какъ талантливаго виртуоза съ удивительно развитою музыкальною техникою на бандурѣ. Важная заслуга его еще въ томъ, что онъ съ беззавѣтною любовью къ слѣпцамъ, сумѣлъ достигнуть чрезвычайно стройнаго исполненія гуртомъ слѣпцами, и очевидно много поработалъ для разучиванія партій при совмѣстной игрѣ, такъ какъ бандуры и лиры построены въ разные тоны, вслѣдствіе чего почти для каждой пьесы онъ различно группируетъ слѣпцовъ.

Пользуясь прибытіемъ бандуристовъ и лирниковъ, коммиссія народныхъ чтеній пригласила слѣпцовъ на слѣдующій день въ зданіе театра. Утренній оперный спектакль «Снѣгурочка» затянулся, такъ что чтеніе—отрывки изъ «Крымъ и татаре» могло начаться лишь около 5 час., а вечерній спектакль «Евгеній Онѣгинъ» былъ назначенъ въ 8 ч.; поэтому пришлось сократить по возможности, вокально-музыкальную программу. Впрочемъ, все болѣе интересное было предложено многочисленнымъ посѣтителямъ народнаго чтенія, болѣе чѣмъ на $^3/_4$ наполнившихъ зрительный залъ, разсчитанный на 1000 мѣстъ. Среди посѣтителей было много городской интеллигенціи съ семействами, а также семинаристовъ и учащихся въ народныхъ школахъ. Само собою разумѣется, игра и пѣніе слѣпцовъ вызывала единодушныя бурныя одобренія, въ особенности со стороны дѣтворы и юношества всѣхъ классовъ населенія, такъ что поистинѣ получился народный праздникъ. Вслѣдъ за окончаніемъ въ театрѣ, по приглашенію начальника кадетскаго корпуса, г. Хоткевичъ со слѣпцами отправился дать концертъ для воспитанниковъ кадетскаго корпуса.

Говоря вообще, бандуристы и лирники произвели на полтавскую публику глубокое впечатлѣніе, и изъ бесѣдъ съ нѣкоторыми гу-

бернскими гласными можно заключить. что слышанное ими пріятно поражаетъ неожиданно мелодичнымъ и гармоничнымъ исполненіемъ.

Къ сожалѣнію, при многочисленности и сложности докладовъ, губернское земское собраніе успѣло разсмотрѣть лишь важнѣйшіе, такъ что многіе доклады—въ томъ числѣ и о школѣ для слѣпцовъ—отложены до экстреннаго собранія, которое будетъ созвано въ мартѣ или въ маѣ наступающаго года.

Я еще не имѣлъ возможности ознакомиться съ докладомъ губернской управы и проектомъ устава школы, но уже сама по себѣ высоко гуманная заботливость объ облегченіи положенія несчастливцевъ заслуживаетъ глубокой признательности всѣхъ и каждаго. Но коль скоро заходитъ рѣчь объ устройствѣ школы для обученія юношей-слѣпцовъ игрѣ на бандурѣ, лирѣ или скрипкѣ и обученія пѣнію думъ и разнаго рода пѣсенъ, то, въ качествѣ мѣстнаго этнографа рѣшаюсь высказать нѣсколько мыслей. Прежде всего хочу вѣрить, что губернское земство не откажетъ въ ассигнованіи необходимой суммы для устройства и содержанія школы для юношей-слѣпцовъ, какъ предположила губ. зем. управа. Но напрашивается вопросъ: чему учить? Вѣдь безспорно, что въ настоящее время извѣстенъ въ печати положенный на нотную музыку полный репертуаръ думъ и пѣсенъ, записанныхъ отъ Остапа Вересая нашимъ высоко чтимымъ композиторомъ Н. В. Лысенкомъ. Конечно, репертуаръ этотъ цѣликомъ долженъ быть предметомъ изученія для бандуристовъ и лирниковъ, независимо отъ сохранившихся въ ихъ средѣ думъ и пѣсенъ. Что касается народной музыки вообще, то для широкаго ея распространенія въ средѣ бандуристовъ и лирниковъ, нельзя не рекомендовать богатаго собранія въ сборникахъ г. Лысенка, отличающихся точностью народнаго напѣва и гармоничнымъ аккомпаниментомъ въ народномъ духѣ. Кромѣ помѣщенныхъ въ сборникахъ историческихъ пѣсенъ, цѣликомъ заслуживающихъ изученія слѣпцами, было-бы весьма желательно слышать въ исполненіи ими, наприм., псальмы «Ой зійшла зоря вечеровая», или пѣсенъ для одного голоса: «Ой чого ты почорнило», «Ой одна я, одна». «Садокъ вышневый»; для трехъ голосовъ: «Та забилилы снигы», «Ой не гараздъ»; для хоровъ: «Из-за горы, з-за лыману», «Гей, не дывуйте», «Донцыкъ», «Бьють порогы», «Закувала та сыза зозуля» и т. п. Само собою разумѣется, знатоки народной музыки могутъ сдѣлать болѣе удачный выборъ противъ изложеннаго въ видѣ примѣра. Я позволилъ себѣ коснуться намѣченнаго вопроса, въ со-

ображеніи, что среди молодыхъ слѣпцовъ могутъ найтись обладатели прекрасныхъ голосовъ, но вѣдь далеко не каждый можетъ быть хорошимъ бандуристомъ ,лирникомъ, или скрипачемъ; при организаціи же земствомъ школы—каждый получитъ возможность развить свои природныя способности. Съ этой точки зрѣнія не можетъ считаться утопіей—образованіе изъ слѣпцовъ—болѣе или менѣе многолюдныхъ хоровъ для совокупнаго исполненія вокально-музыкальныхъ программъ, имѣя въ виду вполнѣ удавшіеся опыты въ Харьковѣ и въ Полтавѣ. Думается, что для широкаго распространенія народной музыки открывается необъятная ширь, конечно, при посредствѣ школъ для слѣпцовъ. Впрочемъ, долженъ замѣтить, что изъ бесѣдъ съ бандуристами и лирниками я могъ заключить, что нѣкоторые изъ нихъ весьма неохотно дѣлятся своими знаніями, такъ что иные старики унесли съ собой въ могилу нѣкоторыя думы и пѣсни. Между тѣмъ мнѣ извѣстно, что многолѣтними трудами П. Д. Мартыновичу удалось собрать по Полтавщинѣ—въ весьма цѣнныхъ варіантахъ—*всѣ* думы и много псальмъ и пѣсенъ слѣпцовъ, да на этомъ поприщѣ по харьковской губ. работаетъ г. Хоткевичъ, по словамъ котораго, бандуристъ Т. Пархоменко поетъ неизвѣстный другимъ—варіантъ пѣсни про Морозенка, а И. Кравченко—думу про Хмельницкаго та Барабаша. Конечно если будетъ изданъ возможно полный сборникъ извѣстныхъ въ печати думъ и пѣсенъ бандуристовъ и лирниковъ и этотъ сборникъ будетъ въ распоряженіи школы, то текстъ станетъ общимъ достояніемъ, и для передачи будетъ представлять интересъ музыкальная часть—и въ этомъ смыслѣ слѣпецъ будетъ учителемъ своихъ учениковъ и примѣромъ для подражанія его искусству.

Изъ старинной музыки—для сохраненія и распространенія въ народѣ заслуживаетъ вниманія традиціонный «Вертепъ», напечатанный въ „Кіев. Стар." по оригинальной партитурѣ XVIII в., сохранившейся въ родѣ Галагановъ. Кажется, въ 1875 г., я слышалъ въ домѣ Г. П. Галагана и видѣлъ исполненіе „Вертепа". Тамъ есть прекрасные №№ для хорового пѣнія и очень типичныя музыкальныя пьески. Вотъ эту забытую уже современниками весьма оригинальную музыку и „колядки" слѣдовало бы передать въ наслѣдіе слѣпцамъ-хористамъ и музыкантамъ. Такимъ образомъ, при обиліи и разнообразіи репертуара, среди слѣпцовъ могли бы образоваться спеціалисты-пѣвцы думъ и историческихъ пѣсенъ; иные безголосые или со слабыми голосами—только бандуристы или лирники, скрипачи и т. п.; наконецъ

съ хорошими голосами—солисты и хористы. Но все это пока журавли въ небѣ; синицей же въ рукахъ представляется проектированная Полтавскою губ. зем. управой школа для слѣпцовъ-юношей съ общежитіемъ, и нужно желать скорѣйшаго осуществленія столь плодотворнаго начинанія какъ для блага потерявшихъ зрѣніе несчастливцевъ, такъ и для сохраненія и развитія народной музыки, остающейся и теперь въ пренебреженіи со стороны „свободныхъ художниковъ", тогда какъ такой же свободный художникъ Н. В. Лысенко посвятилъ всю свою жизнь этой музыкѣ и создалъ себѣ неувядаемые лавры въ средѣ тѣхъ, для кого любовь къ родинѣ не пустой звукъ, и кто, воздавая должное культурѣ, все-таки думаетъ, что „краще свое латане, нижъ чуже хапане".

В. Василенко.

Къ положенію дѣлъ въ Галиціи. Изъ галицкихъ событій, привлекавшихъ въ послѣднее время къ себѣ общественное вниманіе, на первомъ планѣ стоятъ многочисленные судебные процессы, оставленные въ наслѣдіе «великим хлопським страйком», а затѣмъ вопросы просвѣщенія, которые продолжаютъ сохранять прежнюю остроту, благодаря неизмѣнившимся условіямъ мѣстной жизни. О страйкахъ и ихъ послѣдствіяхъ мы надѣемся поговорить особо, такъ какъ это вопросъ слишкомъ большой, чтобы быть исчерпаннымъ въ небольшой замѣткѣ; здѣсь же мы остановимся пока на другихъ вопросахъ и прежде всего—на касающихся школьной жизни въ Галичинѣ.

Послѣ возвращенія русинскихъ студентовъ во Львовскій университетъ возникъ вопросъ о судьбѣ такъ называемаго «академічного фонда», составившагося изъ общенародныхъ пожертвованій для помощи сецессіонистамъ. Сама учащаяся молодежь дала отвѣтъ на этотъ вопросъ еще въ іюлѣ, рѣшивъ обратить оставшіяся 18000 кронъ на поддержку крестьянъ-стачечниковъ. Между тѣмъ среди представителей галицкаго общества начали раздаваться другіе голоса, рѣшительно настаивавшіе на томъ, чтобы «академічний фонд» расходовался лишь на нужды самихъ же студентовъ. Въ X книжкѣ «Л.-Н. Вістника» появилась замѣтка по этому вопросу «Що робити з академічним фондом», подписанная проф. Грушевскимъ, который, воздавая должное благороднымъ побужденіямъ и самоотверженію молодежи, предлагаетъ однако употребить остатки «академічного фонда» на постройку обще-

житія для студентовъ-русинъ. По совершенно правильному мнѣнію почтеннаго профессора, какъ ни важна поддержка нуждающихся крестьянъ, но не менѣе важно и улучшеніе матеріальныхъ условій существованія и самой молодежи, въ громадномъ большинствѣ своемъ являющейся совершенно необезпеченной, недоѣдающей, лишенной въ силу этого возможности вести правильныя занятія и подготовляться къ будущей дѣятельности на пользу родного края. Чтобы поставить дѣло помощи студентамъ на твердое основаніе, проф. Грушевскій проэктируетъ устройство «Академічного Дома», который бы за небольшую плату давалъ пріютъ бѣднѣйшимъ студентамъ-русинамъ. Разработкѣ этого проекта и посвящена названная замѣтка проф. Грушевскаго, предлагающая открыть пріемъ пожертвованій, въ основаніе которыхъ слѣдовало бы положить остатки «академічного фонда». Комитетъ, который завѣдывалъ этимъ фондомъ, соглашаясь съ проф. Грушевскимъ въ томъ отношеніи, что фондъ долженъ идти на удовлетвореніе нуждъ самой молодежи, предлагалъ пользоваться имъ въ видѣ субсидій и стипендій и такимъ образомъ отодвинулъ дѣло постройки «Академічного Дома» на задній планъ. Молодежь, на митингѣ 12 ноября, рѣшила настаивать на своемъ первоначальномъ постановленіи и передать все дѣло на рѣшеніе собранія представителей національно-демократической партіи, какъ представителей всего народа, своими пожертвованіями образовавшаго «академічний фонд» и являющагося поэтому его полноправнымъ распорядителемъ («Діло», № 247). Въ декабрѣ состоялось собраніе представителей этой партіи—такъ называемый «Народний з'їзд», который рѣшилъ вопросъ окончательно, постановивъ употребить «академічний фонд» на пособія стачечникамъ и лишь остатки—на нужды самой молодежи («Діло», 279). Между тѣмъ проф. Грушевскій выступилъ съ новой замѣткой «В справі «Академічного Дому» (Л.-Н. Вістник, XII), гдѣ отстаиваетъ свой проектъ уже независимо отъ судьбы «акамічного фонда», и предлагаетъ открыть его на пожертвованія, собираемыя спеціально для этой цѣли. Проектъ проф. Грушевскаго заслуживаетъ полнаго вниманія и сочувствія, какъ въ высшей степени важный шагъ впередъ въ той борьбѣ, которую приходится вести русинамъ за свое существованіе. Молодежь—это будущее націи, залогъ ея развитія и преуспѣяніи и потому помощь будущимъ дѣятелямъ и борцамъ за права народа—настоятельная необходимость настоящаго. Мы не сомнѣваемся, что за этимъ дѣло не станетъ, что жертвователи найдутся, и 60000 кронъ, необходимыя на

постройку «Академічного Дома» будутъ собраны и этимъ положено твердое основаніе для регулярной, а не случайной только, помощи и поддержки учащейся молодежи.

А поддержка эта, какъ матеріальная, такъ и нравственная, крайне необходима въ виду отношеній, продолжающихъ господствовать въ Львовскомъ университетѣ, сдѣлавшемся въ послѣднее время главной ареной національной борьбы. Въ началѣ декабря происходила обычная церемонія имматрикулированія вновь зачисленныхъ въ университетъ студентовъ, состоящая въ томъ, что ректоръ читаетъ присягу, а каждый „новый гражданинъ университета“ обязуется честнымъ словомъ исполнять всѣ обязанности, налагаемыя на него новымъ званіемъ. До сихъ поръ присяги читалась только по-польски; въ настоящемъ же году студенты русины, сперва богословы, а за ними слушатели и другихъ факультетовъ, потребовали, чтобы присяга читалась или по-латыни, или же на обоихъ мѣстныхъ языкахъ, т. е., украинскомъ и польскомъ. Ректоръ отказалъ въ исполненіи этого справедливаго требованія, прибавивъ, что не желающіе подчиниться обычнымъ порядкамъ, могутъ и совсѣмъ не имматрикулироваться. Послѣ этого студенты-русины вышли изъ залы, гдѣ происходила церемонія, а имматрикулировавшіеся раньше, рѣшили взять данныя ими обѣщанія обратно («Діло», № 271). Русинскіе послы сдѣлали уже по этому поводу запросъ въ рейхсратѣ, при чемъ министръ далъ по обыкновенію довольно уклончивый отвѣтъ, ссылаясь на то, что еще не имѣетъ о происшедшемъ оффиціальныхъ свѣдѣній («Діло», № 274). Чѣмъ это можетъ окончиться, теперь трудно предсказывать, но несомнѣнно одно, что національная борьба въ Галичинѣ обостряется и принимаетъ все болѣе и болѣе рѣзкія формы.

Объ этомъ свидѣтельствуетъ и «обіжник» (циркуляръ), разосланный галицкимъ намѣстникомъ гр. Пининскимъ начальникамъ галицкихъ средне-учебныхъ заведеній. Въ своемъ циркулярѣ, составленномъ очень мягко и дипломатично, намѣстникъ предостерегаетъ руководителей школьной молодежи отъ проявленій нетерпимости по отношенію къ представителямъ другой національности и приглашаетъ воспитателей дѣйствовать на молодежь успокоительно. Позволительно однако сомнѣваться, чтобы циркуляръ этотъ принесъ какіе-нибудь результаты въ виду крайне шовинистическаго настроенія, проявляемаго польской учащейся молодежью къ своимъ товарищамъ-русинамъ и открытой поддержки и даже поощренія, оказываемаго ей многими поль-

скими педагогами. «Діло» (№ 270) по этому поводу приводитъ много фактовъ, достаточно ярко свидѣтельствующихъ о подвигахъ польскихъ педагоговъ, переносящихъ свои шовинистическія воззрѣнія въ среду школьной молодежи. Дѣлу могутъ помочь не циркуляры и голыя обѣщанія, не переходящія отъ словъ къ дѣлу, а только полюбовное размежеваніе обоихъ народовъ на началахъ полнаго равноправія и свободы.

Ивановъ гай въ память И. П. Котляревскаго. Въ «Полтавскихъ Губ. Вѣдомостяхъ» (№ 258) г. Василенкомъ вновь поднятъ вопросъ объ устройствѣ противъ домика Котляревскаго въ Полтавѣ—«Ивановой горы» и «Иванова гая» въ память перваго украинскаго поэта. Иниціаторъ предлагаетъ открыть пріемъ пожертвованій для этой цѣли, начало которымъ уже положено; на собранную сумму купить участокъ горы противъ бывшаго домика Котляревскаго, гдѣ и устроить «Иванивъ гай».

Народный языкъ въ начальной школѣ. Въ засѣданіи полтавскаго уѣзднаго комитета о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности былъ поднятъ между прочимъ вопросъ о роли народнаго языка въ начальной школѣ. По этому вопросу избрана спеціальная комиссія, которая высказалась въ томъ смыслѣ, что примѣненіе народнаго украинскаго языка при первоначальномъ обученіи должно быть признано желательнымъ («Полтавскій Вѣстникъ», № 2). Какъ мы слышали, этотъ вопросъ подымался во многихъ другихъ комитетахъ и разрѣшался въ утвердительномъ смыслѣ.

Еще о выставкѣ историческихъ костюмовъ. Въ прошлой книжкѣ нашего журнала было помѣщено извѣстіе объ открытіи въ Петербургѣ выставки историческихъ костюмовъ, при чемъ приведены и нѣкоторыя подробности организаціи выставки. Изъ газетныхъ извѣстій оказывается, однако, что украинскій отдѣлъ почти совершенно отсутствуетъ на выставкѣ.

Комитетъ этого отдѣла организовался только передъ самымъ открытіемъ выставки. Въ него вошли г.г. Мордовцевъ, Русовъ, Игнатовичъ,

Лотоцкій и др. Въ настоящее время, желая заполнить указанный пробѣлъ, комитетъ обращается ко всѣмъ любителямъ, имѣющимъ у себя коллекціи украинскихъ костюмовъ, съ просьбой помочь ему въ столь затруднительномъ положеніи присылкой историческихъ, относящихся до Малороссіи, предметовъ. Упаковка, пересылка и отвѣтственность за сохранность вещей за счетъ комитета. Вещи просятъ на время отъ 16 ноября до 9 марта 1903 года (можно и позже) пересылать по адресу: *Петербургъ, Почтамтская ул. д. № 6, контора „Гергардъ и Гей", Первая международная выставка костюмовъ".* При каждомъ ящикѣ просятъ дать перечень предметовъ и маленькое историческое описаніе. За справками просятъ обращаться по слѣдующему адресу: Петербургъ. Петербургская сторона, Большой проспектъ, д. № 87, кв. 2, секретарю комитета І. А. Березовскому.

Изъ достовѣрныхъ источниковъ мы слышали, что на послѣдней сессіи черниговскаго губернскаго земскаго собранія обсуждался вопросъ о посылкѣ на выставку предметовъ изъ извѣстнаго собранія украинскихъ древностей покойнаго В. В. Тарновскаго, при чемъ вопросъ этотъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Послѣ этого постановленія полнота и разнообразіе украинскаго отдѣла на выставкѣ обезпечены, такъ какъ собраніе покойнаго Тарновскаго принадлежитъ къ самымъ богатымъ въ этомъ родѣ.

Преміи за новыя украинскія пьесы. Артисты украинскаго театра г.г. Карпенко-Карый, Садовскій и Саксаганскій обращаются къ украинскимъ драматургамъ съ просьбой доставлять имъ новыя, еще не появлявшіяся на сценѣ, но дозволенныя къ представленію пьесы. За каждую изъ представленныхъ пьесъ, удовлетворяющую литературнымъ и сценическимъ требованіямъ и признанную годной къ постановкѣ лицами, объявляющими преміи, выдается при первомъ представленіи, сверхъ обыкновенной поспектакльной платы, премія въ 150 р. Необходимыми условіями для присужденія преміи признаны слѣдующія: а) пьеса должна быть написана на украинскомъ языкѣ, б) имѣть не менѣе 4-хъ актовъ и в) разрабатывать содержаніе, взятое изъ современной жизни. Каждая удостоенная преміи пьеса предоставляется въ собственность и распоряженіе гг. Садовскаго и Саксаганскаго на одинъ годъ.

Предполагаемое украинское изданіе. Отъ Н. Ф. Чернявскаго мы получили съ просьбой напечатать въ нашемъ журналѣ слѣдующее письмо.

«Чтобы хотя немного помочь начинающимъ авторамъ въ свое время выступить на литературное поприще и тѣмъ заохотить ихъ къ дальнѣйшей, болѣе интенсивной работѣ, я задумалъ собрать и издать, въ видѣ перваго опыта, литературный сборникъ изъ произведеній такихъ еще нигдѣ своихъ произведеній до сего времени не печатавшихъ, или только стоящихъ въ самомъ началѣ своей литературной карьеры авторовъ.

Не намѣчая напередъ литературнаго направленія сборника и приступая къ составленію его безъ всякой предвзятости и тѣмъ обезпечивая свободу мысли и творчества сотрудниковъ предполагаемаго сборника, я надѣюсь, въ то же время, приложить все свое стараніе къ тому, чтобы съ полнымъ вниманіемъ отнестись къ каждому проблеску литературнаго дарованія, или даже намеку на него, и поддержать его, потому что не всѣмъ суждено судьбой родиться литературными Самсонами и всякое молодое дарованіе уже по одному тому, что оно — молодое, способно къ дальнѣйшему развитію, предѣлы котораго не всегда можно опредѣлить заранѣе.

Въ сборникъ имѣютъ войти оригинальныя беллетристическія и драматическія произведенія и стихотворенія исключительно на украинскомъ языкѣ.

Авторовъ просятъ прыслать рукописи своихъ произведеній и краткія свои автобіографіи со свѣдѣніями о прежней своей литературной дѣятельности по адресу: г. Черниговъ, Оцѣночно-статистическое Бюро Губернскаго Земства, Николаю Федоровичу Чернявскому».

Археологическія раскопки въ тираспольск. уѣздѣ. Смотритель земской больницы и арестнаго дома въ Тирасполѣ І. Я. Стемпковскій съ 1896 года принялъ на себя, по уполномочію Императорской археологической коммиссіи, трудъ раскопки съ научными цѣлями кургановъ въ окрестностяхъ Тирасполя. За этотъ періодъ, онъ вскрылъ уже до 400 могильныхъ насыпей. Съ согласія Императорской археологической коммиссіи, всѣ добытыя древности (начиная съ эпохи доисторической) вмѣстѣ съ дневниками раскопокъ г. Стемпковскій доставилъ въ херсонскій археологическій музей, гдѣ онѣ, размѣщенныя

въ 8 витринахъ, составляютъ особый отдѣлъ. Въ настоящемъ году г. Стемпковскимъ были произведены раскопки кургана на землѣ, крестьянъ села Плоскаго, въ 12 верстахъ отъ Тирасполя, при чемъ были найдены: лодкообразный дубовый гробъ, около него кольчуга довольно изящной работы; въ гробу лежалъ скелетъ, съ лѣвой стороны отъ него изъѣденная ржавчиной шашка въ 20 вершковъ длины и вершокъ ширины; съ правой стороны—кожаный кошель съ огнивомъ. Между кистью правой руки и тазовой частью лежалъ изъ березовой коры колчанъ, въ немъ оказалось нѣсколько деревянныхъ заостренныхъ стрѣлъ, каждая длиною отъ 8 вершковъ и болѣе. Сохранились остатки шелковой рубахи на скелетѣ. На груди его, съ лѣвой стороны, лежалъ гребень въ $2^1/_2$ вершка длины и $1^7/_8$ вершка ширины. Погребеніе это должно быть отнесено къ эпохѣ кочевниковъ, населявшихъ наши степи въ средніе вѣка. Другой курганъ на той-же землѣ вскрытъ 28 и 29 октября. Въ немъ найдены: двѣ пуговицы, частицы какого-то желѣзнаго предмета, дѣтскій зубъ, черепки отъ древней посуды съ орнаментами и кусочки краски. Костей скелета не оказалось. Очевидно, въ этомъ курганѣ когда-то хозяйничали непрошенные гости-кладоискатели. Судя по находкамъ, вскрытое погребеніе относится къ эпохѣ доисторической. Всѣ найденные предметы будутъ отправлены въ херсонскій археологическій музей («Югъ», № 1349).

Памятникъ Н. В. Гоголю въ Полтавѣ. Разрѣшено открыть всероссійскую подписку на сооруженіе въ Полтавѣ памятника Н. В. Гоголю къ столѣтію со дня рожденія его. («Од. Л.», 280).

Новая пьеса М. Л. Кропивницкаго. Новая пьеса „Кононъ Блыскавыченко“ М. Л. Кропивницкаго, поставленная въ Русскомъ театрѣ (въ Одессѣ), привлекла многочисленную публику и прошла съ большимъ артистическимъ успѣхомъ. Пьеса написана на интересный сюжетъ. Автора, выступавшаго въ одной изъ главныхъ ролей, публика вызывала послѣ каждаго дѣйствія и устроила ему оваціи. («Од. Л.», 319).

П. А. Грабовскій (некрологъ). Во время печатанія настоящей книжки изъ Тобольска получено печальное извѣстіе о смерти моло-

дого украинскаго поэта Павла Арсеньевича Грабовскаго. Предполагая въ одной изъ ближайшихъ книжекъ нашего журнала посвятить почившему дѣятелю родной литературы особую статью, мы теперь со словъ «Сибирскаго Листка» (№ 96) передаемъ лишь краткія свѣдѣнія о послѣднихъ минутахъ его жизни. Покойный въ Тобольскѣ прожилъ болѣе 3-хъ лѣтъ, добывая средства къ жизни службой по вольному найму въ ветеринарномъ отдѣленіи губернскаго правленія и частными уроками. Незадолго до смерти ему было поручено исполнять обязанности секретаря губернскаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, но онъ могъ участвовать лишь въ первомъ засѣданіи, а затѣмъ болѣзнь уложила его въ постель, съ которой ему уже не суждено было подняться. 29-го ноября П. А. Грабовскаго не стало. Согласно высказанному покойнымъ желанію, онъ похороненъ недалеко отъ могилъ декабристовъ, рядомъ съ могилой Кюхельбекера. Въ лицѣ Грабовскаго украинская литература лишилась несомнѣнно крупной силы, заявившей уже себя энергичной и плодотворной дѣятельностью для родной литературы и обѣщавшей въ будущемъ занять одно изъ почетныхъ мѣстъ среди выдающихся ея дѣятелей. Преждевременная смерть, къ сожалѣнію, прекратила эту дѣятельность почти въ самомъ началѣ.

Н. М. Качинскій (некрологъ). 10 декабря въ Кіевѣ скоропостижно скончался отъ паралича сердца провинціальный актеръ и авторъ русскихъ и украинскихъ пьесъ Н. М. Качинскій. Покойный родился въ 1858 году въ г. Каменецъ-Подольскѣ и здѣсь впервые выступилъ на сцену. Покойнымъ написано до десятка русскихъ пьесъ, переведенныхъ имъ же самимъ на украинскій языкъ; впрочемъ пьесы эти и въ литературномъ, и въ сценическомъ отношеніи весьма невысокаго качества.

БИБЛІОГРАФІЯ.

В. Василенко. Къ вопросу о толковомъ словарѣ украинской народной терминологіи. *Харьк. 1902. 15 стр. in 8°.*

В. И. Василенко. Этнографическіе матеріалы, собранные по Полтавской губерніи. Опытъ толковаго словаря народной технической терминологіи по Полтавской губерніи *Отдѣлъ I-й, II-й и III-й. Кустарные промыслы, сельское хозяйство и землевѣдѣніе, народныя поговорки и изреченія. Харьк. 1902. 80 стр. in 8°.* (Оттиски изъ 13 тома «Сборника Харьковск. Историко-филолог. Общества).

Въ двухъ названныхъ брошюрахъ г. Василенко ставитъ вопросъ о составленіи толковаго словаря украинской народной терминологіи; въ первой брошюрѣ указывается на важность этого дѣла, предлагается планъ собиранія матеріала и систематизаціи его съ приглашеніемъ мѣстныхъ интеллигентныхъ силъ заняться этимъ трудомъ, а во второй—дается образчикъ того, какъ должно быть сдѣлано дѣло.

Къ сожалѣнію изложеніе первой статьи довольно сбивчиво и неясно. Для примѣра позволимъ себѣ привести слѣдующее мѣсто (стр. 6):

«Представляя компетенціи ученыхъ филологовъ и лингвистовъ изысканія и научное объясненіе происхожденія бытующихъ въ наши дни среди украинскаго населенія терминовъ, позволимъ себѣ сказать, что тѣ или другіе термины звучатъ то руссицизмомъ, то польнизмомъ, иногда какъ-бы татарщиной, а можетъ быть чуть не скиѳщиной, или же исковерканною нѣметчиной и т. п., однимъ словомъ всячиной—но менѣе всего отечественнымъ литературнымъ языкомъ».

Подъ «отечественнымъ литературнымъ языкомъ» авторъ, очевидно, разумѣетъ русскій литературный языкъ; но какимъ-же образомъ «руссицизмы» могутъ «менѣе всего» «звучать» русскимъ, хотя бы и литературнымъ, языкомъ, да еще при томъ обстоятельствѣ, что техническіе термины этого послѣдняго языка (по тѣмъ отдѣламъ, которыхъ касается г. Василенко) взяты какъ разъ изъ народной русской рѣчи? Затѣмъ, выходитъ, какъ будто въ украинской терминологіи нѣтъ или почти нѣтъ ничего украинскаго. Однако, достаточно развернуть хотя-бы словарь самого г. Василенко на первой попавшейся страницѣ, чтобы найти цѣлый рядъ совершенно украинскихъ словъ и притомъ сильно звучащихъ родствомъ и съ русскимъ литературнымъ языкомъ, напр. стр. 11: *пенёкъ, обчи́ркачъ, па́колы, забі́йня́, повидня́, коло́дыця, плече́, ло́патень, полы́ця, руба́къ, ризе́ць, пыса́къ* и пр. Но предоставимъ автору продолжать:

«Да иначе и быть то не можетъ, коль скоро для огромной массы сельскихъ-кустарей-хозяевъ, оставшихся и остающихся неграмотными, не понятенъ отечественный литературный языкъ, а тѣмъ болѣе его техническая терминологія, какая усвоена преемственно отъ предковъ и пребываетъ неизмѣнною въ захолустныхъ поселеніяхъ».

Повидимому говорится объ украинскихъ кустаряхъ, но выходитъ, что они, не понимая «отечественнаго литературнаго языка, а тѣмъ болѣе его технической терминологіи», все же усвоили эту послѣднюю «преемственно отъ предковъ».

Кое-чего недостаетъ и въ «Проектѣ инструкціи для собиранія матеріаловъ по технической терминологіи» съ вопросникомъ къ нему (стр. 10—15). Несмотря на нѣкоторые намеки «Проекта» (§ 2), неопытный собиратель матеріала не будетъ знать, что никогда нельзя исчерпать терминологію даннаго производства, если не записывать всего хода работы въ послѣдовательномъ порядкѣ совершаемыхъ одна за другой манипуляцій. Только при такомъ способѣ изслѣдованія могутъ быть замѣчены всѣ термины для дѣйствій и инструментовъ, безъ этого-же (какъ мы знаемъ по опыту) можно записать лишь кое-что, а многое, очень многое будетъ совершенно упущено. Нѣтъ также указанія на то, что при описаніи необходимы рисунки, чертежи (хоть грубые), потому что, особенно при исчисленіи составныхъ частей сложныхъ снарядовъ, чрезвычайно затруднительно бываетъ однимъ описаніемъ сдѣлать понятными для незнакомаго съ предметомъ форму,

положеніе и способъ употребленія данной части; не говорится о необходимости указывать ударенія записываемыхъ словъ и пр.

Но обратимся къ самому словарю. Главнымъ его недостаткомъ слѣдуетъ признать неудовлетворительность систематизаціи матеріала. Г. Василенко дѣлитъ его на три отдѣла: а) терминологія по кустарнымъ промысламъ и ремесламъ, б) терминологія по сельскому хозяйству и землевѣдѣнію въ широкомъ смыслѣ и в) народныя поговорки и изреченія. Послѣдній отдѣлъ (стр. 71—78) не имѣетъ почти никакого отношенія къ технической терминологіи, такъ какъ представляетъ изъ себя смѣсь народныхъ выраженій и пословицъ самаго различнаго характера въ родѣ, напр., слѣдующихъ: «*Ковылю—не ковылю, а хунтиковъ сімъ и вмелю*—старикъ съ хорошимъ аппетитомъ.—*Третій день, а девьятий хлибъ*—обжора.—*Богъ мазавъ—мазавъ, а на цій* (этой) *и гущу виливъ*—некрасивое женское лицо, харя.—*Благувата трохи*—малоумная» и т. д. (с. 73).

Съ такимъ же точно основаніемъ можно было-бы включить въ словарь и весь сборникъ, напр., Номиса.

Не можетъ удовлетворить и распредѣленіе матеріала въ двухъ первыхъ отдѣлахъ. Благодаря этому распредѣленію, терминологія по нѣкоторымъ производствамъ и промысламъ оказалась розорванною на двѣ части: см., напр., отдѣлы объ обработкѣ шерсти (стр. 16 и 66), конопли (63 и 29 и слѣд.), о рыболовствѣ (стр. 49 и слѣд. и 76) и пр.; благодаря тому же, получился у г. Василенка на стр. 55—57 («Особое прибавленіе») отдѣлъ смѣси,—это уже само по себѣ указываетъ на неудовлетворительность систематизаціи.

Намъ кажется, лучше было бы поставить нѣсколько иначе. Каждое производство съ самаго своего зарожденія и до самаго конца должно быть описано въ хронологическомъ порядкѣ въ одномъ мѣстѣ и по пути описанія должна быть дана не только вся относящаяся къ производству терминологія (названія матеріаловъ и продуктовъ производства, названія дѣйствій, названія машинъ и инструментовъ и *частей* ихъ), но для каждаго инструмента или машины должны быть рисунки съ подробнымъ объясненіемъ ихъ, чтобы возможно было уяснить себѣ положеніе, назначеніе и способъ употребленія каждаго предмета. Собранный такимъ образомъ матеріалъ по отдѣльнымъ производствамъ и промысламъ можетъ быть соединеннымъ въ одну книгу хотя бы и въ такомъ родѣ, какъ предлагаетъ г. Василенко (по губер-

ніямъ, но лучше бы по областямъ нарѣчій украинскаго языка[1]), а затѣмъ къ этой книгѣ долженъ быть данъ алфавитный указатель всѣхъ находящихся въ ней терминовъ. Такой методъ собиранія и изданія матеріаловъ способствовалъ бы и полнотѣ ихъ (устраняя ту отрывочность и случайность, которая замѣтна и на матеріалахъ г. Василенка) и давалъ бы возможность безъ всякаго затрудненія пользоваться книгой. Какъ на образецъ подобнаго собранія слѣдуетъ указать на прекрасный трудъ г. В. Шухевича: «*Гуцульщина*»[2]).

На объясненіяхъ отдѣльныхъ словъ мы не будемъ останавливаться, такъ какъ это потребовало бы слишкомъ много мѣста; но не можемъ не отмѣтить такихъ переводовъ: «*Така зъ выхреста людына, якъ зъ собаки солонына*—почти непереводимая игра словъ» (стр. 73).

«*Глекъ Макитровичъ.*—Непереводимая игра словъ» (стр. 75).

Такія поясненія ничего, конечно, не даютъ, а между тѣмъ возможно было бы сообщить, что значатъ эти выраженія, въ какихъ случаяхъ употребляются—тѣмъ болѣе, что первое очень понятно.

Правописаніе «Словаря» не совсѣмъ упорядочено: *ы*, *и*, *і*, постоянно смѣшиваются: *різецъ* и *ризець* (с. 11 и 13), *забиваютъ* и *забываанка* (15 и 19); въ удареніяхъ встрѣчаются ошибки или опечатки, потому что трудно предположить, чтобы гдѣ либо выговаривались слова *кабáнъ*, *кабанéць* какъ *кáбанъ*, *кабíнець* (с. 62).

Мы остановились нѣсколько дольше на недостаткахъ работы г. Василенка потому, что собираніе матеріаловъ для технической нашей терминологіи дѣло еще только начинающееся, и весьма важно, чтобы оно съ самаго начала поставлено было по возможности правильнѣе. Указанные недостатки, однако, не уменьшаютъ заслуги г. Василенко, собравшаго болѣе 1200 терминовъ и выраженій, которые несомнѣнно будутъ хорошимъ добавленіемъ къ уже собранному матеріалу, такъ какъ даютъ много новаго и цѣннаго. Поэтому продолженіе этой весьма нужной и почтенной работы является чрезвычайно желательнымъ, а еще болѣе желательно, чтобы и въ иныхъ мѣстностяхъ нашего края нашлись люди, которые послѣдовали-бы примѣру и призыву г. Василенка.

Б. Гринче́нко.

---

[1]) Что, впрочемъ, практически труднѣе осуществить.

[2]) Вышло пока три части (Матеріали до украінсько-руськоі етнольогії, т. II, IV, V. Львов. 1899, 1901)—авторъ обѣщаетъ словарь ко всему матеріалу дать въ четвертой части.

Палій, воскреситель правобережнои Украины. *Историчне оповиданя. Напысавъ Даньіло Мордовець. С.-Петербургъ, 1902 року.*

Историческая повѣсть, безъ сомнѣнія, одна изъ наименѣе разработанныхъ вѣтвей украинской литературы. Первый опытъ ея «Чорна рада», казалось, подавалъ богатыя надежды на пышный расцвѣтъ этой области въ нашей словесности, но «надіи витромъ рознесло»... Кулишъ, Стороженко, И. Левицкій, Мордовцевъ, Грушевскій дали намъ нѣсколько разсказовъ и повѣстей, посвященныхъ многострадальному прошлому нашей родины, но еще и до сихъ поръ мы не можемъ указать у себя писателя, отдавшаго всѣ свои силы художественному изображенію родной старины, серьезно задавшагося цѣлью представить въ своихъ твореніяхъ яркія картины, рисующія намъ болѣе или менѣе разносторонне прошлую жизнь Украины, хотя бы въ періодъ наибольшей интенсивности этой жизни. Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе причинъ этого обстоятельства, тѣмъ болѣе страннаго, что украинская исторія, чрезвычайно богатая внутреннимъ содержаніемъ, изобилующая моментами глубоко драматическими, представляетъ для повѣствователя разнообразный и въ высшей степени благодарный матеріалъ; отмѣтимъ лишь, что недостатокъ этотъ тѣмъ сильнѣе даетъ себя чувствовать и тѣмъ болѣе непріятенъ, что значеніе исторической повѣсти, вообще какъ проводника историческихъ знаній въ широкія массы, ея выдающаяся роль въ дѣлѣ ознакомленія народа съ его судьбами, способность будить въ читателѣ интересъ къ прошедшему, наводить его на размышленія, а подчасъ даже вызывать и вдохновлять его первые шаги къ серьезнымъ изслѣдованіямъ,—это огромное значеніе исторической повѣсти не подлежитъ сомнѣнію.

Поэтому мы готовы привѣтствовать всякую новую попытку освѣтить и въ художественныхъ образахъ представить ту или другую сторону нашего прошлаго; съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ и интересомъ встрѣчаемъ мы появленіе въ свѣтъ историческаго разсказа, принадлежащаго талантливому перу такого писателя, какъ Д. Л. Мордовцевъ, который давно уже стяжалъ себѣ почетную извѣстность своими историческими романами. Прежде, однако, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію новаго произведенія Д. Л. Мордовцева, мы скажемъ нѣсколько словъ о характерѣ его литературной дѣятельности вообще.

«Стоячы вже на порози таемнычои вичносты, мушу я прывселюдно зложыты мою покуту въ тимъ, що мало послужывъ на корысть

моёму ридному краёви й ёго мови. Але се зъ того, що ихъ доля—и моя доля». Эти слова г. Мордовцевъ поставилъ эпиграфомъ къ своей книгѣ. Сколько печальной правды въ этихъ словахъ, какое соотвѣтствіе дѣйствительности! Да, есть въ чемъ каяться. Уже изъ того обстоятельства, что Палій—первая книжка на украинскомъ языкѣ въ общей серіи полнаго собранія сочиненій Д. Л. Мордовцева—скромно занимаетъ почтенное 44-ое мѣсто, достаточно ясно, что «покута» нашего писателя не «звукъ пустой». Дѣйствительно, вся почти многолѣтняя и крайне плодовитая литературная дѣятельность г. Мордовцева посвящена русской литературѣ. Какъ рѣдкіе оазисы въ пустынѣ, попадаются произведенія на родномъ языкѣ, написанныя въ разное время (преимущественно начало 60-хъ, первая половина 80 и 90 годы). Неподдѣльное чувство, мягкость красокъ и вообще художественныя достоинства большей части этихъ разсказовъ заставляютъ высоко цѣнить немногочисленныя страницы, удѣленныя г. Мордовцевымъ родной рѣчи. Украинскія творенія нашего автора это лишь скромныя крохи, падающія на долю убогой литературы отъ стола господъ... Такою-же крупицей, отзвукомъ одного изъ русскихъ романовъ г. Мордовцева,—если не ошибаемся: «Царь и гетманъ»,—является и настоящая повѣсть, по крайней мѣрѣ, въ обоихъ произведеніяхъ общаго очень много.

«Поэты, художники, историки и моралисты,—говоритъ новѣйшій изслѣдователь,—двѣсти лѣтъ разрабатываютъ эту тему. Но коренное противорѣчіе взглядовъ на весь предметъ, поразительная неясность даже главныхъ обстоятельствъ, странное умолчаніе о многомъ и не менѣе странное толкованіе нѣкоторыхъ фактовъ показываетъ, что въ этой трагедіи еще много непонятнаго и неразгаданнаго, темнаго» ¹). Выяснить, въ какой степени г. Мордовцевъ разрѣшилъ эти недоумѣнія, конечно, поскольку они касаются избранной имъ темы, что новаго внесъ онъ и въ какомъ освѣщеніи предстали въ его разсказѣ историческіе дѣятели—это и составляетъ нашу ближайшую задачу.

Г. Мордовцевъ въ своей повѣсти разсказываетъ намъ устами самого Палія, о его встрѣчѣ съ Крижаничемъ; затѣмъ, упомянувъ о присутствіи Палія на крестинахъ дочери Кочубея, онъ, перенеся героя въ Варшаву, заставляетъ его выслушать длинное повѣствованіе Палія

---

¹) Уманецъ. Мазепа.

о любовныхъ похожденіяхъ Мазепы. Далѣе слѣдуетъ эпизодъ съ Голотою, которому также удѣлено не мало мѣста. Изобразивъ домашнюю жизнь Палія, авторъ предоставляетъ слово попу Лукьянову, впечатлѣніями котораго дѣлится съ читателями. Затѣмъ мы узнаемъ, чѣмъ занимаются Мазепа и Кочубей, присутствуемъ при дипломатической миссіи Паткуля, увѣнчавшейся постыднымъ фіаско, и переносимся въ далекую Москву, чтобы выслушать разговоры о Палíи, Гамаліи Гречаного и Лизогуба. Двѣ слѣдующія главы посвящены изображенію отношеній народа къ ссылкѣ Палія, жизнь котораго въ Сибири, собственно, встрѣча съ Самойловичемъ изображены очень подробно. Послѣ описанія встрѣчи возвращающагося изъ Сибири Палія съ Мазепой, авторъ заканчиваетъ свое повѣствованіе картиной Полтавской битвы, предоставляя повѣдать о дальнѣйшей судьбѣ своего героя Т. Шевченку.

Мы уже выше отмѣтили, что́ особенно насъ интересуетъ въ новомъ произведеніи г. Мордовцева. При оцѣнкѣ исторической повѣсти конечно, раньше всего возникаетъ вопросъ о степени ея соотвѣтствія дѣйствительности. Насколько же вѣрную и опредѣленную картину описываемой эпохи даетъ намъ авторъ, ставящій себѣ ясную задачу изобразить, какъ Палій исполнилъ то, «що ёму одъ Бога судылося»? Какъ мы уже видѣли изъ краткаго обзора содержанія повѣсти, г. Мордовцевъ отчасти на основаніи сохранившихся памятниковъ, которыми онъ пользуется особенно охотно (Мемуары Пасека, Записки Лукіанова), рисуетъ предъ читателемъ эпизоды, затрагивающіе иногда ту или другую сторону дѣятельности Палія (зап. Лукьянова), иногда же—имѣющіе лишь нѣкоторое болѣе или менѣе отдаленное отношеніе къ его личной жизни и не вносящіе ничего новаго въ образъ Палія, какъ «воскресытеля» (напримѣръ, разсказъ о встрѣчѣ съ Самойловичемъ), а подчасъ и рѣшительно не обусловливаемые сюжетомъ (Мемуары Пасека). Вообще, изъ повѣсти г. Мордовцева мы составляемъ себѣ понятіе о Паліи, какъ личности крайне симпатичной, человѣкѣ, горячо любящемъ родной край и изливающемъ свои благородныя чувства въ звучныхъ фразахъ и слезахъ; знакомимся нѣсколько и съ домашней обстановкой Палія, его отношеніями къ окружающимъ людямъ, но общаго представленія о созидательной дѣятельности славнаго Бѣлоцерковскаго полковника и перваго демократа своего времени, общаго очерка характера эпохи мы не получимъ. Эту сторону г. Мордовцевъ въ своемъ повѣствованіи недостаточно освѣщаетъ, оставляя почему то въ тѣни; здѣсь у него много недосказаннаго.

Конечно, г. Мордовцевымъ при написаніи повѣсти руководило желаніе не расходиться съ чувствомъ историческаго безпристрастія, на что онъ намекаетъ и въ предисловіи; однако это похвальное стремленіе къ безпристрастію не увѣнчивается успѣхомъ. Все «оповидання» проникнуто предвзятой тенденціей и оставляетъ желать весьма многаго въ выше указанномъ смыслѣ. Чтобы не быть голословными, мы нѣсколько подробнѣе остановимся на этомъ вопросѣ. Ярче всего высказался недостатокъ безпристрастія у г. Мордовцева въ его отношеніяхъ къ Мазепѣ. Изображая эту историческую личность, авторъ не даетъ намъ ничего новаго: его Мазепа—типъ давно извѣстный въ литературѣ, въ теченіе уже продолжительнаго времени щедро надѣляющей этого дѣятеля всѣми аттрибутами коварства, злодѣйства etc. У Мазепы г. Мордовцева мы тщетно искали бы хотя слабыхъ проблесковъ какого-либо добраго чувства, признаковъ человѣческаго образа. Мы уже не будемъ останавливаться на тѣхъ многочисленныхъ эпитетахъ весьма опредѣленнаго свойства, которыми вообще сопровождается всякій разъ имя злополучнаго гетмана въ повѣсти; наше вниманіе привлекаютъ другія подробности, характеризующія отношеніе автора къ Мазепѣ. Вотъ, напр., описаніе обряда крещенія Мотри Кочубеевны. Одно мѣсто въ этомъ описаніи является для насъ не вполнѣ понятнымъ, и, мы должны сознаться, что по прочтеніи его у насъ возникло подозрѣніе, что г. Мордовцевъ въ своей ничѣмъ непобѣдимой антипатіи къ Мазепѣ вполнѣ раздѣляетъ воззрѣніе Искры на него, какъ на близкаго пріятеля и даже сына... діавола. Боясь упрека въ неправильномъ пониманіи этого крайне интереснаго отрывка, предоставляемъ слово самому автору:

«Мазепа и не зчувсь (онъ, видите ли, былъ погруженъ въ сладостныя мечты о будущемъ королевскомъ вѣнцѣ), якъ отець Матвій обернувся до ёго зъ словамы:

— Отрекаешися-ли есы сатаны и всихъ дилъ ёго?

Мазепа мовъ прокынувся одъ своихъ думокъ... Де я?—що се таке?

А отець Матвій зновъ до ёго:

— Кажить, пане гетьмане:—отрекаешыся-ли есы сатаны и всихъ дилъ ёго?

— Не одрикается—де ёму безъ сатаны!—глянувъ Искра у вичи Паліёви.

— Отрекаюсь,—сказавъ Мазепа.

— Бреше, бреше... Се знов Искра до Палія.

— Отреклся есы?—Се отець Матвій:—кажить—«отрекохся».

— Отрекохся.

— Бреше, бреше...

— Дунь и плюнь.

— Не плюне *батькови* у вичи—де ёму!

— Мовчы, ыдолова голова,—ажъ прошыпивъ Палій, штовхаючы у-бикъ Искру.

Мазепа ажъ почервонивъ, але плюнувъ».

Къ сожалѣнію, авторъ не даетъ болѣе подробнаго объясненія. *почему* Мазепа *«почервонивъ»* (эти слова, какъ видимъ принадлежатъ уже г. Мордовцеву), оставляя мѣсто всевозможнаго рода недвусмысленнымъ догадкамъ. Впрочемъ, этотъ отрывокъ самъ достаточно говоритъ за себя и едва-ли нуждается въ комментаріяхъ... Вѣроятно изъ желанія еще болѣе отмѣтить непривлекательную личность Мазепы, авторъ Кочубея, котораго со временемъ судьба сдѣлала врагомъ гетмана, человѣка, владѣвшаго обширной собственностью, надѣляетъ... демократизмомъ. Мы упомянули о владѣніяхъ Кочубея не съ цѣлью бросить упрекъ ему, какъ человѣку (симпатичныя черты его въ отношеніи къ народу въ качествѣ судьи войскового признаются историками) и вовсе не потому, чтобы они, на нашъ взглядъ, мѣшали кому-либо вообще придерживаться демократическихъ убѣжденій; мы сдѣлали это упоминаніе лишь вслѣдствіе того, что намъ пришли на мысль тѣ далеко *не демократическія* средства, при помощи которыхъ составились на Украинѣ обширныя панскія латифундіи едва-лишь образующагося дворянства въ эпоху разграбленія (sit venia verbo) національныхъ имуществъ и первыхъ шаговъ къ закрѣпощенію поспольства. Эти средства, кажется, достаточно извѣстны каждому, чтобы о нихъ распространяться, и потому въ высшей степени странными и неестественными въ устахъ представителя войсковой старшины начала XVII вѣка представляются намъ жалобы на то, что старшина отнимаетъ у поспольства землю; странно звучатъ слова обо всѣхъ этихъ у народа отнимаемыхъ «кгрунтахъ, синожатяхъ, рыбныхъ ловахъ, ставкахъ и млынкахъ» (стр. 104). По всей вѣроятности, ничѣмъ другимъ, какъ тенденціозностью нашего автора, не можетъ быть объяснено (если вообще подобное сужденіе поддается объясненію), встрѣчающееся у г. Мордовцева стремленіе не только оправдывать, но даже придать значеніе

дѣла истинно-національнаго факту некрасивому во всякомъ случаѣ—измѣнѣ нѣкоторой части запорожцевъ въ Полтавскомъ бою. Нечего и говорить о томъ, что едва ли можетъ найти себѣ какое-либо нравственное оправданіе предательства по отношенію къ кому бы то ни было. Въ предвзятой мысли, что Полтавская побѣда является счастьемъ для Украйны, слѣдуетъ очевидно искать источника и тѣхъ странныхъ фразъ (стр. 175), въ которыхъ авторъ соединяетъ въ одно неразрывное цѣлое интересы Москвы и Украйны, далеко не имѣвшіе въ началѣ XVIII-го вѣка той общности, а подчасъ и діаметрально противоположные...

Переходимъ къ другому вопросу—о языкѣ, которымъ написана повѣсть (спѣшимъ оговориться—мы здѣсь разсматриваемъ только сторону историческую, о языкѣ же «Палія», какъ произведенія художественнаго, будетъ рѣчь ниже). Вопросъ этотъ выдвигаетъ цѣлыя страницы повѣсти, довольно многочисленныя, испещренныя разговорами дѣйствующихъ лицъ на русскомъ языкѣ, а не то и на какомъ то «язычіи» (пріемъ Лукьянова Паліихой и его впечатлѣнія, Паткуль въ Бѣлой Церкви, эпизодъ съ Самойловичемъ). Вѣроятно авторъ рѣшился на такой рискованный съ художественной точки зрѣнія пріемъ, вредящей въ значительной мѣрѣ цѣльности впечатлѣнія, изъ желанія болѣе ярко представить описываемыя имъ лица въ ихъ обстановкѣ, придать своему повѣствованію оттѣнокъ живой современности описываемой эпохи. Но внеся нежелательную пестроту въ изложеніе, онъ не достигъ этой цѣли, потому что затронулъ лишь одну сторону предмета: украинскій языкъ его повѣсти—это живой разговорный языкъ нашего времени, совершенно лишенный колорита начала XVIII вѣка, придающаго ему извѣстную характерность и своеобразность. Языкъ, организмъ живой, находится постоянно въ состояніи измѣненія и развитія; украинская жизнь въ періодъ ея автономіи выработала свой специфическій языкъ письменности и администраціи, оказывавшій, конечно, непосредственное вліяніе и на живой языкъ, проникая въ широкія народныя массы. Слѣдовъ этого языка, характерныхъ особенностей его начала XVIII ст., мы бы тщетно искали въ повѣсти г. Мордовцева, историческіе дѣятели котораго выражаются вполнѣ по современному, а это въ значительной мѣрѣ лишаетъ его произведеніе колоритности и вѣрности духу изображаемаго времени.

Обращаемся къ мелочамъ. Кстати о языкѣ Мазепы, который по мнѣнію Гамаліи, является «польською мовою» (стр. 124). Уже помимо

того обстоятельства, являющагося вполнѣ выясненнымъ, что роднымъ языкомъ гетмана былъ украинскій и что послѣднимъ онъ искусстно владѣлъ въ письмѣ, такое утвержденіе Гамаліи, приводящаго въ доказательство своей мысли употребленіе Мазепой—«альбо» вмѣсто «або», едва ли возможно въ устахъ украинца, получившаго образованіе въ школѣ конца XVII вѣка и несомнѣнно хорошо знакомаго съ современнымъ ему литературнымъ и актовымъ языкомъ. гдѣ сплошь и рядомъ попадается это чуждое *«альбо»*, къ которому его слухъ долженъ былъ давно привыкнуть.—Г. Мордовцевъ передаетъ благоговѣніе къ личности Петра и своему герою, въ уста котораго во время его жизни *въ ссылкѣ* онъ вкладываетъ почтительно-панегирическій отзывъ объ этомъ, «велетнѣ»—«укрыпы, Господы, ёго державну руку»,—(стр. 160—161). Намъ лично подобнаго рода отзывъ политическаго ссыльнаго, расходившагося въ своихъ воззрѣніяхъ на участь и задачи правобережной Украины съ московскимъ царемъ и пострадавшаго за это,—кажется, по меньшей мѣрѣ, подозрительнымъ. Вообще у нашего автора всякое упоминаніе имени Петра, съ присоединеніемъ обыкновенно весьма лестныхъ эпитетовъ, сопровождается и царскимъ титуломъ, даже въ разговорѣ простолюдиновъ, въ глуши степей (стр. 4) обнаруживающихъ необыкновенную почтительность.—Отмѣтимъ еще одну незначительную несообразность. Г. Мордовцевъ, вообще особенно охотно черпающій подробности изъ историческихъ памятниковъ, на стр. 86, категорически заявляетъ, что въ караванѣ, съ которымъ ѣхалъ Лукьяновъ, «Московського купця и духу не було»,—что, однако, не мѣшаетъ ему черезъ десять страницъ при описаніи пріема московскихъ гостей Паліихой отводить весьма видное мѣсто «московському крамарю», распространяясь о немъ довольно подробно (стр. 97 и дальше).

Оканчивая на этомъ свои замѣчанія объ исторической сторонѣ повѣсти г. Мордовцева, мы удѣлимъ немного мѣста разсмотрѣнію ея, какъ произведенія художественнаго. Намъ прежде всего бросается въ глаза та неизвѣстность, въ которой остается читатель относительно предыдущей жизни Палія, до появленія его въ Бѣлоцерковщинѣ почти совершенно не затронутой авторомъ, вслѣдствіе чего многіе вопросы являются невыясненными. Лишь случайно узнаемъ мы отъ бабы нѣкоторыя подробности о дѣтствѣ и юности Палія, уже разукрашенныя народной фантазіей и носящія легендарный характеръ; кромѣ того мы находимъ бѣглое упоминаніе о службѣ Палія у Доро-

шенка и его столкновеніи на Запорожьи съ Дорошенковымъ посланцемъ—Мазепой; въ разговорѣ съ Самойловичемъ проскальзываютъ кой-какія подробности, дающія возможность заключить о пребываніи Палія въ Кіевской академіи. Вообще Палій, являющійся главнымъ героемъ повѣствованія, занимаетъ въ немъ далеко не центральное мѣсто. Вниманіе автора часто отвлекается въ сторону, что въ значительной мѣрѣ вредитъ художественной цѣльности произведенія. Хотя авторъ и назвалъ свое произведеніе «исторычнымъ оповиданнямъ», но это скорѣе лишь рядъ картинъ историко-бытового и жанрового характера,—иногда, правда, носящихъ на себѣ отпечатокъ мастерского пера, присущаго г. Мордовцеву юмора и живости изложенія, но подчасъ до того слабо связанныхъ между собой, что трудно услѣдить общую идею, положенную въ основаніе повѣствованія. Тщетно искали бы мы выясненія этой идеи и въ предисловіи, хотя и преслѣдующемъ, вѣроятно, именно эту цѣль, но, на нашъ взглядъ, являющемся совершенно излишнимъ: о немъ, впрочемъ, рѣчь впереди. Отмѣтимъ здѣсь болѣе удачныя, по нашему мнѣнію, мѣста повѣсти. Приключенія Голоты и его месть панамъ—бойко написанная картинка, иллюстрирующая то далекое и бурное время. Эпизодъ въ эстетическомъ отношеніи выигралъ бы, если бы въ немъ не отведено было такого центральнаго мѣста подробностямъ туалета Харька. Не менѣе остроумно и интересно изложеніе дипломатической миссіи Паткуля и пріема, какой онъ встрѣтилъ у Бѣлоцерковскаго полковника. Картинки домашней жизни Палія, отличающіяся мягкостью тоновъ, принадлежатъ къ лучшимъ мѣстамъ повѣсти, равно какъ и запечатлѣнныя глубокимъ чувствомъ лирическія отступленія, изъ которыхъ болѣе удачнымъ является посвященное украинской женщинѣ. Эти страницы, легко и съ интересомъ читаемыя, служатъ украшеніемъ повѣсти. Общему впечатлѣнію вредитъ нѣсколько какое-то пристрастіе автора къ довольно сильнымъ выраженіямъ и кой-какія странности въ изложеніи. Какъ курьозъ, мы отмѣтимъ «дида», обладающаго удивительной способностью видѣть то, «чого нихто не бачывъ» (стр. 5). По всей вѣроятности, также люди на порогѣ XVIII столѣтія между прочими дарами природы были надѣлены и даромъ провидѣнія; на такое по крайней мѣрѣ заключеніе наводятъ насъ неоднократно высказываемыя персонажами повѣсти предсказанія, которымъ суждено было впослѣдствіи сбыться. Обозный Борковскій, напр., предугадалъ будущее сватовство гетмана къ его крестницѣ (стр. 37); Палій еще въ Сибири предвидѣлъ скорую гибель Ма-

зепы. Эти и подобныя пророчества post factum, разумѣется, не могутъ вызвать ничего, кромѣ улыбки на устахъ читателя.—Языкъ повѣсти, помимо уже отмѣченной пестроты, при всѣхъ тѣхъ особенностяхъ, какія вообще мы привыкли встрѣчать въ произведеніяхъ г. Мордовцева, является не вездѣ въ достаточной мѣрѣ отдѣланнымъ и подчасъ попадаются слова въ странной формѣ (напр., молодоць стр. 1), или съ несвойственнымъ имъ значеніемъ (напр., жинота—стр. 97), а также иногда встрѣчаются выраженія, отсутствіе которыхъ въ повѣсти едва ли бы можно было считать недостаткомъ. Вообще новое произведеніе г. Мордовцева при всѣхъ его положительныхъ сторонахъ, которыя мы старались отмѣтить выше, съ точки зрѣнія литературной критики едва ли составляетъ особенно цѣнное пріобрѣтеніе для нашей словесности... впрочемъ, автору остается утѣшать себя надеждой, что его «оповидання» съ одобреніемъ, сочувствіемъ и признательностью будетъ встрѣчено тѣми сферами, «кому вѣдать надлежитъ благонамѣренность, зазаконность и историческое безпристрастіе пишущаго» (!) (Предисловіе, стр. II). Эти сферы, можетъ быть, и будутъ вполнѣ удовлетворены новымъ произведеніемъ г. Мордовцева, но для литературы въ этомъ, конечно, ничего особенно утѣшительнаго нѣтъ...

Всякое произведеніе литературное, а историческое въ особенности, помимо разсмотрѣнныхъ нами сторонъ, имѣетъ еще и значеніе общественное. Не лишена его, разумѣется и повѣсть г. Мордовцева. На выясненіи характера именно этой стороны въ произведеніи г. Мордовцева мы и намѣрены еще нѣсколько остановиться.—Въ этомъ отношеніи раньше всего привлекаетъ наше вниманіе предисловіе. По нѣкоторымъ причинамъ мы не будемъ входить въ обсужденіе его содержанія, тѣмъ болѣе что намъ уже отчасти приходилось имѣть съ нимъ дѣло; коснемся лишь обстоятельства чисто внѣшняго: *предисловіе* къ украинской книжкѣ маститаго украинскаго писателя написано *по-русски*. Фактъ, во всякомъ случаѣ, глубоко знаменательный на порогѣ XX вѣка и наводящій на размышленія. Мы, признаемся, не можемъ найти для него болѣе или менѣе удовлетворительнаго объясненія: является ли онъ запоздалымъ пережиткомъ эпохи «Основы»,—времени, когда г. Мордовцевъ лишь выступалъ на поприще украинской литературы; или, быть можетъ, обусловливается воззрѣніями его на роль украинскаго слова въ письменности, воззрѣніями, точно опредѣляющими сферу литературной дѣятельности на родномъ языкѣ (хотя послѣднія публицистическія статьи г. Мордовцева не позволяютъ дѣлать такого предпо-

ложенія); или, наконецъ, слѣдуетъ искать разъясненія въ чисто внѣшнихъ условіяхъ, независящихъ отъ автора? Было бы въ высшей степени интересно получить надлежащій отвѣтъ на эти вопросы.—Безъ сомнѣнія, историческія событія и дѣятели въ изображеніи г. Мордовцева способны возбудить къ себѣ интересъ у той части нашего читающаго общества, которая считаетъ себя «тоже малороссами»; многое изъ «оповидання» должно встрѣтить здѣсь сочувственный откликъ, вполнѣ подходя подъ складъ воззрѣній этого міра, заставляя звучать соотвѣтствующія струны его душевнаго настроенія. Постоянный контингентъ читателей для «Палія», а слѣдовательно и успѣхъ его обезпеченъ. Но этимъ не ограничивается общественное значеніе повѣсти г. Мордовцева,—оно гораздо шире. Его повѣсть, благодаря имени автора, популярности изображаемыхъ въ ней личностей, волею судебъ поставленныхъ другъ противъ друга, благодаря попыткѣ дать въ ней разрѣшеніе вопросовъ, несмотря на 200-лѣтнюю давность не потерявшихъ еще своей жгучести и до сихъ поръ волнующихъ умы,—конечно, привлечетъ болѣе обширный кругъ читателей; среди большинства изъ нихъ повѣсть можетъ пробудить болѣе вдумчивое отношеніе къ прошлому родного края, собственно, къ той весьма интересной и важной эпохѣ въ его исторіи, изъ которой авторъ почерпнулъ сюжетъ своего произведенія,—эпохѣ, ознаменовавшейся такими крупными событіями и оказавшей сильное вліяніе на дальнѣйшія судьбы Украины. Если читатель, заинтересовавшись эпохой, постарается познакомиться съ дѣятелями того времени въ свѣтѣ строго научныхъ изслѣдованій, а благодаря этому сумѣетъ отнестись критически къ повѣствованію и дать ему надлежащую оцѣнку,—то это, думается, будетъ лучшей наградой автору. Именно въ пробужденіи сознательнаго отношенія къ давнему прошлому родной страны видимъ мы высокое общественное значеніе исторической повѣсти.

В. Черепинъ.

Творы Степана Руданського. Томъ 1-ый. *Кыивъ, 1902. Стр. IV+267+V.*

Въ одно время Подолія дала намъ два таланта: Свидницкаго и Руданскаго. Оба они одновременно учились въ Каменецкой духовной семинаріи, а затѣмъ, несмотря на препятствія со стороны домашнихъ,

поступили для довершенія образованія—первый въ Кіевскій университетъ, а второй въ Петербургскую Медико-Хирургическую академію. Дальнѣйшая судьба талантливыхъ подолянъ была также одинаково сурова. Щедро одаренные отъ природы, они могли несравненно больше сдѣлать для украинской литературы, если бы не такъ печально сложилась ихъ слишкомъ короткая жизнь, протекшая притомъ среди тяжелыхъ общественныхъ условій. Оба они во цвѣтѣ лѣтъ и силъ, не достигши полнаго разцвѣта таланта, преждевременно сходятъ въ могилу. Но и то, что ими создано, говоритъ о большомъ оригинальномъ талантѣ того и другого писателя, даетъ право на одно изъ видныхъ мѣстъ въ украинской литературѣ, обезпечивая имъ славу среди послѣдующихъ поколѣній.

Степанъ Васильевичъ Руданскій былъ въ высшей степени симпатичной личностью съ опредѣленнымъ міровоззрѣніемъ и съ глубокимъ національнымъ самосознаніемъ. Харектерно въ этомъ смыслѣ его письмо къ брату, въ которомъ онъ такъ выражаетъ свои мысли: «Заказують мени,—говоритъ въ этомъ письмѣ поэтъ,—мою ридну мову. Заказуе батько. Але въ мене бувъ прадидъ и прапрадидъ: воны мени не заказалы. Не слухае батько моеи мовы, за то мене и по смерти, може, послухають штырнадцять мильонивъ моихъ йидномовцивъ... Батько, може, не любыть свои мовы черезъ те, що нею говорять у насъ мужыкы. А нибы-то въ Московщыни не говорять мужыкы помосковськы! Да и чымъ мы лучче видъ мужыка?—вси мы ривни и у Бога и у натуры». Среди людей, знавшихъ его при жизни, поэтъ и по смерти оставилъ о себѣ добрую память, какъ человѣкъ, помогавшій всякому доброму дѣлу, частному и общественному.

Поэтому насъ крайне удивляетъ высказанное недавно г. Франкомъ мнѣніе о Руданскомъ, какъ поэтѣ, не имѣвшемъ своихъ собственныхъ взглядовъ, міровоззрѣнія и идейности [1]). Помимо вышеприведеннаго письма, которое одно уже является довольно вѣскимъ аргументомъ въ защиту Руданскаго, мы можемъ указать и на такія глубокоидейныя произведенія его, какъ: «Гей быкы»! «До дуба» и др. Человѣка, написавшаго подобныя произведенія, человѣка, возвысившаго въ то дореформенное темное время голосъ въ защиту «меньшого» брата (стих. «Пьяныця» и «Надъ колыскою«, въ которыхъ поэтъ яркими

---

[1]) Л.-Н. Вістник, 1902. IV.

красками рисуетъ тяжелое положеніе крѣпостныхъ), никакъ нельзя упрекнуть въ отсутствіи опредѣленнаго міровоззрѣнія и идейности.

Не весело сложилась жизнь нашего поэта, не менѣе печальна и судьба его литературныхъ трудовъ. При жизни Руданскаго было напечатано всего лишь нѣсколько его произведеній. Извѣстно, что первыя произведенія его были помѣщены въ «Русскомъ Мірѣ» въ 60-хъ годахъ. Въ «Основѣ» поэтъ помѣстилъ только шесть своихъ стихотвореній, но и тогда уже онъ своими литературными трудами обратилъ на себя вниманіе. Съ того времени мы долго не встрѣчаемъ произведеній Руданскаго въ печати, пока въ 1880 году Н. Г. Волынскій не издалъ въ Кіевѣ небольшой сборникъ его стихотвореній подъ заголовкомъ «Спивомовкы». Затѣмъ время отъ времени появляются его произведенія то на страницахъ нашего журнала, то въ галицкихъ періодическихъ изданіяхъ. Въ «Зори» за 1886, 1893 годы было помѣщено довольно значительное число еще неизвѣстныхъ дотолѣ, произведеній Руданскаго. Въ 1895 году во Львовѣ г. Комаръ издаетъ: «Творы Руданського» т. I, пользуясь автографичной рукописью поэта, въ которой оказалось около ста стихотвореній, нигдѣ еще не печатанныхъ. Это первое болѣе или менѣе полное изданіе было доведено до конца (пять томовъ) трудами г. Крымскаго. Въ названной рукописи поэта, по словамъ издателя, содержится весьма цѣнное для исторіи литературныхъ трудовъ Руданскаго подробное оглавленіе его произведеній; къ сожалѣнію, далеко не все изъ упомянутаго въ ней сохранилось.

Начало литературной дѣятельности Руданскаго можно отнести къ 1851 году, т.-е., къ тому времени, когда онъ былъ въ духовной семинаріи. Однимъ изъ юныхъ произведеній поэта являются «Небылыци». Еще на школьной скамьѣ возникаютъ такія общеизвѣстныя произведенія, какъ: «Повій, витре, на Вкраину»; къ тому же періоду относятся романсы: «Ты не моя»... «Чорный кольоръ». Но особенно плодотворнымъ для литературной дѣятельности Руданскаго былъ періодъ пребыванія его въ Петербургѣ. Въ это время были написаны имъ: «Лирныкови думы», «Царь-Соловей», «Прыказкы». Впрочемъ, это лишь небольшая часть изъ всего того, что было написано Руданскимъ. Многое еще и до сихъ поръ находится въ рукописяхъ; не мало, по всей вѣроятности, и совсѣмъ затерялось. «Порвалося и порозсыпалося дороге намысто, — такъ говоритъ Огоновскій объ этомъ печальномъ фактѣ, — покотылыся зерна геть далеко, и довелося збыраты ихъ по одному;

де-яки зерна незабаромъ знайшлыся и збереглысь видъ загыбели, инши онъ покотылыся геть далеко, шкода й думаты, щобъ зибраты ихъ уси». [1])

Переходя къ обозрѣнію настоящаго изданія, мы отмѣтимъ прежде всего такія высоко-художественныя идейныя произведенія, какъ: «Гей, быкы»! «Наука», «До дуба», «Студентъ», «Псаломъ 136», «Могыла». Исполненное нравственной силы, непоколебимой увѣренности въ своемъ правомъ дѣлѣ, стихотвореніе: «Гей, быкы»! безспорно является однимъ изъ самыхъ лучшихъ и глубокихъ по идеѣ произведеній Руданскаго. Стихотвореніе «Наука» анологичное, по мнѣнію г. Петрова, съ «Пѣсней Еремушки» Некрасова и написанное будто-бы подъ вліяніемъ послѣдняго, на нашъ взглядъ—вполнѣ оригинально. Намъ кажется, нѣтъ особенныхъ основаній предполагать какое-либо заимствованіе идеи и содержанія изъ произведеній другого писателя, разъ для Руданскаго—поэта по самому складу своему глубоко народнаго, поэта, мы подчеркиваемъ это особенно настойчиво, почерпающаго мотивы для своего творчества, изъ неизданныхъ источниковъ народнаго творчества—былъ и въ данномъ случаѣ первообразъ въ безсмертныхъ созданіяхъ народнаго духа. Фабулой своей «Наука» скорѣе напоминаетъ намъ тѣ изъ многихъ подобнаго рода украинскихъ пѣсенъ, въ которыхъ мать, какъ существо физически и нравственно менѣе сильное, даетъ сыну и сообразныя наставленія; отецъ же, наоборотъ, какъ человѣкъ болѣе сильный тѣломъ и духомъ, научаетъ его идти путемъ правды. Замѣчательно и другое высоко-художественное стихотвореніе Руданскаго: «До дуба», въ которомъ безсильной, «слабой» лозѣ противопоставленъ мощный дубъ:

Нехай гнеться лоза—
А ты, дубе, крипысь,
Ты росты та росты,
Не хылысь, не крывысь;
Ты глыбоко у глыбъ
Твердый коринь пусты,
Гилля въ гору роскынь,
Ты росты та росты!
И до пекла дистань,
И у пекло заглянь,

[1]) Омелянъ Огоновськый: „Исторія литературы руськой", ч. III.

И до хмары дистань,
И на небо поглянь,
И ввесь свитъ обдывысь,
И усе роспизнай,
И що доброго йе—
Ты у себе впывай;
И у сыли, въ добри,
Якъ скала затвердій,
И якъ Богъ свитовый,
На сторожи ты стій!...

Незамѣтно исчезнетъ съ лица земли, не оставивъ по себѣ слѣда, хилая лоза, тогда какъ дубъ будетъ славенъ въ своей смерти и послѣ нея:

Свитъ почуе ту смерть,
И повитря здрижыть,
И лисы загудуть,
И земля задвыжыть;
И пташкы пролетять—
Спогадають тебе,
И спивакъ перейде—
Не забуде тебе.

Морозъ душу обіймае, Морозъ тило каменыть,

когда читаешь стихотвореніе Руданскаго: «Студентъ», имѣющее автобіографическое значеніе и рисующее безвыходное, невыносимо-тяжелое положеніе поэта въ Петербургѣ. Вдохновенный: «Псаломъ 136», издавна привлекавшій вниманіе украинскихъ поэтовъ, въ переводѣ Руданскаго является наиболѣе удачнымъ и производящимъ своимъ звучнымъ стихомъ сильное впечатлѣніе. Въ стихотвореніяхъ «Пьяныця», «Надъ колыскою», какъ уже выше было упомянуто, поэтъ изобразилъ закрѣпощенный людъ. Въ стих.: «Пьяныця» передъ нами образъ измученнаго панщиной поселянина, изъ устъ котораго вырываются такія слова:

Та тяжки мои боли бильніи,
Бо не маю я воли вильнои.

Запряжу волы—пóтомъ мыюся;
Роспряжу волы—нá-бикъ хылюся;
Повалюсь на бикъ, не здримаюся,
Зновъ на панщыну пидiймаюся!..

Отработалъ онъ панщину—своя нива ужъ давно ждетъ его. Изнуренный, измученный тѣлесно и духовно, идетъ онъ къ «брыдкой шинкарочкѣ», чтобъ напившись забыться хотя на время. Столь же грустно по своему содержанію и стихотвореніе: «Надъ колыскою», въ которомъ поэтъ художественно изображаетъ въ пѣснѣ матери, поющей надъ колыбелью, всю трудовую жизнь ея крѣпостного сына. Съ радостнымъ чувствомъ начинаетъ она эту колыбельную пѣсню:

Спы, дытя мое, ты жыття мое,
Спы, дытя мое красне!
Покы сонечно не запалыться,
Покы мисяць не згасне!

Но вспомнивъ о всѣхъ горестяхъ ожидающей сына рабыни подневольной жизни, такъ кончаетъ ее:

Спы жъ, дытя мое, ты жыття мое!
Спы дытя мое красне,
Покы свитъ стоить, покы зъ мисяцемъ
Вразъ и сонце не згасне!...

Грустнымъ, безотраднымъ чувствомъ вѣетъ и отъ прекрасныхъ стихотвореній: «Сыротына я безродный», «Ой, чому ты не литаешъ», «Не дывуйтесь, добри люде», «Не згадаю гадкы», «Голе, голе мое поле», «Чорный кольоръ».

Не лишены художественныхъ достоинствъ и пѣсни любовно-грустнаго содержанія: «Повій, витре, на Вкраину», «Ты не моя», «Серенада», «Мене забудь», «Звела мене», «Згадай мене мыла», «Ой выйду я у садочокъ», «Голубонько дивчинонько», «Калыно-малыно».

Помимо этнографической цѣнности замѣчательны, какъ единственныя въ своемъ родѣ: „Прыказкы“ или „Спивомовкы“ Руданскаго, представляющія собою стихотворный пересказъ народныхъ анекдотовъ: форма, въ которую они заключены удивительно соотвѣтствуетъ содержанію.

Глубоко народныя по своей формѣ, языку и содержанію произведенія Руданскаго одинаково понятны и интеллигенту, и простому человѣку. Неудивительно поэтому, что такія его „спивомовкы", какъ „Засидатель", „Вареныкы", „Добре торгувалось" обратились въ пѣсни, широко распространеныя на Украинѣ, не говоря уже о всѣмъ извѣстной прекрасной пѣснѣ: „Повій, витре, на Вкраину", которую можно слышать и въ убогой хатѣ, и въ роскошныхъ залахъ. Много и другихъ „спивомовокъ", правда, въ довольно искаженномъ видѣ, ходитъ въ народѣ, не подозрѣвающемъ даже, кто былъ ихъ авторомъ. Ужъ одно то, что произведенія Руданскаго сдѣлались достояніемъ народа, получили такую широкую популярность среди него и сами стали какъ бы народными, говоритъ намъ о высокихъ достоинствахъ поэзіи Руданскаго, глубоко народной, національной по характеру. „Чи богато ж у нас таких поэтів, говоритъ г. Комаръ,—котрих вірши сталися народними ще за довго до надрукования іх, як се сталося з віршами Руданьського?" [1]).

Изъ переводныхъ произведеній Руданскаго въ изданномъ томѣ помѣщены: „Игорь Сиверськый", „Війна жабъ зъ мышамы", „Вищый Олегъ". Въ своихъ переводахъ поэтъ широко пользуется свободой въ выборѣ размѣра для переводныхъ произведеній. Хотя отъ этого переводныя произведенія особенно не страдаютъ, однако въ большинствѣ случаевъ, если-бъ размѣръ подлинника былъ сохраненъ, переводъ отъ этого только бы выигралъ. Въ послѣдніе годы своей жизни Руданскій трудился надъ переводомъ „Иліады", гекзаметръ которой, къ сожалѣнію, также не былъ поэтомъ сохраненъ въ переводѣ.

Поэзія Руданскаго оригинальна, съ сильнымъ народнымъ элементомъ, съ національнымъ украинскимъ колоритомъ. Руданскій, поэтъ народный, вышедшій изъ плеяды писателей 50—60 годовъ, подчинившихся сильному вліянію Шевченка, является однако не рабскимъ его подражателемъ, какъ это почему-то кажется г-ну Франку, а вполнѣ самостоятельнымъ, оригинальнымъ поэтомъ съ ярко обозначенной творческой индивидуальностью, оставившей по себѣ глубокіе слѣды въ родной литературѣ. Тѣмъ сильнѣе приходится сожалѣть, что такому поэту не удалось развернуться во всю ширь своего таланта и создать достойныя его произведенія.

А. Н.

---

[1]) Твори Степана Руданського, т. I. У Львові. 1895, стр. 2.

В. В. Антоновичъ. Археологическая карта Волынской губерніи. *Москва, 1900 г., in 4-⁰ большого формата, V+130 стр.+карта*.

Въ 1895 г. вышла «Археологическая карта Кіевской губерніи» профессора В. Б. Антоновича и тогда этотъ трудъ былъ привѣтствованъ всѣми, какъ цѣнный вкладъ въ археологическую науку. Теперь беремъ на себя смѣлость привѣтствовать новый въ такомъ же родѣ трудъ того же высокоуважаемаго учителя въ области археологическихъ знаній «Археологическую карту Волынской губерніи».

Послѣдняя карта была приготовлена проф. В. Б. Антоновичемъ къ XI археологическому съѣзду, бывшему въ Кіевѣ въ 1899 г., и затѣмъ издана въ 1-мъ томѣ „Трудовъ" этого съѣзда и особыми оттисками. Хотя на обложкѣ тѣхъ особыхъ оттисковъ и значится 1900-й годъ, но изданіе это, какъ и самые «Труды» съѣзда, выпущено въ свѣтъ только въ мин. 1902 году, ко времени XII Археологическаго съѣзда, бывшаго въ Харьковѣ.

«Археологическая карта Волынской губерніи» составлена по образцу такой же карты кіевской губерніи. Какъ прежній такъ и теперешній трудъ почтеннаго профессора представляетъ двѣ части: пояснительный текстъ къ картѣ и самую карту. Въ началѣ первой части слѣдуетъ перечисленіе источниковъ, послужившихъ для составленія карты; здѣсь показаны, кромѣ печатныхъ источниковъ, рукописный матеріалъ и коллекціи предметовъ древности. Въ числѣ рукописнаго матеріала находимъ археологическія замѣтки и дневники какъ самого составителя карты, какъ и другихъ лицъ: Н. Ѳ. Бѣляшевскаго, Я. Я. Волошинскаго, Е. Н. Мельникъ, гр. А. С. Уварова и др., а также матеріалы, собранные Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ, Археологическою Коммиссіею, Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, церковныя лѣтописи приходовъ и др. Конечно, среди этихъ источниковъ главное и почетное мѣсто должны занять археологическія замѣтки и дневники раскопокъ самого же составителя. Многимъ извѣстно, что замѣтки, которыя ведетъ по карточной системѣ почтенный Несторъ южно-русской исторіи и археологіи и которыя онъ охотно предоставляетъ для просмотра другимъ, желающимъ трудиться на историко-археологическомъ поприщѣ, представляютъ обильный источникъ историческихъ и археологическихъ свѣдѣній. Многія изъ этихъ замѣтокъ составляютъ результатъ личныхъ осмотровъ мѣстностей и изслѣдованій памятниковъ старины. Въ отношеніи Волыни профессоръ

В. Б. Антоновичъ много потрудился: имъ весьма многія мѣстности осмотрѣны, раскопано здѣсь значительное количество кургановъ, изслѣдованы городища. Его археологическія изслѣдованія въ странѣ древлянъ изданы Императорской Археологической Коммиссіею въ одномъ изъ выпусковъ „Матеріаловъ по археологіи Россіи“ (№ 10, „Древности юго-западнаго края“, 1893 г.). Предъ XI археологическимъ съѣздомъ В. Б. Антоновичъ предпринималъ спеціальныя археологическія экскурсіи на Волынь и производилъ тамъ раскопки. Потому-то замѣтки и дневники составителя «Археологической карты Волынской губерніи» имѣютъ важное значеніе среди другихъ источниковъ, такъ какъ даютъ авторитетныя, надлежаще провѣренныя и оцѣненныя свѣдѣнія.

Кромѣ рукописныхъ источниковъ, послужившихъ при составленіи археологической карты волынской губерніи, матеріалъ для нея дали и коллекціи предметовъ древности, какъ общественныя (музеи кіевскаго университета и духовной академіи, древнехранилище въ Житомирѣ), такъ и частныя. Изъ частныхъ собраній, находящихся на Волыни, указаны: барона Штейнгеля въ с. Городкѣ, ровенскаго уѣзда, А. Волянскаго въ с. Рудкѣ, того же уѣзда, г. Добровольскаго въ г. Овручѣ, Л. Житинскаго въ д. Лагодовкѣ, дубенскаго у., И. А. Орлова въ с. Кутахъ, кременецкаго уѣзда, С. Радзиминскаго въ с. Сивкахъ, острожскаго у., Э. Руликовскаго въ м. Высоцкѣ, ровенскаго у.; къ этимъ собраніямъ древностей нужно прибавить и коллекціи, находящіяся въ Кіевѣ (В. Б. Антоновича, В. В. Хвойка и Хойновскаго).

Послѣ перечня источниковъ слѣдуетъ объяснительный текстъ карты: здѣсь указываются археологическіе памятники данной мѣстности, время и результаты ихъ изслѣдованія, находки предметовъ древности и т. п. Мѣстности расположены по уѣздамъ, а въ уѣздахъ перечисляются по системамъ рѣкъ и водораздѣловъ—этимъ естественнымъ путямъ распространенія культуръ въ древнія, особенно въ первобытныя, времена. Противъ каждаго, занесеннаго въ указатель карты, свѣдѣнія показанъ источникъ, откуда заимствовано это свѣдѣніе. Въ концѣ помѣщены указатели—географическій и предметный. Послѣдній указатель—предметный—очень важенъ: онъ даетъ возможность оріентироваться въ массѣ сообщеннаго матеріала. Здѣсь предметы подѣлены на 8 группъ: каменный, бронзовый и желѣзный вѣка, курганы, городища, валы, памятники болѣе поздняго историческаго времени и монетные клады. Каждая изъ этихъ группъ имѣетъ болѣе частныя дѣ-

ленія. Такъ, каменный вѣкъ имѣетъ такія подраздѣленія: стоянки неолитической эпохи (такихъ стоянокъ указано 49,—число значительное въ сравненіи съ кіевской губерніей, гдѣ указано только 12; зато на Волыни не открыто стоянокъ палеолитической эпохи), мастерскія каменныхъ орудій (21 мѣстность; въ Кіевщинѣ вовсе не значится по картѣ), мастерскія пряслицъ (7 мѣст.), отбивныя и полированныя орудія (спорадическія находки), орудія изъ кости и рога, чашечные камни, пещеры, мегалитическія постройки (4 мѣст.) и свайныя постройки (подъ знакомъ вопроса,—въ 2 мѣст.). Бронзовый вѣкъ имѣетъ подраздѣленія: цельты, булавы, копья, стрѣлы, украшенія (мѣстностей, гдѣ найдены отдѣльные предметы этой культуры, очень мало—всего 18). Къ вѣку желѣзному отнесены предметы до-христіанскаго и княжескаго періодовъ: желѣзное оружіе, украшенія костюма, стеклянные браслеты, греческія и римскія издѣлія и каменныя бабы (послѣдніе предметы указаны только въ 4 мѣстахъ). Подъ рубрикой „курганы" находятся такія подраздѣленія: курганы съ погребеніемъ каменнаго вѣка (19 мѣст.), кисты съ обрядомъ сожженія каменнаго вѣка (18 мѣст.), курганъ съ переходнымъ погребеніемъ отъ каменнаго вѣка къ бронзовому (1 мѣст.), кисты съ погребеніемъ желѣзнаго вѣка (2 мѣст.), курганы желѣзнаго вѣка съ обрядомъ сожженія (4 мѣст.), затѣмъ скиѳскій курганъ (указанъ 1) и курганы древлянскаго и волынскаго типовъ. Курганы послѣдняго типа,—замѣтимъ,—отличаются особою скудостью предметовъ, находимыхъ при покойникахъ: оружія и сосудовъ при скелетахъ вовсе не попадается; украшеній костюма, колецъ и серегъ мало, при чемъ эти предметы не богатые. Всѣхъ кургановъ сосчитано 15.347, въ томъ числѣ вскрытыхъ 674 (въ Кіевщинѣ всѣхъ кургановъ занесено въ карту 13200, въ томъ числѣ вскрытыхъ 842). Городищъ занесено на Волыни 348 (въ Кіевщинѣ 435), изъ нихъ городище-майданъ только въ 1 мѣстности (въ Кіевщинѣ послѣднихъ памятниковъ показано 151).

Вторую часть разсматриваемаго нами изданія составляетъ собственно карта. Здѣсь на картѣ десятиверстнаго масштаба (т. е. масштаба: 10 вер. въ дюймѣ) условными знаками обозначены разные археологическіе памятники, имѣющіеся или найденные въ извѣстной мѣстности, при чемъ культура каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ отмѣчена особыми цвѣтами: зеленымъ, краснымъ и синимъ; монетные клады обозначены бронзовой краской; остальные предметы помѣчены чорной краской. Относительно послѣдняго, т. е. обозначенія

археологическихъ предметовъ на картѣ чорной краской, нужно сказать, что такіе знаки теряются среди другихъ знаковъ и надписей, имѣющихся на картѣ. Кажется, лучше было бы всѣ знаки, относящіеся къ археологіи, отмѣчать не чорной краской, а какой-нибудь другой; тогда бы они выступали на картѣ лучше и не терялись бы среди другихъ значковъ, часто не имѣющихъ отношенія къ археологіи (дороги и на нихъ корчмы, обозначеніе при каждомъ поселеніи числа жителей въ сотняхъ и др.).

Таковъ составъ „Археологической карты Волынской губерніи". Въ ней собраны свѣдѣнія о всѣхъ археологическихъ памятникахъ и случайныхъ находкахъ Волыни, а потому эта книга составитъ базисъ, съ котораго начнется дальнѣйшее археологическое изслѣдованіе губерніи.

Къ тому, что есть въ этомъ изданіи, можно пожелать еще одного. Желательно бы имѣть еще археологическій обзоръ губерніи на основаніи сообщенныхъ въ „Картѣ" свѣдѣній, чтобы уяснить должное значеніе археологическихъ памятниковъ данной мѣстности и указать ихъ мѣсто въ ряду такихъ же памятниковъ другихъ мѣстностей, отмѣтить особенности волынскія и т. п. Подобный обзоръ памятниковъ каменнаго вѣка западной Волыни сдѣланъ проф. В. Б. Антоновичемъ въ статьѣ, помѣщенной въ 1-мъ томѣ „Трудовъ одиннадцатаго Археологическаго съѣзда" („О каменномъ вѣкѣ въ западной Волыни"). Этотъ обзоръ прекрасно уяснилъ памятники древнѣйшей культуры западной Волыни и ихъ территоріальное распредѣленіе.

Вообще, „Археологическая карта Волынской губерніи", составленная глубокимъ знатокомъ южно-русскихъ древностей, представляетъ крупный вкладъ въ археологическую литературу, она окажетъ значительную помощь при дальнѣйшихъ археологическихъ изслѣдованіяхъ Волыни и дастъ матеріалъ для общихъ научныхъ выводовъ.

Е. С.

Обзоръ украинскихъ изданій за 1902 годъ.

Положеніе украинской литературы въ истекшемъ 1902 году, по прежнему далекое не только отъ идеала, но даже и отъ просто снос-

ныхъ условій существованія, не измѣнилось сколько-нибудь замѣтно. Все также, по старому, каждой украинской книжкѣ приходится отъ момента своего зарожденія и до выхода въ свѣтъ проходитъ такой длинный путь различнаго рода мытарствъ,—начиная отъ крайней матеріальной необезпеченности украинскихъ писателей и кончая почти полнымъ отсутствіемъ у насъ издателей,—и такъ много падаетъ жертвъ на этомъ гибельномъ пути, что часто приходится отмѣчать даже такія явленія, которыя въ другихъ, болѣе счастливыхъ литературахъ обыкновенно проходятъ незамѣченными. Въ каждой украинской книжкѣ прежде всего ищешь признаковъ того будущаго, котораго ожидаешь съ такимъ нетерпѣніемъ и которое одно только можетъ вывести нашу литературу на настоящую дорогу.

Обращаясь къ обзору украинской литературы за 1902 годъ, укажемъ прежде всего тотъ фактъ, что наибольшее количество изданныхъ въ текущемъ году книгъ падаетъ на Кіевъ, который замѣтно съ каждымъ годомъ расширяетъ свою издательскую дѣятельность на укр. яз.; изъ книгъ, появившихся въ истекшемъ году въ Кіевѣ, прежде всего отмѣтимъ трехтомный сборникъ *Викъ*, въ первомъ томѣ (второе изданіе) содержащій образцы украинской поэзіи отъ Котляревскаго, а въ двухъ послѣднихъ (появляются впервые)—украинской прозы отъ Квитки и до послѣдняго времени; въ «Вик'ѣ» представлены произведенія лучшихъ украинскихъ писателей, о которыхъ въ большинствѣ случаевъ даны также краткія біографическія и библіографическія свѣдѣнія, и приложены портреты. Въ серіи, начатой въ 1901 году повѣстями Шевченка, въ истекшемъ году вышли: № 4 *Руданськый—Творы*, т. I (см. рецензію въ этой же книжкѣ „Кіевской Старины"), № 5 *Крымськый—„Изъ повистокъ и ескизивъ"* (см. рецензію въ XI книжкѣ), № 6 и 7 *Марко Вовчокъ—«Народни оповидання»*, т. 1 и 2, въ которыхъ собрано все, что было написано этимъ авторомъ на украинскомъ языкѣ,—изданіе, котораго, по всей вѣроятности, съ нетерпѣніемъ ожидалъ всякій любитель украинской литературы; № 8 *Крымськый—«Пальмове гилля»* [1]) и № 9 *Чернявськый—«Зори»*—

[1]) Обѣ книжки г. Крымскаго напечатаны собственно не въ Кіевѣ: первая въ Москвѣ, а вторая въ Звенигородкѣ, но, судя по нумераціи, онѣ относятся къ серіи кіевскихъ изданій.

два сборника стихотвореній, принадлежащіе нашимъ молодымъ писателямъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою индивидуальную физіономію. Изъ отдѣльныхъ изданій—*„Оповидання зъ народнихъ устъ“* г-жи *Ганны Барвинокъ* (А. М. Кулішъ), изданныя подъ редакціей и съ предисловіемъ г. Гринченка, являются также цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для нашей литературы, представляя итоги 40-лѣтней литературной дѣятельности почтенной писательницы; *„Литературный збирныкъ, зложеный на спомынъ Олександра Кониського“* (помѣченъ 1903 г.) даетъ рядъ произведеній какъ старыхъ, хорошо извѣстныхъ нашей читающей публикѣ писателей, такъ и новыхъ, впервые на литературной нивѣ появляющихся. Изъ народныхъ изданій отмѣтимъ въ высшей степени цѣнную и съ художественной, и съ идейной стороны комедію *г. Тобилевича* (Карпенка-Караго) *„Хазяинъ“* (№ 25) и двѣ поэмы *Шевченка „Катерына“* (№ 26) и *„Невольныкъ“*—произведенія слишкомъ извѣстныя, чтобы о нихъ стоило распространяться. Упомянемъ кстати, что настоящее изданіе «Катерыны» является первымъ въ Россіи, напечатаннымъ безъ всякихъ пропусковъ и сокращеній, неизмѣнно повторявшихся въ предыдущихъ изданіяхъ какъ въ «Кобзарѣ», такъ и отдѣльно. Кромѣ того, вышли драматическія произведенія стараго писателя *Квитки-Основъяненка («Шельменко-денщыкъ», «Шельменко—волостный пысаръ», «Щыра любовъ», «Сватання на Гончаривци»)* и три книжки стихотвореній начинающихъ писателей: *г. Федорченка—«Въ чаду мрій», г. Сурмаченка—„Нисенитныци“* и *Парпуры—„Косаръ“*; о первыхъ двухъ у насъ была уже рѣчь (см. рецензію въ IX кн.); послѣдняя не даетъ достаточнаго матеріала для сужденія о литературныхъ силахъ автора. Къ числу кіевскихъ изданій нужно также отнести и печатавшіяся первоначально въ нашемъ журналѣ, а затѣмъ выпущенныя отдѣльно произведенія г. г. *Коцюбинського—«Дорогою циною», Лысака-Тамаренка—«Невесели сельськи малюнкы», Гринченка—«Пидъ тыхымы вербамы» и Винниченка—« Сыла и краса».*

Второе мѣсто по численности изданныхъ на украинскомъ языкѣ книжекъ занимаетъ далекій Петербургъ, гдѣ дѣйствуетъ извѣстное «Благотворительное Общество для изданія дешевыхъ и полезныхъ книгъ». Въ отчетномъ году Обществомъ спеціализировавшимся на популярныхъ изданіяхъ, издано вновь 8 (№№ 13—20) брошюръ: *Коваленка—Видъ чого вмерла Мелася, Гринченка—Оповидання про Ивана Котляревського, его-же—Оповидання про Е. Гребинку, Чикаленка—Розмова про сельське хазяйство* кн. 1, 2 и 3 и *Имшенецького*—

Видъ чого заводятся пошести, и кромѣ того повторнымъ изданіемъ вышли Степовыка—«*Корыстни звирятка*» и «*Про городыну*». Перечисленныя нами имена сотрудниковъ Общества достаточно извѣстны въ нашей народной литературѣ, какъ умѣлыхъ и опытныхъ популяризаторовъ и потому изданія Общества представляютъ цѣнный вкладъ въ нашу популярную литературу. Изъ книгъ иного характера Петербургъ далъ всего одну—историчне оповидання *Д. Л. Мордовцева*—«*Палій, воскресытель правобережнои Украины*»—произведеніе, которое едва ли прибавитъ лавровъ маститому писателю (см. рецензію въ настоящей книжкѣ).

На третьемъ мѣстѣ стоитъ Харьковъ. Харьковскимъ «Комитетомъ для распространенія въ народѣ грамотности» предположенъ, какъ мы слышали, рядъ изданій на украинскомъ языкѣ, изъ которыхъ въ настоящемъ году вышли въ свѣтъ: г.г. *Левицького Ив.* „*Зъ давнихъ часивъ*" (о Богданѣ Хмельницкомъ) и *Гринченка* „*Оповидання про Грыцька Квитку-Основьяненка*"; г. Гуртомъ изданы: извѣстный изъ „Л.-Н. Вістника" историческій разсказъ *М. Грушевського* „*Ясновельможный сватъ*" и брошюра „*Якъ треба и якъ не треба*", заключающая два разсказа Златовратскаго и Успенскаго въ переводѣ *г. Галайды*. Изъ харьковскихъ изданій, предназначенныхъ для интеллигенціи, намъ извѣстны: „*Поезія въ прози*" *г. Хоткевича*, о которой у насъ была рѣчь въ статьѣ „Въ поискахъ новой красоты" и второй томъ *Повного збирныка творивъ М. Л. Кропивныцького*, содержащій между довольно слабыми произведеніями послѣдняго періода писательской дѣятельности почтеннаго драматурга популярную драму „Глытай".

Изъ остальныхъ городовъ Черниговъ далъ «*Драмы и комедіи*» *г. Гринченка*—сборникъ драматическихъ произведеній этого писателя, а Москва, кромѣ упомянутой выше книжки г. Крымскаго—еще написанный г. *Корсунскимъ-Турчаниновымъ* по Э. Ожешко разсказъ „*Зимовый вечиръ*".

Вотъ все или почти все, чѣмъ проявила себя украинская литература въ предѣлахъ Россіи въ минувшемъ году; о заграничныхъ изданіяхъ, поставленныхъ на болѣе широкую ногу, мы не говоримъ, такъ какъ правильный обзоръ ихъ у насъ по многимъ причинамъ невозможенъ. Разумѣется, вообще это не много; тѣмъ не менѣе по сравненіи съ предыдущими годами 1902 годъ замѣтенъ и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи: о немъ, по крайней мѣрѣ, нельзя сказать,—„пусто, хоть шаромъ покати", какъ о любомъ изъ

представителей несчастной памяти второй половины 80-хъ и начала 90-хъ годовъ, когда вся литературная продукція на украинскомъ языкѣ въ Россіи ограничивалась много-много десяткомъ тощихъ брошюрокъ. Отчетный годъ яснѣе, чѣмъ предыдущіе подчеркнулъ ту тенденцію, которая выступаетъ, въ послѣдніе годы все яснѣе, выражаясь въ стремленіи издавать настоящія солидныя книги, а не однѣ лишь брошюры; число такихъ книгъ замѣтно увеличилось и уже въ состояніи дать достаточный матеріалъ для чтенія. Вторая особенность минувшаго года, передаваемая, правда, въ наслѣдство настоящему 1903—это появленіе литературныхъ сборниковъ, составленныхъ изъ произведеній разныхъ авторовъ, сходящихся на сотрудничествѣ въ одномъ изданіи. Изъ такихъ сборниковъ одинъ «зложеный на спомынъ Ол. Кониського» уже вышелъ, другіе, какъ намъ достовѣрно извѣстно, находятся или въ печати или въ цензурѣ, или же въ начальной стадіи зарожденія. Это обстоятельство, имѣя любопытную аналогію въ исторіи русской литературы—вспомнимъ многочисленные альманахи первой половины XIX ст.,—вызвано, очевидно, условіями существованія украинской печати и стремленіемъ къ расширенію области литературнаго, такъ сказать, касанія,—стремленіемъ, неуклонно идущимъ къ основанію періодической печати. Литературные сборники, выходящіе въ свѣтъ даже и не въ опредѣленные сроки и по самому составу своему ограниченные въ одной лишь области чисто литературныхъ интересовъ, представляютъ все-таки хоть отдаленное подобіе періодической печати и удовлетворяютъ хотя бы въ самой минимальной дозѣ потребности въ журналѣ и газетѣ,—потребности очевидно назрѣвшей вполнѣ и ясно сознаваемой. Если въ отчетномъ году намъ и не приходится говорить о попыткахъ изданія періодическаго органа печати на украинскомъ языкѣ,—попытки такія, если не ошибаемся, все таки были,—то это не потому, чтобы потребность такого органа меньше сознавалась той частью украинскаго общества, которая не порвала связей съ роднымъ народомъ, а по причинамъ, лежащимъ внѣ сферы литературныхъ воздѣйствій. Напротивъ, все усложняющіяся требованія жизни настоятельно требуютъ и своего литературнаго отраженія, возможнаго лишь при существованіи періодической печати, и мы не сомнѣваемся, что отмѣченное теченіе, усиливаясь съ каждымъ годомъ, приведетъ когда-нибудь къ желанному концу—появленію украинскихъ органовъ періодической печати. Если въ настоящемъ году русской печати представляется по крайней мѣрѣ формальный поводъ насчитывать два

столѣтія своему существованію и она при случаѣ можетъ уже ссылаться на нѣкоторыя традиціи и принципы, выработанные исторіей, то для насъ все это пока еще въ будущемъ; на приближеніи этого будущаго мы и должны сосредоточить свое вниманіе, въ надеждѣ, что усилія наши не пропадутъ даромъ...

С. Е—мовъ.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

1) Русская Старина, № 12; 2) Русскій Архивъ, № 12; 3) Міръ Божій, № 12; 4) Научное Обозрѣніе, № 11; 5) Русская Школа № 10 и 11; 6) Книжки Восхода, № 11; 7) Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, № 12; 8) Ученыя записки Казанскаго Университета, № 11; 9) Земскій Сборникъ черниговской губерніи, № 11; 10) Литературный Вѣстникъ, № 6; 11) Университетскія Извѣстія, № 10 и 11; 12) Літературно-Науковий Вістник, № 11 и 12; 13) Новое Дѣло, № 10; 14) Этнографическое Обозрѣніе, № 3; 15) Вѣстн. Евр., № 12; 16) Biblioteka Warszawska, № 12.

Русская Старина, декабрь.

Дубровинъ Н.—Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка (продолженіе). Стр. 417—450.

Въ настоящей XXIII главѣ приведены любопытныя подробности измѣны могилевскаго архіепископа Варлаама, родомъ крестьянина изъ черниговской губерніи. Во время вступленія французскихъ войскъ въ предѣлы Россіи въ 1812 г. архіепископъ Варлаамъ присягнулъ на вѣрность Наполеону со всѣми своими подчиненными. По окончаніи войны архіепископъ лишенъ былъ сана и сосланъ на жительство въ Сѣверскій Спасскій монастырь черниговской губерніи.

Міръ Божій, № 12.

Н. Н. Котляревскій.— Н. В. Гоголь. 182—1842 г.—Окончаніе изслѣдованія посвящено послѣднимъ годамъ жизни и дѣятельности Гоголя: въ XVII гл. говорится о пріѣздѣ Гоголя въ Россію въ 1841 г., о хлопотахъ съ цензурой по изданію „Мертвыхъ Душъ“; о болѣзненномъ состояніи писателя и религіозномъ просвѣтленіи его духа; о положеніи его среди двухъ враждебныхъ лагерей—западниковъ и сла-

вянофиловъ и значеніи произведеній его для обѣихъ партій, наконецъ—объ отъѣздѣ Гоголя изъ Россіи въ 1842 г. и выходѣ въ свѣтъ полнаго собранія сочиненій его. XVIII гл. посвящена уясненію силы личности великаго писателя, общественнаго и нравственнаго значенія его творчества и воспитательнаго значенія „совѣстливаго отношенія автора къ самому себѣ“, какъ выражается авторъ изслѣдованія. Въ заключеніи своей статьи г. Котляревскій даетъ краткую характеристику Жуковскаго, Пушкина, Лермонтова и Гоголя съ цѣлью опредѣленія мѣста, какое занимаетъ послѣдній среди названныхъ писателей.

Русская школа. № 10 и 11.

Н. В. Калишевичъ—Среднее и начальное образованіе въ Кіевскомъ учебномъ округѣ. (Стр. 90—112). Начало статьи, обрисовывающей положеніе средняго и начальнаго образованія въ округѣ на основаніи отчетовъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа за 1899 и 1900 гг.

И. П. Бѣлоконскій.—Дѣятельность земствъ по народному образованію въ 1902 г.—продолженіе начавшейся печатаніемъ въ № 9 журнала статьи, составленной на основаніи обширнаго матеріала, собраннаго къ первой выставкѣ по народному образованію, устроенной курскимъ губернскимъ земствомъ въ 1902 г. (съ 23 по 30 іюня).

Университетскія Извѣстія, № 10 и 11.

А. М. Лобода.—Русскія былины о сватовствѣ. (№ 10, стр. 1—51). Названное изслѣдованіе начинается критическимъ разборомъ современныхъ методовъ изученія былинъ школами: миѳологической, взаимнаго между народами литературнаго общенія и школой исторической.

А. С. Грушевскій.—Очеркъ исторіи Турово-Пинскаго княжества въ составѣ Литовско-Русскаго государства XIV—XVI в. (съ двумя картами) (№ 10, стр. 41—110; № 11, стр. III—192). Въ продолженіи своего солиднаго изслѣдованія авторъ даетъ географическій очеркъ княжества, говоритъ о населеніи, администраціи, духовномъ управленіи (епископія и духовенство), о населеніи городовъ и его занятіяхъ, а также о юридическомъ и экономическомъ бытѣ тяглаго населенія.

Л. Яснопольскій.—Источники статистики землевладѣнія, преимущественно въ Россіи. (№ 10, стр. 1—21). Статья представляетъ собою пробную лекцію, читанную въ Харьковскомъ университетѣ.

Ученыя Записки Казанскаго Университета №, 10.

Д. Нагуевскій.—Обозрѣніе русскихъ монетъ, хранящихся въ нумизматическомъ музеѣ Казанскаго университета, съ древнѣйшихъ временъ Русскаго государства до царствованія Императора Николая I (стр. 198—238).

Земскій Сборникъ черниговской губерніи, ноябрь.

И. Шрагъ.—А. М. Лазаревскій, стр. 145—160.

Въ обширномъ и подробно составленномъ некрологѣ А. М. Лазаревскаго характеризована дѣятельность покойнаго какъ историка, земскаго и судебнаго дѣятеля.

Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка 1729—1730 (продолженіе). Подъ редакціей Н. П. Василенка. Стр. 193—224.

Литературный Вѣстникъ, № 6.

П. Драгановъ.—Къ статьямъ о Гоголѣ въ болгарской литературѣ. (107—109 стр.). Замѣтка о переводѣ повѣсти Гоголя „Ночь передъ Рождествомъ“ на болгарскій языкъ

П. Драгановъ.—Гр. Л. Толстой и Гоголь въ греческой литературѣ—(175—176 стр.). Авторъ замѣтки говоритъ, что знакомство грековъ съ названными писателями, относится къ 1870 году съ появленія этюда ученаго фанаріота С. Караѳеодори «О русской литературѣ.

Этнографическое Обозрѣніе, № 3.

В. Мошковъ.—Гагаузы бендерскаго уѣзда. XI—XIII гл. (стр. 1—66). Названныя главы трактуютъ о смерти, представленіяхъ о загробной жизни, и похоронныхъ обычаяхъ; о третьей субстанціи у человѣка—«талысымъ» (тѣнь) и, наконецъ, о народномъ календарѣ у гагаузовъ. Въ примѣчаніяхъ заключается много интересныхъ сопо-

ставленій и параллелей съ вѣрованіями и обычаями малороссовъ, бѣлоруссовъ и великоруссовъ.

— Въ Отдѣлѣ «Хроники» напечатанъ отчетъ о XII археологическомъ съѣздѣ.

Літературно-Науковий Вістник. № 11 и 12.

В. Сивенького. Te Deum.—*Б. Лепкого* поезиі. I. Часом. II. Чому?— *І. Франка.* Із дневника.

— *О. Де-ка.* Ти вже не дитина.—*Ст. Ковальова.* Сільскі звіздарі.— *М. Коцюбінського.* На камени.—*К. Гринсвичовоі.* Вікна.

І. Ф. Микола Ленау.—*Із поезий М. Ленау* перекл. П. Грабовського.—*Е. Золя.*—Правда, виемки з останньоі повісти, перекл. І. Франка.—*М Драгоманова.* Украінське письменство 1866—1873 рр.— *В. Олехновича.*—Раси Европи і іх історичні взаемини, перекл. В. Г.— *С. Павленка.* Р. Вірхов—громадський діяч.—*Новини нашоі літератури:* За кадильну, оповідане Д. Лукіяновича, оцінка Н. Кобринськоі.

Хроніка і бібліографія.

Із поезий Козачки: І. Зісланому борцеви. II. З приводу розрухів.—*Три сонети Гіркого.*—*Из поезий Павла Гробовського:* На позичені мотиви.—*Ів. Франка:* На старі теми.

Г. Хоткевича: Різдвяний вечір, оповідание.

С. Ковальова: Сільські звіздарі, спомини.

Лисака-Тамаренка.—З житя духовноі особи, оповиданне. *Е. Золя:* Правда, виемки з останньоі повісти, перекл. І. Франка.

Із поезий Конради Ф. Маера: І. Теснезій. II. Шіллерів похорон. III. Нідерландський маляр, перекл. І. Франка.—*М. Драгоманова:* Украінське письменство 1866—1873 р.р., недрукована праця, перек. М. П.—*С. Павленко:* Р. Вірхов—громадський діяч. *Над свіжими могилами:* І. Памяти Т. Рильського, І. Франка; II. Спомини про О. Я. Кониського, П. С.; III. Памяти О. Терлецького. Я. О—ського.—*М. Грушівського:* В справі «Академічного Дому».

Хроніка і бібліографія.

Biblioteka Warszawska. Grudzień 1902. (Tom IV. zeszyt 3.

W przededniu katastrofy—Galicya w roku 1846. przez d-ra *Bronisława* Lozińskiego (глава II).

Посвятивши довольно обширное мѣсто общей характеристикѣ государственной системы дореформенной Австріи и охрактеризовавъ достаточно подробно дѣятельность Метерниха, авторъ переходитъ къ галицкимъ дѣламъ, гдѣ усматриваетъ покровительство крестьянскому возстанію со стороны правительства, видѣвшаго въ немъ конецъ революціи. Отмѣтивши нѣкоторое благоволеніе къ польской шляхтѣ, проявленное намѣстникомъ кн. Лобковицемъ, авторъ черными красками характеризуетъ галицкую администрацію, которой приписываетъ сознательное возбужденіе крестьянской рѣзни при благосклонномъ бездѣйствіи военной силы. Главную причину преступной пропаганды бюрократическихъ сферъ d-r Losiński видитъ въ панщинныхъ отношеніяхъ, которыя представляются ему въ розовомъ свѣтѣ. Прибѣгнувъ къ помощи нѣмца Hosch'a, чтобы доказать полную неосновательность и предвзятость мысли, что «шляхта польская живетъ главнымъ образомъ эксплоатаціей (zdzierstwa) подданныхъ, что она ихъ притѣсняетъ и гнететъ», г. Loziński изливается въ сожалѣніяхъ о несчастной участи угнетеннаго тогда «żywiołu polskiego», изображенію горькой доли котораго и посвящена главнымъ образомъ статья. Жаль, что авторомъ оставлены въ тѣни именно панщинныя отношенія, тяжелой для народа ненормальности которыхъ суждено было сыграть не послѣднюю роль среди причинъ въ этой грустной исторіи.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ «Кіевлянинѣ» (№ 335) помѣщена обширная замѣтка г. Т. Ф., посвященная съѣзду «русской», какъ выражается авторъ, молодежи во Львовѣ. Замѣтка полна прискорбія и ламентацій по поводу энергичной дѣятельности «украинофильской» партіи, поддерживаемой будто-бы поляками (!), и комплиментовъ по адресу «русско-народной»— «всѣми гонимой, преслѣдуемой, постоянно подозрѣваемой въ измѣнѣ за выражаемыя ею симпатіи къ Россіи, на каждомъ шагу стѣсняемой въ главной своей дѣятельности по распространенію знанія русскаго литературнаго языка и русской литературы». Изложивъ причины розни между студентами обѣихъ партій («украинофилы», видите-ли, «не могли воздержаться отъ выраженія ненависти къ своимъ товарищамъ единственно за то, что послѣдніе не признаютъ самостоятельности и само-

бытности малорусской вѣтви русскаго народа и не раздѣляютъ ихъ мечтаній о созданіи «украинскаго государства на соціалистическихъ основахъ, безъ хлопа и пана»), авторъ переходитъ къ обзору дѣятельности съѣзда студенческой молодежи москвофильскаго направленія. Изъ постановленій съѣзда, кромѣ обычныхъ пожеланій «пріобщиться къ общерусской культурѣ», обращаютъ на себя вниманіе требованіе съ одной стороны основанія во Львовѣ русскаго университета и преобразованія существующаго Черновецкаго въ румыно-русскій, что́ въ Галичинѣ уже само собою является политическимъ шагомъ; а съ другой—рѣшительное якобы уклоненіе отъ политической дѣятельности. Вообще, восторженный тонъ замѣтки г. Т. Ф. также мало гармонируетъ съ результатами дѣятельности «русско-народной» партіи, какъ и панегирическій отзывъ того же автора и въ томъ же органѣ о „Живой Мысли"—достоинствамъ новаго журнала.

Въ «Волыни» № (289) помѣщенъ очеркъ жизни и дѣятельности Ѳ. Р. Рыльскаго, составленной на основаніи статьи, помѣщенной въ нашемъ журналѣ. Подобный же очеркъ появился и въ одной изъ кіевскихъ газетъ («Кіевское Слово»).

Въ газетѣ „Волынь" (№ 256) помѣщена исторія деревни Чухели, староконстантиновскаго уѣзда, подъ заглавіемъ «Страница изъ исторіи Волыни».

Драматической цензурой разрѣшена къ представленію новая пьеса на украинскомъ языкѣ „Не убій", принадлежащая перу г. Щоголева (Тогобочнаго). («Югъ», № 1349).

Цензурой разрѣшенъ къ печатанію сборникъ г. Вороного «Зъ надъ хмаръ и зъ долынъ», состоящій преимущественно изъ произведеній молодыхъ украинскихъ писателей.

Въ „Литературномъ Обозрѣніи", помѣщенномъ въ „Приднѣпровсромъ Краѣ" (№ 1655) между прочимъ данъ обзоръ содержанія нашего журнала за ноябрь. Обзоръ обращаетъ на себя вниманіе нѣкоторыми странностями. Такъ, напр., авторъ ставитъ намъ въ упрекъ. что „Кіевская Старина" сціализировалась исключительно на старинѣ „малороссійской", а затѣмъ черезъ столбецъ уже оказывается, что „въ „Кіевской Старинѣ"—не все рѣчь о старинѣ". Затѣмъ автору статьи о Морачевскомъ совершенно неосновательно приписано мнѣніе о Морачевскомъ,

какъ о выдающемся малорусскомъ писателѣ.—Эти и другія странности, вплоть до невѣрнаго цитированія даже заглавій, помѣщенныхъ въ нашемъ журналѣ статей, обнаруживаютъ, что авторъ обозрѣваетъ литературныя явленія на лету, не давая себѣ труда внимательнѣе отнестись къ нимъ.

Въ «Южномъ Краѣ» (№ 7559) помѣщена небольшая библіографическая замѣтка по поводу недавно вышедшаго II-го тома «Повного збирныка творивъ» М. Л. Кропивницкаго. Отзывъ въ общемъ сочувственный.

Въ „Вѣстникѣ Юга" (№ 287) помѣщена рецензія на сборникъ г. Конощенка „Украинськи писни зъ нотами".

Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" (№№ 337 и 341) помѣщены въ русскомъ переводѣ „Очерки Василя Стефаника": „Проба", „Письмо" и „Подпись".

Въ „Орловскомъ Вѣстникѣ" напечатанъ переводъ разсказа г-жи Яновской „Смерть Макарыхы", авторство котораго приписанно переводчикомъ почему то М. К. Заньковецкой. Разсказъ, принадлежащій якобы популярной украинской артисткѣ, начали было перепечатывать и другія газеты („Одесскій Листокъ", „Югъ" и „Донская Рѣчь"), но послѣ письма г-жи Заньковецкой, указавшей въ „Одесскомъ Листкѣ" истиннаго автора, печатаніе разсказа названными газетами было прекращено („С.-Петербургскія Вѣдомости, № 327).

По поводу второй годовщины смерти А. Я. Конисскаго нѣкоторыми газетами („С.-Петербургскія Вѣдомости" № 327—„Памяти А. Я. Конисскаго", статья г. Лотоцкаго, „Волынь" № 257—„ Памяти человѣка великой души" М. П. и въ № 264—„Еще по поводу смерти А. Я. Конисскаго", „Кіевское Слово" № 5353 „Памяти А.Я. Конисскаго" М. П.) помѣщены сочувственныя статьи о покойномъ, въ которыхъ отмѣчены его заслуги передъ родиной. Между прочимъ „Волынь" сообщаетъ, что въ Одессѣ уже напечатанъ и на дняхъ выйдетъ въ свѣтъ четвертый томъ сочиненій (на украинскомъ языкѣ) покойнаго писателя.

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Бурчак В.—Матура. Новелі. Стр. 90. У Львові, 1902. Ц. 1 кор.

Боровиковський Лев—Маруся. Українська баляда. Видав і пояснив Ів. Франко. Літ-Наук. Бібліотека, ч. 40. Стор. 46. У Львові, 1902. Ціна 25 сот.

Вітик С.—Що далій робити? Відозва в справі великого стрейку хлопського. Стр. 72. У Львові, 1902. Ціна 20 сот.

Герц Фр.—Земельне питане а соціялізм. Переклав. М. Левіцький. Бібліотека для суспільних наук. Ч. 2. Стор. VI+52. В Чернівцяхъ, 1902. Ціна 40 сот.

Гнатюкъ В.—Угро-руські духовні вірші. Відбитка з «Записок Наук. Т-ва ім. Шевченка». Стор. 272. У Львові, 1902. Ц. 2. 50 кор.

Гринченко Б.—Оповидання про Квитку-Основяненка. Харьковъ. 1902 г.

Данте Алігері.—Пекло. Пісні I—X. Переклав. В. Сивенький. Літ.-Наук. Бібліотека, ч. 41—42. Стор. 84. У львові, 1902. Ц. 40 сот.

Заболотскій П. А.—Н. В. Гоголь въ русской литературѣ (бібліографическій обзоръ), Стр. 104 in 8⁰. Кіевъ, 1902.

Катерина.—Опера в 3 актах. Музика Н. Аркаса, лібретто по Т. Шевченку. Стор. 52. У Львові, 1902.

Косичъ М.—Литвины-бѣлоруссы Черниговской губ. СПБ. 1902.

Кравченко В.—Буденне жите. Психольогічні малюнки. Беллетристична Бібліотека, ч. 43. Стор. 306. У львові, 1902 г. Ціна 2 кор.

Кропивницький М.—Пісні в лицях. Народня опера у 3 діях. Музика Порошина. Стор. 52. У львові 1902·

Кропивницький М.—Повный Збирныкъ Творивъ. т. II Стр. 189 Харьковъ, 1093. Цина 1 р. 50 к.

Ливицкій Эвг.—Розправа над руским страйком в державній раді. Стор. 208. У Львові. Ціна 30 сот.

Левицькый Ив.—Зъ давнихъ часивъ. Про гетьмана Б. Хмельныцького. Стор. 31. Харьковъ, 1902.

Лепкий С.—Театер а народ. Розвідка, Народна Бібліотека, ч. I. Стор. 8. У Львові, 1902. Ціна 6 сот

Литературный збирныкъ, зложеный на спомынъ Олександра Кониського. Стор. 401. У Кыиві, 1903. Цина 2 руб.

Лопатинський Л.—Праця, комедія в 3 актах· Стор. 148. У Львові, 1902. Ціна 2 кор.

Мандибур Т.—Льогіка для VII кл. гімназияльноі. Стор. 108+VI. У Львові, 1902. Ціна 1.80 кор.

Народный декляматоръ.—Стр. 312. В. Коломиі, 1903. Ціна 1.20 кор.

Олехнович В.—Раси Европи і іх історичні взаємини. Переклав В. Гнатюкъ. Літ-Наук. Бібліотека, ч. 43—45 Стор. 144. У Львові, 1902. Ціна 70 сот.

Охнич М.—Туберкульоза у людий і зьвірят. Стор. 64. В. Коломиі Ціна 60 сот.

Савеловъ Л. М.—Донскіе дворянскіе роды. Стр. 173 in 8°. Москва, 1902 г.

Sembratowycz R.—Polonia irredenta. Стор. 158. Frankfurt am Main, 1903. Ціна 2 марки.

Степовичъ А.—XII археологическій съѣздъ въ г. Харьковѣ. Стр. 25. Кіевъ, 1902.

Тен I.—Фільософія штуки. Переложив О. Барвінський. Друге видане. Наукова Бібліотека, ч. 10. Стор. 97. У Львові, 1902. Ціна 1 кор.

Терлецький О.—Москвофіли і народовці в 70-х рр. Літ.-Наук. Бібліотека, ч. 37. Стор. IV+64. У Львові, 1902. Ціна 30 сот.

Тургенев Ів.—Ася, Оповидане. Переклала М. Грушевська. Літ.-Наук. Бібліотека, ч. 38—39. Стор. 90 У Львові, 1902. Ціна 40 сот.

Фльобер Г.—Іродіяда. Перекладъ М. Грушевського з додатком статі про Фльобера Літ.-Наук. Бібліотека, ч. 36. Стор. 72. У Львові, 1902. Хіна 30 сот.

Федькович О.—Писаня. Перше повне і критичне видане під редакцією О. Колесси і Ів. Франко. Т. II (повісти і оповиданя), стор. XII+495, ціна 4 кор. Т. III ч. I (драматичні переклади), стор. XIII+532, ціна. Вид. Товариства ім. Шевченка. У Львові, 1902.

Франко Ів.—Лукян Кобилиця. Епізод. із історіі Гуцульщини в першій половині XIX в. Відбитка з Запысок Наук. Т-ва ім Шевченка Стор. 40. У Львові, 1902`Ціна 40 сот.

Франко Ів.—Козак Плахта. Відбитка з Записок Наук. Т-ва ім. Шевченка. Стор. 28. У Львові, 1902. Ціна 30 сот.

Хроніка українсько-руського Наукового Товариства імени Шевченка у Львові. Вип. III, ч. 11. (май-серпень 1902). Стор. 24. У Львові, 1902. Ціна 40 сот.

Шевченко Т.—Катерына. № 26. У Кыиви, 1902. Цина 2 кор.

Школа народна. Ч. VI. Стор. 216. У Львові, 1902. Ціна 1 кор.

Яцків М.—Огні горять. Повість. Стор. IV+176. У Львові, 1902. Ціна 2.50 кор.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

НА 1903 ГОДЪ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. **Въ отдѣлѣ наукъ:** ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по учебнымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. **Въ отдѣлѣ критики и библіографіи:** профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и отмѣтки.

III. **Университетская лѣтопись**: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣніе преподаванія, распредѣленіе лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. **Приложенія**: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями, и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Ѳ. Мищенко.*

тикѣ въ магазинахъ: С. В. Кульженко, Л. и Влад. Идзиковскаго, Овчинникова, и Розова. 3) Въ Москвѣ и Петербургѣ у Метцль и К°.

Гг. иногороднихъ подписчиковъ просятъ обращаться непосредственно въ главную контору «Кіевскаго Слова»—Большая Владимірская, домъ № 43.

За Редактора *Т. В. Локоть.* Издательница *В. М. Антоновичъ.*

ОБЪЯВЛЕНІЯ: за строку петита или ея мѣсто въ одинъ столбецъ: на первой страницѣ—20 коп., послѣ текста—10 коп. При многократныхъ объявленіяхъ дѣлается уступка.

За разсылку при газетѣ приложеній—по 8 рублей съ тысячи вѣсомъ не болѣе одного лота каждое.

Редакція и главная контора помѣщаются на Екатерининскомъ проспектѣ, въ д. Немировскаго (противъ Городского сада).

ОБЪ ИЗДАНІИ КІЕВСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1903 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университескаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностью Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универ. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и посторонних слушателей.

4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5. Программы, конспекты и библіографическіе указатели для учащихся.

6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.

7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.

8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.

9. Годичные отчеты по Университету.

10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11. Разборы дисертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1)—о ф ф и ц і а л ь н у ю и протоколы, отчеты и т. п. 2)—н е о ф ф и ц і а л ь н у ю (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—*критико-библіографическимъ*, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники*, заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

«*Университетскія Извѣстія*» въ 1903 году будутъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ «*Извѣстій*» безъ пересылки *шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ*, а съ пересылкой *семь рублей*. Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе «*Университетскихъ Извѣстій*» 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается

«Университетскія Извѣстія» высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. О г л о б л и н у въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Гл. Редакторъ *В. Иконниковъ*.

Только благодаря тому обстоятельству, что издатель журн. является въ то же время издат. всѣхъ произведеній Вас. Ив. Немировича-Данченко, и можно давать такія цѣнныя приложенія.

5) Настольное роскошно-иллюстрир. изданіе ПОЭМА ГЕТЕ «РЕЙНЕКЕ-ЛИСЪ» **12** пѣсенъ до *20 печ. листовъ 160 стр. больш. форм. Полный переводъ (безъ сокращеній) М. Достоевскаго.* съ 36 рисунками художн. *Каульбаха.* Заграничное нѣмецкое изданіе стоило около 30 руб., русское—(А. Ф. Маркса)—12 руб.

МЫ ДАЕМЪ «РЕЙНЕКЕ-ЛИСЪ» **БЕЗПЛАТНО.**

Уплатившіе сполна подписную сумму получатъ «РЕЙНЕКЕ-ЛИСЪ» **НЕМЕДЛЕННО** (№ 1 журнала).

Подписавшіеся въ разсрочку—по уплатѣ послѣдняго взноса.

Допускается разсрочка: при подпискѣ *2* руб., къ 1 марта *1* руб., къ 1 мая *1* руб. и къ 1 іюля *2* руб. Безъ доставки въ СПБ. пять рублей.

Подписка принимается у издателя П. П. Сойкина СПБ. Стремянная, 12, собст. д.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1903** ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ

„НОВЫЙ МІРЪ"

Большой иллюстрированный вѣстникъ современной жизни, политики, литературы, науки, искусства и прикладныхъ знаній.

ЗА ЧЕТЫРНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ

въ 1903 г. каждый подписчикъ „Новаго Міра" получитъ съ доставкой и пересылкой слѣдующія изданія:

24 №№ интереснаго богато-иллюстрированнаго литературно-художественнаго журнала «НОВЫЙ МІРЪ» въ форматѣ лучшихъ наибольшихъ европейскихъ иллюстрацій.

24 №№ иллюстр. двухнедѣльнаго обзора текущей жизни—политической, общественной, литературн. и художеств., п. н. «ВСЕМІРНАЯ ЛѢТОПИСЬ»—въ форматѣ «Новаго Міра».

24 №№ особаго иллюстрированнаго журнала прикладныхъ знаній и новѣйшихъ изобрѣт., п. н. «МОЗАИКА», съ хроникою самообразованія и справочнымъ отдѣломъ.

52 №№ еженедѣльн. журнала «ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ», иллюстриров. вѣстника отчизновѣдѣнія, исторіи, культуры, государственной. общественной и экономической жизни Россіи.

52 №№ еженедѣльнаго обзора текущей русской жизни п. н. «ВРЕМЕННИКЪ ЖИВОПИСНОЙ РОССІИ». представляющаго собою полную еженедѣльную газету.

12 №№ ежемѣсячнаго журнала романовъ, повѣстей, разсказовъ, историческихъ очерковъ и проч. для семейнаго чтенія, п. н. «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕЧЕРА», и *ВЕЛИКОЛѢПНЫЯ БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ, состоящія изъ 12* изящно переплетенныхъ книгъ «БИБЛІОТЕКИ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ», въ составъ которыхъ войдутъ 6 томовъ сочиненій Д. И. СТАХѢЕВА въ *6 переплетахъ,* заключающіе въ себѣ, между прочимъ: 4 большіе романа, 3 большія повѣсти, нѣсколько разсказовъ и другихъ мелкихъ произведеній. 6 томовъ сочиненій С. СМАЙЛЬСА въ *6 переплетахъ,* заключающіе въ себѣ слѣдующія произведенія: «Характеръ», «Бережливость», «Самодѣятельность», «Долгъ», «Жизнь и трудъ» и «Вѣчный труженикъ». Кромѣ того, независимо отъ всѣхъ перечисленныхъ изданій и премій, гг. подписчики получатъ *безплатно* ДВА ЦѢННЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ИЗДАНІЯ, а именно:

1) Графъ Л. Н. Толстой

въ изображеніяхъ живописцевъ, скульпторовъ и граверовъ, русскихъ и иностранныхъ, фотографическихъ портретахъ, снятыхъ въ разныхъ періодахъ его жизни, картинахъ, медаляхъ, рисункахъ, автографахъ, предметахъ, связанныхъ съ его именемъ и пр. и пр., хранящихся въ общественныхъ музеяхъ, библіотекахъ и коллекціяхъ частныхъ собирателей, въ Россіи и за границею, съ приложеніемъ мыслей и изреченій великаго писателя.

2) Русскій Музей Императора Александра III

Роскошное изданіе, содерж. свыше *120 картинъ*, съ описательнымъ текстомъ Н. Корсакова.

Годовая подписная цѣна «Новаго Міра» на *веленевой* бумагѣ, со всѣми объявленными приложеніями и безплатными преміями, съ доставкой и пересылкою въ Россіи—*14 р.* Съ пересылкой за границу—*24 р.*

Гг. подписчики, желающіе получить «Новый Міръ» на *слоновой* бумагѣ, уплачиваютъ за годовое изданіе журнала, съ упомянутыми приложеніями, вмѣсто 14 р.—*18* руб.; съ пересылкой за границу, вмѣсто 24 р.—*28* руб.

Допускается разсрочка платежа: при подпискѣ не менѣе 2 р. и ежемѣсячно не менѣе 1 р., съ тѣмъ, чтобы вся подписная сумма была уплачена полностью не позже 10 декабря 1903 г.

Гг. подписчики, взамѣнъ сочиненій Д. И. Стахѣева и Самуила Смайльса, могутъ, по желанію, получить на выборъ *одно* изъ слѣдующихъ собраній сочиненій: или а) собраніе сочиненій *И. И. Лажечникова* въ *12* томахъ, или б) собраніе сочиненій *Архіепископа Иннокентія* въ *12* томахъ, или в) собраніе сочиненій *Генриха Гейне* въ *12* томахъ, или-же г) собраніе сочиненій *В. И. Даля* (Казака Луганскаго) въ *10* томахъ. Каждое изъ этихъ собраній будетъ выслано въ изящно *переплетенномъ* видѣ.—Интересующіеся-же сочиненіями *Д. И. Стахѣева* могутъ получить въ 1903 году *все собраніе сочиненій* этого писателя въ *12* изящно *переплетенныхъ* томахъ, при чемъ лишніе шесть томовъ будутъ высланы, взамѣнъ объявленныхъ шести томовъ сочиненій Смайльса.—О ВЫБОРѢ ПРЕМІИ просятъ гг. подписчиковъ заявлять *при самой подпискѣ.*

Подписка на «НОВЫЙ МІРЪ» принимается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. ВОЛЬФЪ: въ С.-Петербургѣ, Гостинный Дворъ, 18, и въ Москвѣ, Кузнецкій Мостъ, д. Джамгаровыхъ, а также во всѣхъ прочихъ столичныхъ и провинціальныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Вас. Остр., 16 лин., д. № 5—7.

комъ смыслѣ слова.—Второй отдѣлъ—**„Временникъ живописной Россіи“—является серьезной еженедѣльной газетой,** имѣющей цѣлью дать интеллигентному читателю въ живомъ и исключительно фактическомъ изложеніи точное и правдивое изображеніе того, какъ живетъ Россія въ настоящемъ.

Оба отдѣла «Живописной Россіи», занимающіе, какъ по новизнѣ своей программы, такъ и по средствамъ ея достиженія, совершенно обособленное положеніе въ семьѣ русской печати, даютъ читателю возможность обогатить свои познанія необходимымъ для каждаго русскаго человѣка изученіемъ родины въ ея прошломъ и настоящемъ и слѣдить, съ небольшой затратой времени, за текущей государственной, общественной, экономической и умственной жизнью Россіи.

„ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ“ ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Такимъ образомъ, каждый подписчикъ получитъ въ теченіи года:
52 №№ ИНТЕРЕСНАГО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА и
52 №№ ВРЕМЕННИКА «ЖИВОПИСНОЙ РОССІИ».

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА «Живописной Россіи» на годъ съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи **5 р.**, за границу на годъ **8 руб.**

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖА, причемъ при подпискѣ должно быть внесено не менѣе 2 рублей, остальныя же деньги могутъ высылаться черезъ каждые два мѣсяца по 1 рублю.

Подписная цѣна «Живописной Россіи» совмѣстно съ двухнедѣльнымъ иллюстрированнымъ журналомъ *«Новый Міръ»* на веленевой бумагѣ съ безплатными къ нему приложеніями: 24 №№ *«Мозаики»*, 12 кн. *«Литературныхъ Вечеровъ»*, 24 №№ *«Всемірной Лѣтописи»*, *двѣнадцатью изящно переплетенными* книгами *«Библіотеки Русскихъ и Иностранныхъ Писателей»*, въ составъ которыхъ въ 1903 г. входятъ: 6 томовъ сочиненій *Д. И. Стахѣева* и 6 томовъ сочиненій *С. Смайльса*, и двумя роскошными художественными изданіями-альбомами *«Гр. Л. Н. Толстой»* и *«Русскій музей Императора Александра III»*, съ доставкой и перес.: въ Россіи *14* руб., за границу *24* руб.—Желающіе получать «Новый Міръ» на слоновой бумагѣ (вм. веленевой) уплачиваютъ за всѣ названныя изданія, съ дост. и перес.: въ Россіи, вм. 14 р.—*18* р., за границу вм. 24 р.—*28* р.— Разсрочка платежа допускается отъ 2 р. при подпискѣ и ежемѣс. не менѣе 1 р. съ тѣмъ, чтобы вся подписная сумма была уплочена полностью не позже 10 декабря 1903 г.

Отдѣльные №№ «Живописной Россіи» продаются по 15 к., съ перес. по 20 к. (можно почтовыми марками).

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. ВОЛЬФЪ: С.-Петербургъ, Гостинный Дворъ, 18, и Москва, Кузнецкій Мостъ, 12, а также во всѣхъ прочихъ столичныхъ и провинціальныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Вас. Остр., 16 л., д. 5—7.

2—3

(химія), *В. Передольскій* (антропологія), проф. *Л. Петражицкій* (юрид. науки), проф. *С. Ф. Платоновъ* (исторія), *Э. Реклю* (географія), *Е. де-Роберти* (философія), *Н. Родзевичъ* (исторія права), прив.-доц. *Н. Рожковъ* (исторія и экономія), проф. *Л. Саккетти* (исторія искусства), прив.-доц. *В. Таліевъ* (ботаника), проф. *М. Тамамшевъ* (исторія), проф. *Ф. Трачевскій* (исторія), *В. Тотоміанцъ* (полит. экон.), *Ѳ. Е. Туръ* (физіологія), *М. Филипповъ* (философія и истор. литер.), *А. Финнъ* (полит. экон.), проф. *О. Хвольсонъ* (физика), проф. *Н. Холодковскій* (зоологія), проф. *В. Шимкевичъ* (зоологія) и мн. др.

Въ отдѣлѣ: «Народный Университетъ» (для САМООБРАЗОВАНІЯ) принимаютъ участіе учредители русской парижской школы Общественныхъ наукъ: проф. *Ю. Гамбаровъ*, проф. *Максимъ Ковалевскій*, проф. *М. Томашевъ, Е. де-Роберти*, члены одесскаго лекціоннаго комитета и другіе ученые.

Въ этомъ отдѣлѣ будутъ напечатаны въ 1903 г., между прочимъ, слѣдующіе курсы и сочиненія: Проф. *Лассаръ-Копъ.* Химія обыденной жизни. (Съ рис.). Д-ръ *Гааке.* Строеніе и жизнь животнаго (Съ рис.).— *Тиндаль.* Теплота, какъ родъ движенія. (Съ рис.). *Б. Лангкафель.* Африканскія и американскія расы. Съ дополненіями В. Передольскаго. (Съ рис.). Проф. *М. Тамамшевъ.* Багдадскій халифатъ. Исторія арабовъ. *Летурно.* Психологія народовъ. Проф. *Е. Бемъ-Баверкъ.* Критика теорій эксплуатаціи и, въ частности, теоріи Маркса. *Тиндаль.* Звукъ (съ рис.). *Таръ.* Первобытное общество. (Съ предисл. *М. Ковалевскаго.* Систематика животныхъ: *Бау.* Руководство къ опредѣленію жуковъ, пер. под. ред. *Н. Холодковскаго.* (Съ рис.).— Кромѣ того:

I. Шерръ. Всеобщая исторія литературы.

Новое русское изданіе, переработанное и значительно дополненное относительно новѣйшей эпохи, подъ ред. *М. Филиппова.* Со многими *рисунками и портретами.* Въ 1903 году, изъ этого извѣстнаго труда будетъ помѣщенъ *первый томъ*, представляющій вполнѣ законченное цѣлое (литературы Востока, Эллады, Рима, французская, итальянская, испанская и др. романскія).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ безъ доставки въ Спб. 7 р. Съ доставкой и пересылкою по всей Россіи 8 р. Разсрочка по ДВА рубля за четверть года. За границей 10 р. Адресъ Главной Конторы: Спб., *Улица Жуковскаго (Малая Итальянская), д. 37.*

———

1—2

Цѣна за отдѣльную книжку 1 р. (выписывающіе отдѣльныя книжки изъ редакціи за пересылку не прибавляютъ).

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія «Литературный Вѣстникъ» за 1901 годъ одобренъ для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Подписка принимается: 1) для городскихъ подписчиковъ въ книжномъ магазинѣ «Новаго Времени», 2) для иногороднихъ—въ редакціи «Литературнаго Вѣстника», С.-Петербургъ, Подольская ул., д. 11, кв. 12, 3) въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.

Редакторъ *А. І. Лященко.*

1—2

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ"

въ 1903 году.

Программа изданія: Развитіе живыхъ силъ нашей родины на основѣ историческихъ законовъ, отвѣчающихъ истинному русскому строю. Отсутствіе партійныхъ и обособленныхъ интересовъ и стремленій. Самобытныя основы русской культуры. Объединеніе духовныхъ и матеріальныхъ интересовъ всѣхъ слоевъ русскаго народа. Жизненное опредѣленіе русской національной задачи во всей ея широтѣ. Ознакомленіе съ выдающимися произведеніями иностранной литературы.

Полнота содержанія. Разнообразіе статей.

Въ первыхъ книжкахъ журнала въ 1903 году будутъ помѣщены романы: *князя Д. П. Голицына, Н. А. Энгельгардта, князя М. Н. Волконскаго, В. Л. Величко* (историческая драма въ стихахъ «Меншиковъ» и др.).

Цѣна изданія въ С.-Петербургѣ и Москвѣ и во всѣхъ городахъ Россіи: на годъ *16* р., на полгода *8* р. За границей на годъ *19* р., на полгода *10* р. Для церковнослужителей и учителей народныхъ училищъ по прежнему льготныя условія подписки.

Адресъ: С.-Петербургъ. Невскій, 136-138. Редакція «*Русскій Вѣстникъ*».

Редакторъ и издат. *В. В. Комаровъ.*

Ред. *В. Л. Величко.*

1—3

Допускается разсрочка отъ **2 руб**. (черезъ каждые 2 мѣсяца). За границу доплачивается **2 руб**. за пересылку. **Всѣ подписчики «Южныхъ Записокъ»** могутъ получить за **3 руб. 50 коп**. роскошное иллюстрированное изданіе (по мѣрѣ выхода въ свѣтъ въ теченіе года) ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ ЗНАМЕНИТАГО НѢМЕЦКАГО ПОЭТА **ГЕНРИХА ГЕЙНЕ** въ *12 изящныхъ томахъ*, въ переводѣ извѣстныхъ русскихъ писателей, съ *500* превосходныхъ иллюстрацій, взятыхъ изъ рѣдкаго изданія Бензингера, стоющаго за границей *40 руб.* Подписавшіеся на соч. ГЕЙНЕ съ разсрочкой уплачиваютъ при подпискѣ *1 руб. 50 коп.* и черезъ каждые 2 мѣсяца по *1 руб.* Иногородніе доплачиваютъ 1 р. за пересылку книгъ.

Подписка и объявленія принимаются: въ Одессѣ исключительно въ Главной Конторѣ Журнала, Ришельевская, д. № 6 (при книжномъ магазинѣ «Новаго Времени»). Въ другихъ городахъ—во всѣхъ книжныхъ магазинахъ—(скидка 50 к. съ годов. экз.).

Первый № «ЮЖНЫХЪ ЗАПИСОКЪ» выйдетъ въ серединѣ декабря.

Адресъ редакціи: г. Одесса, Почтовая 6.

Редакторъ-издатель д-ръ мед. **И. Ѳ. Сабанѣевъ.**

1—3

Съ 1901 г. **„Чтенія въ Историч. Общ. Нестора-лѣтописца“** выходятъ ежегодно въ четырехъ выпускахъ, которые составляютъ одну книгу. Цѣна ей, при подпискѣ на всѣ 4 выпуска, **5 руб**. съ пересылкой; цѣна же каждаго выпуска въ отдѣльности 1 **руб. 50 коп** съ пересылкой.

Продажа I-й и III-й книгъ, оставшихся въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, прекращена.

Цѣна IV-й и V-й книгъ по 2 р. 50 к., ц. VI-й —3 р. 50 к., ц. II, VII, IX, XIII—3 р., ц. VIII, X, XI—2 р., ц. XII—4 р., ц. XIV, вып. 1—1 р. 25 к., ц. 2 и 3 в.—1 р. 40 к., ц. XV кн. 1, 2, 3 и 4 в.—1 р. 50 к., ц. XVI кн. 1—3 в. (Гог. сб.)—4 р. 50 к., ц. XVI кн. вып. 4—1 р. 50 к.—Каждая съ пересылкой.

II-й отдѣлъ II-й книги имѣется и въ отдѣльномъ оттискѣ подъ заглавіемъ: **„Сборникъ въ память 900-лѣтія крещенія Руси“**. Цѣна 1 рубль.

„Труды III-го археологическаго съѣзда“, два тома in-4°, съ атласомъ и указателемъ выставки. Кіевъ, 1878 г. Цѣна 15 р. (вмѣсто 25 р.), съ пересылкой.

„Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева“ (съ 2 рис.) К. 1897 г. Цѣна 75 коп.

„25-лѣтіе Историческаго общества Нестора-лѣтописца“ (Рѣчь и историческая записка Н. П. Дашкевича). К. 1899 г. Цѣна 75 к.

Съ подпиской и письменными требованіями относительно этихъ изданій обращаться въ **Историческое Общество Нестора-лѣтописца при Университетѣ св. Владиміра**, съ личными—къ библіотекарю Общества **И. М. Каманину** (Центральный Архивъ при Университетѣ св. Владиміра).

каго рода, званія и положенія, съ серьезными требованіями къ литературѣ.

Ежемѣсячное изданіе «НОВАГО ДѢЛА» представляетъ собою литературный журналъ съ критическимъ отдѣломъ, какъ-бы самостоятельное ежемѣсячное изданіе, посвященное тѣмъ сторонамъ жизни, которыя не входятъ въ область интересовъ дня. ОСОБЫЕ ОТДѢЛЫ, посвященные русской и иностранной журналистикѣ, даютъ читателю возможность слѣдить за движеніемъ мысли и литературы въ Россіи и за границей.

Еженедѣльная общественно-политическая газета „НОВОЕ ДѢЛО", вмѣстѣ съ книжками «НОВАГО ДѢЛА», охватываетъ всѣ вопросы и интересы текущей жизни. Кромѣ общихъ руководящихъ общественно-политическихъ статей, помѣщаются руководящія же статьи по очереднымъ практическимъ вопросамъ, тщательно обработанная хроника законодательной, земской и общественной дѣятельности, политическія извѣстія и обзоры текущей заграничной жизни; извѣстія обо всемъ новомъ, что дѣлается въ наукѣ; подробныя сообщенія о новыхъ книгахъ, обстоятельныя статьи общекультурнаго, бытового, общественно-жятейскаго и популярно-научнаго характера; корреспонденціи; замѣтки о живописи, музыкѣ и театрѣ. Особенное вниманіе удѣляется явленіямъ мѣстной русской такъ называемой «провинціальной» жизни.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на ежемѣсячный журналъ или еженедѣльную газету *отдѣльно* на годъ—*7* руб., на 6 мѣс.—*3* руб. *50* коп., на 3 мѣс.—*1* руб. *75* коп., съ пересылкой. То же, съ приложеніемъ еженедѣльной газеты на годъ—*10* руб., на 6 мѣс.—*5* руб., на 3 мѣс.—*2* руб. *50* коп., на 1 мѣс.—*85* коп. съ пересылкой. За границу на *3* руб. въ годъ дороже. *Книгопродавцамъ уступка.* Гг. иногороднихъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи (Гончарная, д. 10, С.-Петербургъ), гдѣ принимаются объявленія.

Адресъ редакціи и конторы: *С.-Петербургъ, Гончарная, 10.*

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: кромѣ конторы редакціи, также и въ отдѣленіи конторы „НОВАГО ДѢЛА", при книжныхъ магазинахъ „Новаго времени", Н. П. Карбасникова, въ С.-Петербургѣ и Москвѣ и др. магазинахъ. Въ Кіевѣ у Н. Я. Оглоблина, въ Москвѣ въ конторѣ Печковской.

Редакторъ-издательница *А. Н. Пѣшкова-Толивѣрова.*

2—3

ныя свѣдѣнія. 13) Портреты, рисунки къ тексту. 14). Стороннія извѣстія (рекламы) 15) Казенныя и частныя объявленія.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на 1903 годъ.

На годъ *7 р.,* на 9 мѣс. *6 р.* на 6 мѣс. *4 р.* на 3 мѣс. *2 р.* на 1 мѣс. *75 к.*

Подписка *на 1903 годъ* и объявленія принимаются: 1) въ Главной Конторѣ и 2) въ книжныхъ магазинахъ и кіоскахъ.

Заграничные подписчики къ подписной цѣнѣ приплачиваютъ за каждый мѣсяцъ по 60 коп.

За перемѣну адреса 40 коп., при чемъ необходимо сообщать заблаговременно прежній и новый адресы. О каждой перемѣнѣ адреса просятъ сообщать отдѣльно.

Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца и не далѣе, какъ до конца года.

Плата за объявленія: впереди текста первый разъ по 40 коп., со строки, а послѣдующія по 20 к.; позади текста первый разъ 20 к. со строки, а послѣдующіе по 10 к. съ печатнои строки.

Иногороднихъ просятъ адресоваться въ главную контору «Кіевской Газеты» Б.-Владим. ул. № 34.

Адресъ Главной конторы: Кіевъ, Б.-Владимірская ул. № 34. Телефонъ Главной Конторы: № 1276.

Издатели: *С. Я. Богдановъ, А. Ф. Френкель.*

Редакторъ *А. Ф. Френкель.*

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1903 годъ

на новый ежемѣсячный литературный, историческій и научный журналъ

„Всемірный Вѣстникъ"

Общее направленіе журнала остается тѣмъ же, что было въ «Вѣстникѣ всемірной исторіи» (т. е. общественно-прогрессивнымъ), полнымъ правопреемникомъ котораго явится «Всемірный Вѣстникъ». Литературно-историческія задачи изданія настолько выяснились за $2^1/_2$ годовой періодъ существованія журнала, что намъ, которые вели В. В. И. впродолженіе этого періода, нѣтъ необходимости повторять о нихъ.

Не рекламируя изданія и не указывая на его предполагаемое содержаніе, Редакція всегда стремилась къ тому, чтобы книги журнала представляли собой значительный литературный интересъ. *Мы не будемъ указывать на то, что дадимъ, напомнимъ лишь о томъ, что мы уже напечатали.* Изъ трудовъ, помѣщ. въ В. В. И., позволимъ себѣ, переименовать слѣд.: проф. *Максимъ Ковалевскій:* «Эволюція собственности», «Рабочій вопросъ въ средніе вѣка», Почитаніе предковъ у Кавказскихъ народовъ»; проф. *М. А. Рейснеръ:* «Языческій Римъ и христіанская совѣсть», «Католичество и религіозная нетерпимость въ средніе вѣка»; проф. *А. С. Трачевскій:* «Наполеонъ I»—истор.-біогр. оч., «Міръ Ислама», «Французскіе интенданты»; проф. *Н. П. Лихачевъ:* «Антоній Поссевинъ и Истома Шевригинъ»; проф. *Н. М. Коркуновъ:* «Четыре проекта преобразованія Сената»; проф. *С. Ѳ. Платоновъ:* «О титулѣ «думный дьякъ»; проф. *Г. А. Комаровскій:* «Англія и Трансвааль»; проф. *П. И. Ковалевскій:* «Христина, королева Шведская»—ист.-психолог. оч.; проф. *Э. Марксъ:* «Королева Елисавета Англійская и ея время»; проф. *И. Н. Ждановъ:* «Пушкинъ о Петрѣ Великомъ»; *В. М. Грибовскій:* «Алмазъ изъ рода Гиреевъ»—романъ, «Процессъ братьевъ Пушкиныхъ», «Деревенскій Грозный старыхъ временъ»; проф. *Ѳ. О. Зелинскій:* «Первое свѣтопреставленіе»; *Д. Л. Мордовцевъ:* «За всемірное владычество»—ист. ром.; *В. Я. Свѣтловъ:* «Даръ слезъ»—ром., «Венецейская лагуна», ром.; *Д. Ѳ. Кобеко:* «Директоръ Царскосельскаго лицея Е. А. Энгельгардтъ и его питомцы»; *Н. К. Шильдеръ:* «Къ исторіи Шкловской командировки Г. Р. Державина въ 1799 г.»; *Э. Вестермаркъ:* «Матріархатъ»; *Л. Е. Оболенскій:* «Механизмъ идеала въ исторіи»; *А. А. Хахановъ* «Прошлое Грузіи»; *П. О. Пирлингъ:* «Сорбонна и Россія»; *Батуринскій:* «Герценъ и Тургеневъ» (переписка Г. съ Т.); *В. С. Соловьевъ:* «Воскресное письмо»; *Іосибуми Куроно:* «Принцъ Ммая-до»—оч. изъ ист. Японіи; *К. Каутскій:* «Очерки по исторіи культуры», «Парламентаризмъ и партіи въ Англіи», «Общественныя отношенія во Франціи въ концѣ прошлаго вѣка»; *І. І. Ясинскій:* «Очерки захолустной жизни»; *В. Смоленскій:* «Исторія польскаго народа»—и мн. др. Редакція главнымъ образомъ обращаетъ вниманіе на интересъ содержанія и художественность воспроизведенія беллетристическихъ, историческихъ и научныхъ статей, помѣщаемыхъ въ журналѣ. Обѣщали свое участіе многіе выдающіеся писатели, ученые и другіе художественные и общественные дѣятели. Въ портфелѣ Редакціи имѣется нѣсколько интересныхъ произведеній, съ которыми она предполагаетъ ознакомить своихъ подписчиковъ, между ними рядъ статей: *К. И. Арабажина,* кн. *В. В. Барятинскаго, Батуринскаго, А. М. Бобрищева-Пушкина,*

Б. П. Бурдесъ, Н. А. Гастфрейндъ, С. Ѳ. Годлевскаго, Е. В. Давыдова, И. И. Забрежнева, И. М. Иванова, проф. *Максима Ковалевскаго,* проф. *П. И. Ковалевскаго, Е. Н. Лебедевой, В. Н. Никитина, Н. К. Никифорова,* проф. *В. П. Перетца, Н. А. Попова, I. В. Радзивилловича,* проф. *М. А. Рейснера, Н. Ѳальева, Н. Б. Хвостова, Вс. Чешихина* и мн. др. Затѣмъ будетъ данъ рядъ художественныхъ переводовъ съ иностранныхъ языковъ подъ ред. *А. М. Бобрищева-Пушкина.* Редакція будетъ слѣдить за ходомъ литературы и науки всего міра и по мѣрѣ появленія выдающихся трудовъ въ этой области будетъ знакомить съ ними своихъ читателей. Подписчики получатъ въ теченіе года двѣнадцать книжекъ (около 300 стр. въ каждой) съ иллюстраціями; при каждой книжкѣ будетъ дано не менѣе двухъ приложеній съ особой послѣдовательной нумераціей страницъ. Никакихъ особыхъ премій не будетъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ **6** руб., на полгода **3** руб., за границу на годъ **9** руб.

Допускается разсрочка по 50 коп. въ мѣсяцъ. Для ознакомленія съ журналомъ высылается книжка за 50 к. Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція и Контора: С.-ПБ., Дмитровскій пер., 15.

Редакторъ-Издатель **С. Сухонинъ.**

1—3

ПОЛТАВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Ежедневная общественно-литературная газета.—Годъ изданія первый.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1903 ГОДЪ

Условія подписки: на годъ *6* р., на 6 мѣсяцевъ *3* р. *50* к., на 1 мѣсяцъ *1* р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Полтавѣ въ Главной конторѣ «Полтавскаго Вѣстника» при Губернской типографіи. *Въ Отдѣленіяхъ Главной Конторы* «Полтавскаго Вѣстника» въ Кременчугѣ, на Старомъ Базарѣ по Петровской ул., д. № 41. *Въ Лубнахъ*—въ книжномъ магазинѣ Х. И. Фишелева. *Въ Лохвицѣ*—въ книжномъ складѣ уѣзднаго земства.

Принимаются объявленія для помѣщенія въ «Полтавскомъ Вѣстникѣ».

Редакторъ-издатель *Д. А. Иваненко.*

1—2